

Сергей Ивлев

Деградация Свои Люди

18+

Сергей Викторович Ивлев

Деградация. Свои люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38854787

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая книга цикла "Деградация" рассказывает о судьбе Алексея Чернова. Для кого-то он бунтарь, хулиган и завсегда́тай плохой компании неформалов, плывущий по течению. А кому-то друг, родственник, попавший в беду. Мог ли такой человек сменить сторону и оказаться на службе в милиции по другую сторону баррикад? Оказывается, мог. Но выйдет ли что из этого хорошего?

Деградация. Свои люди.

Год 2005.

Наступавший сентябрьский вечер уже веял холодом, но это ни сколько не смущало компанию молодежи, разместившейся на детской площадке, заняв все возможные лавочки. Большинство было одето в кожаные куртки с зауженной талией и молнией наискосок, за что эти куртки получили в народе название «косуха», впрочем редко у кого молния была застегнута, из-под курток выглядывали черные футболки с различной устрашающей символикой. Кое-кто мог даже похвастаться кожаными штанами, впрочем, это было скорее исключением, большинство просто ограничилось обычными черными джинсами. Несколько девушек повязали на голову платки – банданы, так же то ли с символикой музыкальных групп, то ли просто с пиратскими черепами и костями; ребята бравировали длинными волосами, или же, на худой конец, отросшими, специально не остриженными челками. На вид основной массе было от пятнадцати до двадцати лет, и в них без труда угадывались поклонники одной из молодежных субкультур. Наличие нескольких старых гитар и прими-

тивные попытки на них сыграть позволяли сделать вывод, что субкультура эта музыкальная.

Сидевший чуть в стороне от основной массы в компании с девушкой Алексей Чернов соответствовал этому антуражу если только косухой, да и то больше надетой из чувства солидарности. Он и выглядел старше и физически развитым, редко кто давал ему 21 год, заведомо не зная о его возрасте. Казалось, не так давно он сам имел к ним прямое отношение. Но теперь все постепенно изменилось. Старой компании не стало, люди выросли и теряли интерес к этому увлечению, от нее осталось только несколько человек, так и не нашедших в жизни чего-то более важного и интересного. Сидящая рядом с ним девушка наоборот была миниатюрной, невысокой и худощавой, таким контрастом только подчеркивая достоинства Алексея.

Разумеется, они здесь были не чужими, это был их двор, авторитет Алексея был неоспорим, к нему часто обращались с вопросами и за советами о музыкальных группах как к эксперту, о грядущих концертах и о необходимости забыть стрелку с представителями «вражеских» субкультур. Однажды к нему даже пришел местный участковый, подметивший его статус, с предложением забыть старое и начать дружить, но Алексей быстро дал понять, что это ему совершенно не интересно.

– Объясни мне, зачем ты детям пиво покупаешь? – спросила Алексея девушка, сидящая с ним рядом, наблюдая, как

к пластиковой бутылке по одному присасываются ребята, и затем передают ее дальше из рук в руки.

– Так им не на что его купить. Слушай, Маш, не начинай, а? Два литра на толпу, что им будет? Или ты предпочитаешь потягивать пиво у них на виду, что бы они слюни пускали?

– Я вообще предпочитаю не пиво. Но мы могли выпить по бутылочке и дома, раз уж ты так хочешь. К тому же на улице холодно. И вообще мы тут скоро перестанем быть своими. Взрослеть пора, Леша.

На этот довод возразить было нечего, но она прекрасно понимала чувства Алексея, почему его тянет во двор, да и сама выросла тут же, рядом с ним. Недолго думая, Алексей снял с себя косуху и накинул на девушку, которая в ней тут же утонула.

К Алексею подошло несколько ребят, явно еще школьников, которых он видел раньше, но их компанию они обходили стороной. Теперь же самый смелый из них заговорил:

– Ты Леха, да?

– Ну я, чего надо?

– Можно нам в твою тусовку?

Следившие за этим разговором ребята сразу загалдели, но Алексей поднял руку, призывая их замолчать, затем сказал:

– Кто порекомендовать может?

– Колян сказал, вы принимаете к себе нормальных ребят.

– Коля, ты за них поручишься? – повысив голос, Алексей обратился куда-то в сторону обладателей косух. Вышедший

немного вперед юноша закивал. Тогда Алексей вернулся к подошедшим:

– Колян он для меня, для вас Николай. Понятно?

– Понятно...

– Хорошо. – Алексей вновь обернулся к основной массе и, повысив голос, сказал:

– Принимайте пополнение, народ! На испытательный срок.

Казалось, всего пару-тройку лет назад так же принимали его. Обычный жизненный уклад был разрушен в один момент. В четырнадцать лет у Алексея умерла мама. Совершенно неожиданно оторвавшийся тромб остановил циркуляцию крови, приехавшая бригада скорой помощи лишь констатировала смерть. Его отец и раньше–то бывал дома только по ночам, и то не всегда, постоянно пропадая на работе в личной охране у какой–то «шишки», теперь же Алексей после школы был предоставлен сам себе в пустой квартире абсолютно без чьего–либо внимания. Что бы осуществлять хоть какой–то контроль, Алексея проводывала и кормила обедом соседка, Лидия Павловна, с которой договорился отец. Она в одиночестве воспитывала сына Мишу, который был старше Алексея на пару лет, потому была совсем не против появившейся возможности подработать немного денег. Ее работа фельдшером скорой помощи имела только один плюс, поменный график работы, позволявший ей часто бывать дома в будние дни. Когда же выпадала ее смена, функции вос-

питателя брал на себя Миша, впрочем, исполнял их скорее формально, эта роль ему была совершенно не по душе, но он сразу преобразался, отвечая на вопросы про русский рок, когда Алексей его спрашивал.

Но то было днем. Вечерами Алексей начинал маяться в поисках занятия. Под окнами каждый вечер собирались старшие ребята, ведя себя достаточно шумно, пели под гитару, смеялись, и однажды Алексей набрался смелости, подошел и попросил разрешения послушать песни. Его встретили смехом, но Миша, бывший тут завсегдатаем, шепнул что-то самому старшему из них, тот отложил гитару, цыкнул на остальных и сказал:

– Чего налетели на парня, как шакалы? Или есть желающие, кто хочет с ним один на один предъявить что-то? – Силой и телосложением природа Алексея не обделила, поэтому, не смотря на его возраст, желающих, да и повода не нашлось. – Пусть слушает. Устроим ему испытательный срок, Миша, под твою ответственность.

– Хорошо. Да он нормальный пацан, увидите.

Миша Куприянов тогда возможно просто пожалел его по-своему, зная его судьбу. Для Алексея испытательный срок стал обязательным условием участия в первую очередь в акциях против конкурирующих уличных группировок, чья единственная и главная вина была лишь в том, что они предпочитали другую субкультуру. Фактически молодежи просто нечем было заняться, и таким образом они выплескивали

свою энергию.

Достаточно часто эти столкновения заканчивалось травмами и приводами в милицию тех, кто не смог вовремя убежать от наряда ППС, прибывшего по чьему-то звонку на место столкновения, или с последующим отловом тех, кого потом называли задержанные и потерпевшие. Милиционерам проблемы молодежи особо интересны не были, установление всех участников конкретного столкновения их волновало постольку— поскольку, к тому же Алексей был несовершеннолетним, ему все сходило с рук, если не считать постановку на учет и периодические профилактические беседы с инспектором по делам несовершеннолетних. Разумеется, безрезультатные, поскольку пользуясь своим несовершеннолетием вполне осознано, он не брезговал брать на себя чужие грехи, прикрывая признанных лидеров, впрочем, ничего особо серьезного он на себя не брал, от всего, идущего дальше рамок хулиганства, отрекся, хотя милиционеры иногда пытались повесить на молодежь вообще не их «подвижки», таким образом улучшив раскрываемость или просто потянуть денег у испуганных родителей. Однако делали они это достаточно вяло, прекрасно понимая, что любой адвокат, нанятый родителями своему трудному отпрыску, без проблем развалит такое обвинение. Но даже за раз за разом взятую на себя мелочевку Алексей в компании быстро стал своим.

Как и все прочие родители, отец пытался вразумить сы-

на, но дома они теперь встречались совсем редко, так как он встретил другую женщину и жил с ней в ее квартире, забегая к сыну два–три раза в месяц и снабжая того деньгами и продуктами. Да и время было упущено. К окончанию девятого класса Алексей из разряда крепких середнячков скатился к отстающим, впрочем, учителя сироту пожалели, выдав ему аттестат с оценкой «удовлетворительно» практически по каждому предмету, но путь в десятый класс для него был закрыт. Из выпускников трех девярых классов собирался только один десятый, в котором места Алексею не нашлось. Не прошел по конкурсу.

Тогда с подачи отца его приняли в строительный колледж. Он согласился продолжать финансировать Алексея при обязательном условии, что он будет продолжать учиться. Неизвестно как бы продолжалась жизнь дальше, но однажды августовским вечером, еще не начав обучение в колледже, он встретил Машу. Точнее, обратил на нее пристальное внимание, встречал-то он ее и раньше.

Как–то на детской площадке, когда компания потихоньку уже начала рассасываться, а вечер уже плавно перетекал в ночь и ребята начали расходиться по домам, он заметил одинокую девушку, сидящую на лавочке. Она здесь бывала и раньше, но до нее обычно никому не было дела. Невысокая, худенькая, в потертом стареньком легком платьице, она уже начинала ежиться от озноба, потирая себе плечи. Алексей видел ее в школе и знал, что, не смотря на свой обман-

чивый внешний вид, она его ровесница и училась в параллельном классе, и, так же как и он, осталась без места в десятом. Причем не столько из-за успеваемости, с которой у нее было более-менее нормально, сколько из-за социального статуса, так как она была из неблагополучной семьи, ее родители любили приложиться к стакану, а следовательно, никакой материальной помощи школе от них ждать не приходилось. Иногда они входили в штопор на неделю, квартира превращалась в притон, но самое страшное начиналось тогда, когда пить им было уже не на что. Похоже, что сейчас наступил именно этот период. И какой прок учителям от детей таких родителей? Естественно, никакого. Ни на шторы, ни на охрану с них не попросишь.

Маша держалась обособленно, ни к какой молодежной группе не относилась, но и ее никто не обижал, хотя близко с ней никто тоже не дружил.

– Ты чего домой не идешь? – спросил ее Алексей, подходя к ней.

– Меня там все равно не ждут...

– Понятно. Ты Маша, да?

– Да. А ты вроде Леша? – спросила она, подняв на него взгляд.

– Ну, меня тут многие знают, – улыбнулся он. – Значит, ты так и будешь здесь сидеть и мерзнуть?

– Ты знаешь, сейчас это лучше, чем вернуться домой, – сказала она, затем заслонила ладонью рот и несколько раз

кашлянула. Алексей понял ее по-своему, у него живо всплыли в памяти воспоминания двухлетней давности, дополненные на миг нахлынувшим ощущением одиночества и собственной ненужности. Поэтому, сам того от себя не ожидая, он сказал:

– Понятно. Пошли со мной. Если хочешь, конечно.

Маша недоверчиво подняла голову, косясь на него с явным сомнением. Предложения подобного плана от алкашей, друзей родителей, имели достаточно прозрачную цель. Заметив ее сомнения, Алексей добавил:

– Да не трону я тебя, не бойся, – и, снова улыбнувшись, произнес: – Если тебе эта лавочка кажется более достойным местом для ночлега, то это, конечно, твое дело. Только ты тут замерзнешь и простынешь.

Девушка еще немного подумала, взвешивая все «за» и «против», в итоге встала и произнесла:

– Хорошо. Пошли.

Они поднялись в квартиру, где Алексей открыл дверь в одну из двух комнат, ткнул внутрь пальцем и сказал:

– Располагайся. – Затем вошел туда сам, оставив Машу в дверях, откуда-то из шкафа достал постельное белье, положил на застеленную покрывалом кровать, из другого отсека шкафа достал огромное махровое полотенце. – Застелешь сама, я надеюсь? Ванна там, если нужна, – он указал пальцем сквозь стену комнаты в сторону санузла. – Если хочешь, можешь покопаться в холодильнике, не стесняйся. Все, спо-

койной ночи.

Не дожидаясь ее ответа, он направился в другую комнату, и захлопнул за собой дверь. Маша еще некоторое время недоуменно смотрела на постель, потом на дверь, за которой скрылся Алексей, затем видимо решив, что утро вечера мудреней, принялась готовить себе спальное место.

На следующее утро Алексей не сразу и вспомнил о том, что он в квартире не один, лишь услышав кашель из соседней комнаты, сообразил, что привел вчера к себе Машу. Между тем она явно не могла откашляться. Тогда он деликатно постучался в дверь.

– Да, Леш, заходи, – откликнулась она, снова начав кашлять. Она уже была одета, постельное белье аккуратно сложено рядом.

– Вот угораздило же тебя практически летом простыть.

– Сентябрь на дворе, если ты не заметил. Ерунда, пройдет, – ответила она, немного откашлявшись. – Я сейчас уйду, ты не беспокойся...

– Я тебя не гоню, да и куда тебе сейчас топать–то, – спокойно возразил Алексей, затем приложил ладонь к ее лбу, не ожидавшая этого Маша немного опешила и отпрянула, осторожно, но настойчиво убрала его руку, но он успел ощутить ее жар. – У тебя температура. Тебе вообще никуда уходить не следует. Ложись. Сейчас врача приведу.

– Не надо никакого врача, зачем? – запротестовала Маша.

– Да не волнуйся, она в соседней квартире живет, сейчас

проконсультирует, как тебя лечить. Ложись, говорю.

Лидия Павловна была дома, но изрядно удивилась просьбе Алексея осмотреть пациента, впрочем, отказывать тоже не стала. Через некоторое время она уже выносила вердикт:

– Постельный режим, больше пить жидкости, и принимать эти таблетки, – она записала названия на листке бумаги, затем, покосившись на Машу, добавила: – И желательно ее накормить.

– Я не хочу есть, – прошептала Маша.

– Да ты на себя посмотри, кожа да кости! – возмутилась Лидия Павловна. – Никаких возражений.

Алексей поблагодарил ее за помощь, и проводил до дверей, где она его остановила и спросила:

– А папа знает, что у тебя тут девушка с тобой проживает?

Алексей хотел было ей объяснить ситуацию, как она к нему попала, и уже было начал речь, но бросив взгляд на выражение лица Лидии Павловны, тут же осекся. Она ему все равно не поверит. Потому просто коротко ответил, как есть:

– Нет.

– Я буду вынуждена сообщить ему. – Лидия Павловна открыла дверь, собираясь уходить и давая понять, что разговор на эту тему закончен, но Алексей сказал ей вслед:

– Единственная просьба, можно?

– Какая?

– Не надо ему говорить ничего сегодня. Пусть хоть на ноги встанет. Дня через три, если можно. – Она остановилась и

засомневалась, тогда Алексей добавил: – Пожалейте ее. Что это изменит? Сами же сказали, кожа да кости...

– Ну, хорошо. Три дня, – сказала она и вышла из квартиры.

Оставив Машу у себя дома, Алексей быстро пробежался сначала в аптеку, затем в продуктовый магазин, и вернулся как раз вовремя, что бы, открыв дверь, застать Машу, колдующую над замком входной двери. Оценив ситуацию, он только сказал:

– Мария, далеко ли ты уйдешь, если даже с замком справиться не в состоянии?

– Я тебе и так достаточно проблем причинила.

– Это каких же? – удивился он, после чего взял ее, словно пушинку, на руки, не собираясь даже слушать возражения, и отнес назад в комнату, усадил в кресло, затем застелил постель из аккуратно сложенной стопочки белья. – Тебя уложить, или сама?

– Не культурно такие вопросы девушкам задавать, – отозвалась Маша, но, заметив смущение Алексея, улыбнулась. – Сама, не напрягайся.

– Ладно, вот лекарства, – сказал он немного смущенно, поставив рядом пакет сока и медикаменты. – Пойду, сварю бульон тебе, скоро управлюсь...

– Эй, не надо, ну я правда не хочу...

– Отдыхай, – ответил он ей, кинув пульт от телевизора ей на кровать. Сам же пошел в другую комнату, включил ком-

пьютер, постучал по пищащему модему, упорно отказывающемуся устанавливать соединение с Интернетом, затем принялся изучать рецепты варки куриного бульона.

Через пару часов, худо–бедно решив поставленную задачу, он вошел с подносом с тарелкой бульона и плавающими в нем кусочками куриного мяса вперемежку с размокшими сухариками, обычно употреблявшимися вместе с пивом. Видимо лекарства уже подействовали, она уже не закатывалась кашлем.

– Ну зачем? – запротестовала Маша, – Я не хочу! Не буду!

– Я даже тебе поверю, что не хочешь, это потому что ты заболела, – ответил он ей, – но надо, и это не обсуждается. Не волнуйся, вполне съедобно, я попробовал.

Однако Маша продолжала скептически поглядывать на блюдо. Тогда Алексей зачерпнул ложкой немного бульона, поднес к ее рту, и сказал:

– Давай, за маму...

Маша изменилась в лице, и резко сказала:

– Не надо о моих родителях. Не напоминай, пожалуйста.

– Извини. Но ты поешь, а? Я старался...

Маша снова покосилась на Алексея, но взяла тарелку, и зачерпнула ложкой бульон, стараясь избежать плавающих размякших кусочков сухариков, но все же отправила ее содержимое в рот.

– А ты прав, на вкус это лучше, чем выглядит. Спасибо. – Заметив, что Алексей явно стал довольным от похвалы, до-

бавила: – Добрый ты.

– Пожалуйста, – Алексей засмутился еще больше и налился краской.

– Там еще бульона–то много?

– Добавки принести? Сейчас!

– Нет! Это бы съесть! – остановила она сорвавшегося уже было с места Алексея. – Я оклемаюсь, нормальный суп сделаю из того, что осталось, у тебя там полный холодильник продуктов. Надеюсь ты сухари в него не высыпал?

На следующий день Маша пришла в себя, почувствовала себя намного лучше, и выполнила свое обещание, приготовив суп, салат и полноценное второе. Вечером она снова за собиралась уходить, но Алексей опять запротестовал и проводил ее к постели, хотя она не сильно–то и хотела ложиться и пыталась упираться, впрочем, не очень активно.

– Смотри телек, ты еще не в порядке, – сказал он, включил телевизор и сунул ей пульт в руки.

– Я уже в порядке, – улыбнулась Маша. – Алеша, – она взяла его руку, вынула из нее пульт и убрала его в сторону, но его руку не отпустила, – почему ты со мной возишься?

– Себя вспомнил. Только тебе, похоже, еще больше досталось. Я тебя пожалел.

– Не надо меня жалеть...

– Не кипятись. Каждому нужна забота, тепло...

– И любовь... – добавила она.

– Да, и любовь, – сказал Алексей и повернул голову и кив-

нул в сторону телевизора. – Но я ее только там и видел последние два года.

– Эй, ты сейчас не туда смотришь, – сказала Маша, аккуратно повернув его лицом к себе. – Я здесь, – она придвинула его голову к себе и поцеловала в губы. Затем немного отстранилась, и спросила: – Ты раньше девушку целовал?

– Нет, – совершенно растерянно ответил ей Алексей.

– Я так и подумала, целоваться ты не умеешь. Но я научу.– Ты, выходит, умеешь? Маша вздохнула, и сказала:

– Не порть вечер.

Улыбнулась и снова его поцеловала, прежде он что–либо ей ответил.

...Отец Алексея обнаружил их, спящих в обнимку, утром.

Немного позже, уже на кухне, он кричал:

– Тебе шестнадцать лет, не рановато девок в постель таскать начал? Сколько ей? – спросил он, скептически оценивая Машу.

– Мне шестнадцать, – ответила она, глядя в пол.

– Ну конечно!

– Паспорт в сумочке, можете посмотреть, – не поднимая взгляда, чуть слышно проговорила Маша.

– Ей правда шестнадцать, – пробубнил Алексей.

– А ты хорошо устроился. Гулянки–пьянки, девку привел, а плачу за все я?

– Я пойду... – прошептала Маша.

– погоди, Маш, – Алексей ее обнял одной рукой и прижал

к себе. Вариантов освободиться у нее особых не было. Затем посмотрел на отца. – Я могу и сам себя обеспечивать.

– Это интересно как? Воровством?

– У меня не будет особого выбора, – совершенно спокойно ответил Алексей, – ты же понимаешь все сам. Может быть, мне повезет.

– Выброси эти мысли из головы! Так вот, пока тебя содер- жу я, будь любезен выполнять некоторые обязательства! От- пусти девочку, она домой хотела.

– Зачем мне ее отпускать? Ты уйдешь, мне потом ее ис- кать, назад уговаривать вернуться, – парировал Алексей, хо- тя и больше назло. – Пусть сразу остается.

– А ты не много на себя берешь?

– Нет. А ты? Если бы я захотел ее от тебя спрятать на два- три дня в месяце, когда ты тут бываешь, я бы спрятал. Но зачем что-то придумывать? – с вызовом сказал Алексей. – Ты тоже неплохо устроился, между прочим, не долго по маме горевал.

– Да как ты смеешь? Что ты вообще о жизни знаешь?

– Многое. Два года назад как увидел ее во всей красе, так и продолжаю наблюдать. И никому до меня нет дела. И вдруг сегодня появляешься ты и начинаешь меня воспитывать. Ты где раньше-то был?

– Я?! Я деньги зарабатывал. Тебя содержу!

– Скажи мне папа, – Алексей обдумывал мысль, внезапно пронзившую мозг, и теперь осторожно подбирает слова, что

бы ее преподнести, – ты же еще когда мама жива была, дома появлялся не очень часто. Случаем не у своей нынешней подруги время коротал?

– Что?.. – запнулся отец. – Да как ты...

– Да как я что? – ответил ровным тоном ему Алексей, прижимая к себе Машу уже обеими руками. Отец выглядел растерянным, похоже, попадание было точно в цель. – Ты сам подтолкнул к такому выводу.

– Леша... – сказал отец уже спокойней. – Это все равно не важно уже.

– Может быть тебе и не важно. Сегодняшним днем жить всегда проще. Просто... Это предательство в чистом виде. В общем, не нужны мне твои советы.

– Это ты красиво рассуждаешь, особенно когда всегда в наличии полный холодильник жратвы, приготовленной Лидией Павловной, – он открыл дверь и провел рукой демонстративно по кастрюлям и сковородкам. – Удобно!

– Это Маша приготовила.

Отец бросил удивленный взгляд на девушку, прильнувшую к Алексею. Затем снова перевел взгляд на сына, сказал:

– Ладно, черт с вами. Блажь пройдет. Тебе следует не забывать об учебе, и вам, девушка, наверное, тоже. И еще вам следует помнить о контрацепции, а то наломаете дров... Пока ты учишься, пусть все будет по старому.

– Лидию Павловну можно уволить, – добавил Алексей. Отец лишь одарил его скептическим взглядом. Впрочем,

долго он задерживаться не стал и минут через пятнадцать оставил молодых людей вдвоем.

Позже, завтракая на кухне, Маша сказала:

– Как–то ты быстро за меня решил все.

– А ты что, против? – сразу нахмурился Алексей. – Что ж, извини.

– Нет–нет, что ты, – ответила она, впрочем, не совсем уверенно, с тенью сомнения. – Только мне даже переодеться не во что, за вещами бы надо сходить.

– Пойдем, в чем проблема? – сразу воодушевился Алексей.

– Леша, возьми с собой еще пару человек из ребят покрепче, и тогда пойдем, – сказала она, мрачняя, затем, подумав немного, еще добавила: – Только не калечьте там никого. И сами будьте осторожны.

– Хорошо Маш, я понял, – ответил посерьезневший Алексей, оценив смысл сказанного. Спустя некоторое время, он снова заговорил: – Надо тебе косуху будет приобрести.

– Мне? Зачем? – удивилась Маша.

– Что бы все знали, что ты из наших, и тебя никто не трогал.

– Да меня и так никто не трогает. Но если ты так хочешь... – она улыбнулась. Предложение вроде бы ей понравилось.

С тех пор прошло пять лет. Вопреки ожиданиям, они все еще были вместе. Алексей благополучно окончил колледж, не особо успешно, но с достаточным результатом для зачис-

ления в не очень престижный строительный институт без экзаменов, после чего отец предложил продолжить их «сотрудничество» еще и на время обучения в институте, раз уж теперь впереди был уже сразу третий курс. Маша так же отучилась в одном из колледжей на бухучет, но учиться дальше отказалась категорически, и устроилась в одну из компаний помощником главного бухгалтера.

Алексея эта ситуация не очень устраивала, так как получалось, что он фактически сидит на шее у отца и Маши, но те его успокаивали, иногда даже вместе, мол свое он еще возьмет. Бросить дневное обучение означало тут же оказаться в сфере интересов военкомата, поэтому Алексею приходилось довольствоваться случайными заработками, от которых он никогда не отказывался.

Вечерние посиделки со временем стали сходиться на нет из-за изменившихся интересов и совсем других жизненных проблем, но иногда Алексей появлялся вечером на детской площадке, как правило, в компании Маши. Старые лидеры пропали кто куда: кто-то переехал, кого-то изменила до неузнаваемости служба в армии, кто-то оказался за решеткой, а кто-то, как Миша Куприянов, познакомился с наркотиками и перестал быть тем человеком, которого все знали и уважали. Впрочем, были и те, кто просто повзрослели, обзавелись семьями, принеся новые проблемы, так что на старое хобби времени не осталось. Сам Алексей сюда захаживал скорее по привычке, но его помнили, еще бы, одна из

легенд двора. Кроме того, обычно он покупал двухлитровую бутылку пива и отдавал ее на «общак», за что его авторитет возносился до небес. Но теперь ему это все уже было не так важно. Всему свое время.

Между тем, Маша продолжала ему выговаривать:

– Я же говорила. И что в итоге? Допили они «баклашку», и все равно теперь слюни пускают. Пошли домой?

– Ладно, уговорила. Сейчас пойдем.

Обычно так легко Алексей никогда не соглашался, потому заподозрившая неладное Маша тут же произнесла:

– Что–то ты сегодня как–то не весел.

– Маш, у меня экзамен с весны висит, сдать не получается. Сессия давно уже кончилась, сроки горят. Наверное, придется платить... Неделю мне дали, потом все, отчисление.

Маша возмущаться не стала, а просто спросила:

– Сколько?

– Двести долларов.

– Совсем никак иначе?

– Никак. Попрошу у отца.

– Ладно, – вздохнула она. – Только он будет немного не доволен. Может, сами перекрутимся?

– Немного, ага, – Алексей прекрасно понимал, что это «немного» означало очередную ругань. Но бросив беглый взгляд на Машу, сразу вынес вердикт: – Нет, от тебя отрывать я не хочу.

– Алеша...

– Не обсуждается. Пошли домой.

Но только они засобирались, к ним подбежал молодой парень, которого они по имени–то и не знали, изменивший сразу свой маршрут от основной группы к Алексею, как только заметил его присутствие, и произнес:

– Слышали новость? Михе четыре года присудили.

– Куприянову? – уточнила Маша.

– Да.

Что ж, это был закономерный итог. Миша несколько лет назад попробовал героин, и за прошедшее время превратился буквально на глазах в опустившегося, конченого наркомана. Из дома уже нечего было выносить, и что бы остановить ломку, он не придумал ничего лучше, чем взять с собой такого же дружка и ударить ночью трубой прохожего в соседнем дворе по голове и обчистить его, что они и осуществили, но попали в кадр камеры наблюдения, установленной на подъезде. Больших сложностей установление личностей нападавших у милиционеров не вызвало. Достаточно быстро его взяли, отпираться он не стал, до кучи получил еще какой–то эпизод в нагрузку от следователя, не имевшего большого желания что–то изобретать для раскрытия аналогичного дела. В итоге за два эпизода с тяжкими телесными повреждениями и грабежами он мог получить и больше, но его мать, Лидия Павловна, последние свои сбережения потратила на адвоката. Видимо толкового, пару лет ему как–то с потенциального срока снять удалось.

– Но это еще не все. Чижа черные прессанули. Морду набили и карманы вывернули. Деньги, плеер, телефон...

– Нашего Чижа? – уточнил Алексей. Он знал этого парня из молодого пополнения, получившего свою кличку за любовь к творчеству одноименной группы, но имя вспомнить с ходу не мог.

– Ага. В больничку увезли.

– Когда?

– Пару часов назад. Мы им уже стрелку забили.

– И когда?

– Через час на стройке.

– Маша, это уже беспредел, – обратился Алексей к своей спутнице, – этого нельзя прощать. Иди домой.

– Может проще в милицию обратиться? – спросила она, но Алексей одарил ее взглядом исподлобья, и она лишь добавила: – Ладно, жду дома. Но я это не приветствую.

Визуально проводив Машу до подъезда и удостоверившись, что она вошла в него, Алексей повернулся к группе ребят, и сказал:

– Собирайте бойцов. Пойдем, пообщаемся.

После чего взял недопитую Машей бутылку пива и аккуратно сунул во внутренний карман. Не выбрасывать же.

Стройка представляла собой обнесенное забором недостроенное здание, явно промышленного характера, и находилась совсем не далеко. Его начали строить еще в советское время, но с развалом страны она сначала остановилась, по-

том куда-то увезли краны, уехала прочая строительная техника, после чего все, что стоило хоть что-то и представляло интерес местного населения, было растащено. Остались нетронутыми лишь бетонные плиты, сложенные друг на друга, но оно и понятно, их тихо не унесешь. Теперь уже было принято решение о сносе недостроенного здания, но десятков этажей без крыши с пустыми оконными проемами, словно памятник, пока все еще служили наглядным напоминанием о первой десятилетки новой независимой России. Это место традиционно служило площадкой для столкновений и выяснения отношений между противоборствующими молодежными движениями. А последние несколько лет и для решения межнациональных проблем. Группа из примерно двадцати человек под предводительством Алексея остановилась у входа на территорию стройки.

– Там они, человек пятнадцать, – предоставили Алексею доклад ребята, посланные на разведку. – Кавказцы похоже, или какая другая чернота.

Черными, или как-нибудь еще похлеще, обычно называли всех выходцев из народов Кавказа, мигрирующих в сторону Москвы, и традиционно оседающих в районах с рынками и прочей торговлей. Поскольку вещевой рынок наличествовал и был в относительной близости, район, в котором проживал Алексей, был не исключением, кавказская диаспора постепенно увеличивалась. Конечно, она была неоднородна и включала в себя различные национальности, но какой кон-

кретный народ кто представлял, никого особо не интересовало. Для русских и примкнувших к ним родственников славян они все были лицами одной, кавказской национальности, появившейся благодаря неграмотным журналистам. И если поначалу одиночные представители вели себя очень спокойно, то со временем, объединившись в группы, стали вести себя гораздо наглей. Это касалось и молодежных формирований. Особенно когда с Кавказа приезжало свежее пополнение к родственникам в поисках лучшей доли, часто из провинциальной глуши своих стран, а кто-то и вовсе действительно спустился с гор. Московская реальность для них почему-то очень быстро становилась синонимом вседозволенности, уж очень она была далека от привычных традиций, обычаев и порядков. А уж сколько кругом было соблазнов...

Естественно это приводило к столкновениям, причем если раньше московские молодежные группы разных направлений ни при каких обстоятельствах не выступали единым фронтом против какой-то третьей силы, то теперь такое периодически случалось. Впрочем, в сводках милиции никаких этнических столкновений и вообще любых конфликтов по национальному признаку никогда не фиксировалось. Еще бы, это же сразу привлекало пристальное внимание со стороны общественности, правозащитников, возмущенных представителей этнических диаспор и просто журналистов, главным образом, всех интересовал вопрос, как же, в первую очередь, милиция такое допустила. Милиции на этот резо-

нансный вопрос отвечать совершенно не хотелось. А раз так – нет проблемы, нет вопросов. Славянские междоусобные мордобои никогда никакого резонанса не вызывали. Так и оформляли, если оформляли вообще.

Вот и сейчас из-за забора стройки доносились звуки национальных кавказских песен и танцев, по всей видимости, горцы поднимали свой боевой дух. Разговаривать с ними было совершенно бесполезно, любые переговоры означали принятие их видения вопроса как бесспорную истину, уступки принимались же за слабость противников. Это тоже стало понятно не сразу. Поэтому, старую истину про чужой монастырь приходилось объяснять силой.

Впрочем, другую старую истину про то, что далеко не национальность красит человека, а скорее наоборот, доказывал Ашот. Выросший в Москве в армянской семье, он надел косуху и без особых проблем влился в коллектив, приняв его нормы и правила без какого-либо дискомфорта для себя. Конечно, вероятно положительную роль в этом процессе сыграло детство в русском обществе и дружественные религиозные взгляды двух народов, но факт оставался фактом, хотя «соклановцы» временами подкалывали его на тему национальности, но совершенно беззлобно. Он был своим, прекрасно это знал, потому не обижался. Более того, сам кавказцев иной раз называл черными и даже более обидными производными словами, категорически отказываясь причислять себя к ним.

– Ну что, Ашот, узнаешь мотивы? – спросил Алексей.

– Нет, – ответил Ашот чуть погодя, видимо прислушавшись к тексту песен. Для всех остальных любое кавказское музыкальное творчество на слух было примерно одинаковым, но на Ашота все уставились с подозрением. Он поспешил объяснить: – На Кавказе более сотни народов и народностей. Думаете, я каждый язык свободно знаю? К тому же я даже на армянском с сильным акцентом разговариваю.

– Да какая разница, кто они, – ответил Алексей, – Ашот, если тебя это как-то задевает, можешь не участвовать, я пойму.

– Леха, я даже рад, что ты не в курсе о глубокой, многолетней дружбе между отдельными народами Кавказа, – Заметив, что Алексей совершенно не понял тонкого намека, он добавил: – В общем, если ты хочешь с ними о чем-то поговорить, прежде чем начнется махач, не стоит им до тех пор вообще меня видеть.

– Вот так? Вы же вроде одинаковые... Ты не подумай... А кто ты там сам по национальности-то?

– Мы не одинаковые. Можешь считать, что я русский в их понимании, – сказал Ашот, и улыбнулся. Впрочем, улыбнулись все, хотя мало кто из ребят вообще задавался вопросом, что такое ассимиляция, и почему второе поколение практически любых мигрантов, оторванных от своей кровной нации, уже являлось полноценными носителями культуры той страны, в которой они выросли.

– Ладно парни, хорош веселиться! – осадил всех Алексей.

Из толпы же кто-то сказал:

– Может, скинов позовем? Тут они помогут без вопросов.

– На кой хрен нам эти фашисты! Сами справимся, – ответил Алексей, – да и по Ашоту у них как раз могут возникнуть вопросы.

Никто не знал, откуда вообще появились скинхеды, но крепкие бритоголовые ребята в армейских ботинках действительно встречались. Хотя конфликтов с ними особых никогда не возникало, сферы интересов явно не пересекались. Было понятно, что как явление они появились как ответ беспардонным понаехавшим. Хотя и дружескими отношения с ними тоже далеко не были. Как-то уж очень не по душе было их заигрывание с нацистской свастикой для ребят, объединившихся просто на основе музыкальных вкусов, оттого дел с ними предпочитали не иметь. Да и на Ашота действительно те поглядывали косо, впрочем обострять отношения из-за него одного него тоже не хотели. Так как прекрасно знали, чей он.

– В общем, слушайте меня, – продолжил инструктаж Алексей. – Ашот, бери себе человек десять на твой вкус, и обходите стройку вокруг к дыре в заборе. И не показывайтесь, пока не начнется махач. Остальные со мной через центральный вход пойдут. Пусть почувствуют себя в большинстве. Как начнется, подлетайте. Мы пойдём налегке, с пустыми руками, что бы они потом не сказали, что мы вооружен-

ные до зубов пришли. Ашот, а вы можете уже хоть с палками подлетать, вы же типа на помощь слабым придете. Только больших всех оставь тут, нам их в лоб встречать.

Ашот кивнул, быстро перечислил нужных людей, и его группа легким бегом побежала по периметру забора, вскоре свернув за него за угол и скрывшись из вида.

Решение идти налегке не означало полного отсутствия оружия как такового, так как даже обычные «тематические» кожаные перчатки с металлическими шипами на костяшках в рукопашном бою становились серьезным аргументом, а многие не брезговали носить в карманах полноценные кастеты, сделанные кустарным способом, цепи, или даже нунчаки, скрытые от любопытных глаз косухой во внутреннем кармане. Впрочем, нунчаки были скорее выпендрежем, чем реально полезным оружием, никто толком не умел с ними обращаться. Подобные меры вошли в моду именно с появлением кавказских молодежных групп. У них «на вооружении» встречались и ножи. Поэтому столкновения с ними отличались повышенным градусом жестокости.

– Леха, а ты что же, совсем без ничего пойдешь? – спросил кто-то из ребят.

– Ну почему же, вот, – он указал на пустую бутылку пива в руке. – И кстати, есть еще Машкина, – сказал он и достал ополовиненную бутылку, отправив пустую во внутренний карман. – Держите. По глотку. Для поднятия боевого духа.

Через минуту к нему вернулась пустая бутылка. Еще раз окинув взглядом ребят, Алексей коротко скомандовал:

– Готовы? Погнали!

Открыв металлическую дверь, врезанную в забор, он первым вошел на стройку с пустой бутылкой в руке. Группа двинулась за ним в сторону молодых кавказцев, сидящих на корточках в стороне, которые показательно не обращали никакого внимания на вошедших, продолжая негромко щебетать на своем языке, и дружно встали, только когда до них осталось метров десять. Чуть в стороне, на верхней из сложенных друг на друга потрескавшихся бетонных плит, стоял магнитофон, из которого и доносились кавказские барабанные мелодии.

– Вырубите свою шарманку! – прокричал Алексей.

– А то что? – высокомерно спросил его один из кавказцев, который, видимо, был их лидером.

Не вступая в дальнейшую словесную перепалку, Алексей запустил бутылку из-под пива в магнитофон. И попал. Бутылка от удара о магнитофон разлетелась на множество осколков, сам магнитофон слетел с плит, ударился до кучи о землю, и затих.

– Ненавижу хип-хоп! – заявил Алексей, так как совершенно не представлял, к какому музыкальному направлению отнести услышанное барабанное песнопение и не прекращающийся ударный ритм на один мотив. Поэтому просто выбрал одно из наиболее враждебных направлений его

музыкальной культуре.

– Ты за это ответишь! – прошипел тот же кавказец.

– За что Чижа изуродовали?

– Мы взяли то, что принадлежит нам. Вы должны нам денег.

– Кто это «вы»? Мы вам ничего не должны! Никто из наших с вами никакого дела бы иметь не стал!

– Ваш парень, Миша, взял в долг у нас. И не отдал вовремя. Точней, вообще не отдал.

– Какой такой Миша? Что ты гонишь? – с вызовом произнес Алексей.

– Куприянов его фамилия.

Алексей изменился в лице. Миша Куприянов явно искал денег на дозу, и ему все равно было, где он их возьмет.

– Ты что, не видел, кому давал? Он давно уже не наш!

– У него на лбу не написано, что он уже не ваш, да и терся он постоянно с вами. А что он торчок, так это его личное дело. Свое слово мужчина должен держать.

– И при чем тут Чиж?

– Так Мишу вашего закрыли. Должна семья за него отвечать. Он из вашей семьи, первым нам попался, и не захотел долги отдавать. Еще и дерзил. Я уже сказал, мы взяли то, что принадлежит нам. Теперь вы должны нам еще за магнитофон.

Алексей бросил взгляд, полный ненависти, на кавказцев. Типичная их логика, дальше можно не продолжать. Они то-

же прекрасно понимают, что разговор закончен, и в данный момент ожидают его решения, хватит ли у него смелости пойти в неравный бой, или же он отступит с позором. Если сейчас отступить, значит, они вообще ни во что не будут ставить их в дальнейшем, так как только язык силы для них приоритетен. Поэтому, набрав полную грудь воздуха, Алексей прокричал:

– Бей чертей!

И его группа пошла за ним в атаку. Их противники, ощущавшие свое численное превосходство, даже опешили от неожиданности и удивления, что стоило им потери инициативы, некоторые из них сразу упали, пропустив неожиданные встречные удары. Однако быстро пришли в себя. Завязалась жестокая и скоротечная уличная драка, без правил, без пощады, с добиванием упавших руками, ногами, палками и камнями что бы исключить всякую возможность их дальнейшего сопротивления. С обеих сторон уже было несколько лежавших на земле, так и не поднявшихся после лобового столкновения. Но вот из-за угла недостроенного здания показалась группа Ашота с ним же во главе, вооружившаяся палками, металлическими прутьями и прочими подручными средствами, доступными на стройке, и с воинственными криками атаковала кавказцев с тыла.

Их появление внесло решающий перелом. Не ожидавшие открытия «второго фронта» кавказцы растерялись, перестали прикрывать друг друга, были разбиты на мелкие кучки и

стали терять одного за другим своих бойцов. Однако те из них, кто обернулся встречать новых противников, заметили атаковавшего их Ашота, ко всему прочему еще и кричащего что-то или на своем родном языке, или на каком-то другом кавказском диалекте, но своего он добился, его тут же приняли за приоритетную цель. Ох слукавил Ашот, знал с кем дело иметь придется. Но сейчас это было уже не важно. Как результат, Ашот, оказавшись в локальном меньшинстве, отбивался от двоих. Естественно, долго сопротивляться он не смог, пропустил очередной удар и оказался на земле. В этот самый момент Алексей как раз освободился от своего оппонента, и поспешил на помощь, и очень вовремя, так как Ашота не стали добивать ногами. Один из его противников потерял к нему интерес, оценив ситуацию на поле боя, он двинулся к другой группе, но вот второй... Присевший на одно колено кавказец держал нож и уже заносил руку для удара. Алексей в один прыжок оказался рядом, левой рукой перехватывая руку с ножом, правой опуская на голову вторую бутылку из-под пива, еще в прыжке выдернутую из внутреннего кармана кобухи. Бутылка разбилась, посыпались осколки, противник сразу обмяк и выронил нож, по голове потекли струйки крови.

– Сзади! – прокричал Ашот, но было поздно. Второй кавказец, успев поднять металлический прут, по иронии судьбы потерянный Ашотом, вернулся и нанес удар Алексею по затылку. И он погрузился в темноту.

– У тебя сотрясение, нужно к врачу, – голос Ашота доносился издалека. – Давай Леха, вставай, отсюда надо валить. А то сча менты нагрянут...

Возвращение к реальности было неприятным. Алексей чувствовал тошноту, в глазах двоилось, зрение фокусировалось с трудом. Затылок пульсировал болью. А еще сильно горели щеки, вероятно приводили его в чувство пощечинами.

– Что произошло? Мы победили?

– Ага. По очкам. Когда ты уложил этого отморозка с ножом в руке, а потом уложили тебя рядом, они остановились. Видимо дошло до них, что оставшихся мы сомнем, а резня никому не нужна. Наши без тебя немного растерялись и тоже встали, на том и закончили. Ну поорали еще друг на друга... Ты прилично его приложил, у него вся башка в крови была...

– Где они?

– Кто знает... Собрали своих и быстро ушли. Наши тоже ушли, мы вчетвером остались тебя забрать. Думали, ты вообще коней двинул.

– Врача не надо, просто помогите до дома добраться. Значит, вы их отпустили?

– Ну не убивать же нам их, в самом деле! К нам они претензий более не имеют, это был наш ультиматум. Требовать что-то с них мы не стали, магнитофон ты им угробил ка-

питально. Думаю, связываться побоятся впредь. Вроде нормальный результат.

– Ладно, помогите мне встать.

Примерно через час шатающегося Алексея доставили домой и сдали на руки Маше. Оставшись наедине, она, прикладывая намоченное полотенце к опухшей ране на голове, выговаривала ему:

– Вы идиоты! Друг друга калечите, не задумываясь. Так и поубиваете...

– Маша, не мы начали...

– Обещай мне, что прекратишь это! Хватит! – она не удержалась и заплакала. – Я к тебе пришла, что бы не видеть этого, а ты... Зачем...

– Не плачь...

Алексей где-то в глубине души понимал, что она права. Кроме того, женские слезы в любом нормальном мужчине порождают чувство вины, независимо от реальной картины. Но как он мог отказаться?

Следующие два дня он провалился в постели. На утро третьего, собрав силы в кулак и взяв, скрепя сердцем, оставленные Машей двести долларов, он отправился в институт. Но прямо на выходе из подъезда к нему подошли милиционеры.

– Чернов Алексей? Вы задержаны, пройдемте с нами.

После чего его доставили в районное отделение, где ничего не объяснив, посадили в камеру на пару часов. Затем ему предъявили обвинение и рекомендовали признаться во

всем чистосердечно, заодно назвав соучастников, дабы смягчить свою вину. Оказывается, что он, совместно с неизвестной группой лиц, руководствуясь какими-то своими мотивами, напал на гражданина Мамедова, мирно общавшегося с друзьями, нанес ему удар по голове бутылкой, что подтверждалось показанием еще нескольких свидетелей. Гражданин Мамедов получил сотрясение мозга и множественные резаные раны от осколков бутылки, и сейчас находится в больнице в тяжелом состоянии. Однако это тяжелое состояние, как ни странно, не помешало ему дать показания и вспомнить детали.

Изложить же иную версию происшедшего означало называть тех, с кем он был на стройке, а их дела безобидными называть нельзя. Поэтому Алексей молчал. Но его мнения особо никто и не спрашивал, по всей видимости, доказательной базы хватало и так. Более того, какие-то новые факты могли только запутать дело, и это никому не надо было. Его просто отправили назад в камеру.

Просьбу Алексея позвонить никто не исполнил, потому ночь он провел там же в полном неведении о ситуации дома. Конечно, Маша наверняка подняла тревогу, но нашли его только на следующий день. Утром дверь камеры открылась и его снова повели по коридорам. Но вопреки ожиданиям об очередном допросе, привели его к кабинету начальника криминальной милиции отдела. После чего сопровождавший его сержант постучал в дверь, открыл ее, доложил

о доставлении задержанного, услышав «заводи задержанного», подтолкнул Алексея в кабинет.

В кабинете несколько разномастных потертых столов, составленных вместе, образовывали букву «Г». Во главе этой конструкции сидел мужчина лет 45 в костюме, по всей видимости и являющийся начальником криминальной милиции. На гостевых местах находился отец Алексея, и его тетка, Филатова Людмила Владимировна, сестра его матери. Пока была жива мать, он часто видел ее в гостях, или сам бывал у нее с мамой, где он проводил время со своими двоюродными братом и сестрой, хотя это ему не сильно нравилось, так как они были сильно младше. В целом, у него складывалось впечатление, что она к нему относилась доброжелательно. Впрочем, после смерти матери общение с ней ограничивалось ее звонками по праздникам и взаимными поздравлениями с оными. Так же ему было известно, что она имела какое-то отношение к милиции. Милицию Алексей не любил, поэтому этот вопрос не выяснял. Сейчас при его появлении все бросили на него беглый взгляд, затем снова повернулись к начальнику КМ, который сказал:

– Ваш?

– Мой, – подтвердил отец.

– Почему ты никому не позвонил? – сразу спросила Алексея тетка.

– А как? – удивился Алексей. – Телефон у меня отобрали.

– Тебе не разрешили позвонить? – уточнила она.

– Ну да...

– Товарищ майор, вам не кажется, что вы допустили некоторое нарушение...

– Ну допустили, и? Людмила Владимировна, вы же понимаете, что это мелочь! Да и какое отношение это имеет к делу? – ответил он, улыбнувшись ей.

– Что за шишка на голове? – спросила она Алексея.

– Друг потерпевшего железякой заехал, – угрюмо ответил он. Людмила Владимировна снова обратилась к милиционеру:

– Это отражено в деле?

– Нет, – равнодушно ответил он, – он мог получить травму где угодно, свидетельских показаний нет на сей счет. И я бы вам рекомендовал прекратить искать подвох в нашей работе. Или эта беседа прекратится немедленно.

– Да, Людмила, достаточно, – снова подал голос отец. – Мы должны искать пути выхода из положения, а не скандалить.

В этот момент дверь открылась, в нее заглянул сержант:

– Товарищ майор, вас вызывает начальник отдела.

– Хорошо, – кивнул он сержанту и отправился на выход, у самой двери он обратился к посетителям: – Вы тут можете обсудить пока сложившуюся ситуацию и прийти к решению, – сказал он, и вышел из кабинета.

– Ну что, допрыгался? – сразу напал отец на сына. – Но ничего, тюрьма тебе на пользу пойдет!

– Федя, какая на хрен тюрьма, о чем ты?! Хочешь сына потерять?

– Ты знаешь, он уже давно потерян...

– И кто в этом виноват? – спросила она отца, и уставилась на него.

– Кто? – с вызовом спросил он.

– Иру со свету сжил, теперь и за сына взялся? Что ты за человек! Думаешь от ребенка откупиться можно? Ребенку нужно уделять время!

– Этому ребенку?! – он ткнул палец в Алексея. – К тому же, я должен был работать! Что бы...

– Что бы по бабам шляться? Думаешь, никто не в курсе? Объясни мне, пожалуйста, чего ты уперся, когда я его забрать хотела? Отцовские чувства взыграли вдруг резко? Или просто: «мое – не отдам»?

– Ты хотела меня забрать?! – воскликнул молчавший до этого Алексей, для которого эта новость стала полной неожиданностью.

– Хватит! Стоп! Знаете что, с меня действительно хватит! Я в двадцать лет уже себя сам обеспечивал и решения принимал, а ему даже больше! Его сегодня вытащишь, завтра он себе новый геморрой найдет. Я сюда ехал, думал хулиганка очередная мелкая, а тут криминал откровенный. Я не считаю, что мое вмешательство что-то принципиально изменит. Если ты думаешь иначе, возись с ним сама. Более препятствовать тебе я не намерен. Хочешь его забрать – забирай! –

Он достал из кармана конверт, положил на стол. – Здесь тысяча долларов. Больше у меня нет. На дальнейшую мою поддержку можете оба не рассчитывать, – затем, повернувшись к Алексею, он добавил: – Обеспечивай себя сам, большой мальчик уже. Удачи.

Он встал из-за стола, дошел до двери, перед дверью задержался, обернулся, хотел что-то добавить, но в итоге просто махнул рукой, вышел из кабинета и захлопнул дверь.

– Ты правда хотела меня забрать? – повторил свой вопрос Алексей, глядя на тетку.

– Хотела. И мужа убедила. Только он уперся, – она кивнула на дверь. – В этой ситуации я ничего не могла сделать. Он отец, у него прав больше. – Она вздохнула, покосилась на конверт. – Ладно, Алеша, лирику в сторону. Что мы имеем... Я попробую тебе помочь, но запомни, сделаю это один раз. Тысяча баксов маловато, но... Твое дело в прокуратуре развалить стоит десять. Что ж, значит, здесь попросят минимум пять. Придется давить с позиции силы. – Заметив, как у Алексея округляются глаза, она добавила: – Ну а как ты хотел, это уже не мелкая хулиганка. Только если он упрется, – она указала на кресло начальника, – я ему смогу только кровь попортить в лучшем случае, тебя это не спасет. Но это маловероятно. Расскажи хоть, что произошло. Только правду.

Алексей рассказал ей все. Но в конце добавил:

– Я все равно не могу дать никаких показаний. Я своих

ребят подставлю.

– Вот вам заняться нечем! Ты прав, им запросто тяжкие телесные раздадут! Да и тебе, причем в группе по предварительному сговору... А это плохо! Чего тебе спокойно не жидется? А всего–то надо было вам первым заявление принести. Тогда бы ситуация развернулась на 180 градусов и крайними стали бы зверьки!

– Кто? – не понял Алексей.

– Гости с Кавказа, к которым вы отнеслись с теплом и радушием, – уточнила тетка.

Дверь открылась, в кабинет вернулся начальник криминальной милиции и, проследовав на свое место, плюхнулся в кресло.

– Прошу прощения, служба, – сказал он, улыбаясь. – А мы тут, как я погляжу, уже несем потери?

– Да, но убывший оставил взнос, – сказала Людмила Владимировна, указывая на конверт.

– Что это? Взятка?

– Ага, – как ни в чем ни бывало, подтвердила тетка. – Товарищ майор, не ломайте комедию. Я же кухню тоже прекрасно знаю.

Он покосился на сумочку, намекая на устройства записи аудио и видео, но Людмила Владимировна тут же успокоила его, впрочем, достаточно своеобразно:

– Ну, допустим, посажу я вас, дальше что? Как это ему поможет? – она ткнула пальцем в Алексея. Начальник хмык-

нул, затем, усевшись на свое место, сказал:

– Что ж, хорошо, что мы друг друга понимаем. Тем лучше. Дежурный мне сказал, что вы тоже сотрудник. А сколько тут?

– Тысяча долларов.

Майор скривил кислую гримасу. И даже не стал скрывать своего разочарования:

– Людмила Владимировна, вы же понимаете, что это не серьезно. Мне же с операми делиться, и чем же прикажете? Вы знаете, какая заработная плата у обычного опера? Вы вот кто по должности?

– Зарплата опера мне известна. Я по должности заместитель начальника информационного центра по кадрам. Моя зарплата не сильно отличается от вашей.

– Ну вот видите, вы же зна... – но в этот момент до начальника дошел смысл сказанного, и он тут же изменился в лице: – Погодите, вы заместитель начальника чего...? Но дежурный сказал что...

– Ваш дежурный идиот. Инстинктивно среагировал на орла на ксиве, когда я его от пасьянса на компьютере отвлекла. Я ему даже не открывала удостоверения, а просто показала корочку, сказала, кто мне нужен, он тут же стрелки перевел. Впрочем, вижу, вы сомневаетесь? Что ж, смотрите. – Она развернула свое удостоверение перед его лицом. Некоторое время он внимательно читал. Затем, уже серьезным тоном, спросил:

– И что вы предлагаете?

– А как вы думаете? Развалите дело. И примите небольшую компенсацию в качестве благодарности, – она снова указала на конверт. – И дальнейшие взаимовыгодные дружеские отношения между нашими службами.

Однако майор встретил это предложение даже возмущенно:

– Не слабые у вас просьбы, знаете ли! А если я скажу нет? Что нам ваш информационный центр сделает-то? – усмехнулся он.

Однако, Людмила Владимировна тоже скривила улыбку. И начала планомерное наступление:

– Не забывайте, ваш отдел передает в нашу контору сведения о своей деятельности. Вдруг он резко просядет в показателях?

– Будет неприятно. Но правдивые сведения все равно всплывут, и все станет на свои места. Ваши люди пойдут на это? Они же себя подставят.

– Не себя, что вы. Технические сбои бывают, мы элементарно все спишем на старую технику, выработавшую свой ресурс. А вот вам придется тоже много бумаги измарать, – спокойно парировала она выпад, перейдя к следующему пункту: – Но не забывайте, что к нам обращаются за информацией абсолютно все службы московской милиции. В том числе собственная безопасность и инспекция по личному составу. Да и прокурорские, бывает, захаживают. Они

же проверять начнут прежде, чем что-то всплывет про технику. А уж если им что-то нужное пообещать...

– Вот так вот они сходу взяли и вписались в вопрос по вашей просьбе! Ага! Что вы несете!

– А вы рискните и попробуйте мне возразить, – повышая голос, продолжила Людмила Владимировна. – Да, вот еще что. Я его сейчас заберу, – она указала на Алексея, но, заметив вскинутые брови начальника, уточнила: – ладно, может и не я, у меня же полномочий таких нет. Пусть мои друзья его заберут, а они заберут, не сомневайтесь, и отвезут в медицинское учреждение. Где ему осмотрят голову, и признают его травму опасной для жизни. Вы говорите, он ее получил не в драке? Показаний таких нет? А где? Уж не ваши ли опера на допросе постарались? Мне свидетелей поискать, что его абсолютно здоровым забирал наряд? Так ведь я найду! Вот ведь неприятность будет! Служебное расследование, нервотрепка... А хотите ваш же наряд и подтвердит, что целым и невредимым его вам на руки сдал? Так как действовать будем? Может, все же нормально поговорим?

– Ладно, успокойтесь. Мы же свои люди, договоримся, – пошел на попятную начальник. – Только выбросить заявление я тоже не могу. Оно зарегистрировано, и...

– ...оформлено как этнический конфликт? Журналистов позвать? Интервью дадите?

Начальник замолчал, сверля женщину взглядом. Та и сама была не рада, что не удержалась, и добавила эту фразу, ко-

гда майор уже пошел на попятную. Но держалась спокойно и уверено, вдобавок, идти с ней на конфликт ради кого? Кавказцев обиженных? Поэтому через минуту он прервал молчание:

– Хорошо. Пусть это будет мелкое хулиганство. Переквалифицируем дело. С представителями другой, негритянской музыкальной субкультуры во мнениях разошлись. Удовлетворены?

– Так точно.

Начальник снял трубку, дождался ответа.

– Личные вещи Чернова ко мне в кабинет. Пусть дежурный принесет! – сказал он кому-то в трубку, затем обратился к Алексею: – Тебя вызовут через пару дней. Придешь. Подпишешь протокол, возьмешь квитанцию, штраф в течение месяца оплатишь. И можешь быть свободным. Пока. С твоими взглядами на жизнь мы еще встретимся. Я не сомневаюсь.

В кабинет вошел дежурный, принес с собой вещи Алексея, затем зачитал с протокола досмотра, перебирая вещи:

– Мобильный телефон, ремень, кожаная папка, ручка, тетрадка, связка ключей, кошелек, денежные средства в размере трехсот сорока рублей. Все на месте?

– Они двести долларов прикарманили. Я в протоколе не расписывался, подпись нарисована, – сказал Алексей, обращаясь скорее к тетке, чем начальнику криминальной милиции. Мелочевку вроде сигарет он упоминать не стал.

– Значит, не было их при досмотре, – равнодушно сказал

дежурный. – И подпись его.

– Я смотрю, тут кто-то подставляется не по-детски, – прокомментировала ситуацию тетка. – А вы, товарищ майор, смелый начальник. Графологическая экспертиза покажет подделку, и привет.

– Если вас этот вопрос так волнует, можете рассказать это начальнику милиции общественной безопасности. Его люди отличились при досмотре, – равнодушно пожал плечами майор. – Я только за оперов отвечаю.

– Разбирайтесь сами в вашей богадельне, – сказала Людмила Владимировна, взяла со стола конверт, открыла его, достала две стодолларовые купюры, отдала Алексею. После чего положила конверт с оставшейся суммой обратно на стол и с улыбкой добавила: – Эту пропажу, или, если быть точнее, кражу, вы в состоянии раскрыть сами.

Начальник усмехнулся, отпустил жестом дежурного, наблюдавшего эту картину и теперь в свою очередь старательно сдерживающему улыбку. Дождавшись, когда тот покинул кабинет, он бросил конверт себе в выдвижной ящик стола, и сказал:

– Ну что, давайте закончим с формальностями?

– Так ты и есть Маша? – улыбнувшись, сказала Людмила Владимировна, только переступив ее порог.

– А вы что, знакомы? – удивился Алексей, но Маша, только его увидев, сразу бросилась на него и застучала своими кулачками ему в грудь:

– Ты где был?! Еще раз пропадешь неизвестно куда, то меня здесь больше никогда не увидишь! – но быстро выдохлась и повисла на шее Алексея, постоянно всхлипывая.

– Между прочим, девушка права, – поддержала Машу тетка, – вот представь, допустим, через лет пять– шесть завели вы ребенка, мама его накормила, уложила спать, а папка в это время кавказцев гоняет или в ментовке сидит, а то и вообще срок мотает. Как, нормально?

Возразить Алексею на это замечание особо было нечего.

– Вообще, гордился бы своей девушкой, – продолжала тетка, – среди ночи на уши подняла всех. Ради тебя, дурака.

– Кстати, а как? – спросил Алексей. Маша, все еще уткнувшись ему в грудь, сказала:

– У тебя в компьютере резервная копия телефонной книги из памяти телефона. Я звонила всем подряд, что бы хоть что–то про тебя выяснить.

– Хм... Надо ребятам тогда сказать, что со мной все нормально, они же наверное теперь на черных сезон охоты открыли...

– Дурак! – Маша стукнула его еще раз обоими своими кулачками, после чего обратилась к тетке: – Вы извините. Пойдемте я вас чаем угощу.

– Не откажусь, – снова улыбнулась тетка и пошла вслед за

Машей на кухню. За ними уныло побрел и Алексей.

Через пятнадцать минут они втроем на кухне пили чай, где и продолжили беседу.

– Алеша, расскажи нам что ли свои дальнейшие планы на жизнь... – произнесла тетка.

– Да какие могут быть планы. Отец отказал в финансировании. Значит надо искать работу.

– Правильно мыслишь. Дальше.

– Что дальше? В таких условиях я не вытяну обучение в институте. Это не реально.

– Перевестись на вечернее сможешь?

– Да, но что с армией делать в таком случае?

– В военкомат я отправлю справку о том, что ты обвиняемый по делу. Маша, не волнуйся, – сказала тетка, заметив как та поперхнулась, – это «липа». До весны отстанут.

– Хм... Где ты такую возьмешь?

– У друзей. Или сама нарисую. Это не твоя забота.

– Смысл? Дальше–то что? Весной опять армия, – сказал Алексей. – По мне так раньше сядешь – раньше выйдешь.

– У тебя же есть диплом о среднем специальном образовании?

– Да, есть. А толку от него?

– Этого достаточно, что бы соответствовать минимальным требованиям для службы в милиции.

– Чего? – удивился Алексей.

– Ты будешь служить в милиции. В моем подразделении.

Армия тебя не тронет в этом случае. И сможешь спокойно доучиваться на вечернем.

– Кто меня туда возьмет?! – воскликнул Алексей. – Ты мою биографию представляешь? Ты хоть приблизительно представляешь, что обо мне участковый напишет?

Однако Людмила Владимировна совершенно спокойным тоном ответила:

– Представляю. И достаточно явно. Придется почистить базы данных. А участковый пусть пишет что хочет, решение по кандидату принимать мне. Конечно, я несколько подставляюсь. Но на твое благоразумие все же рассчитываю. Или зря?

– А ничего, что мы вроде как родственники?

– На это требование законодательства у нас давно по-тихому все кладут. В общем, это не является препятствием. Кроме того, там речь только о близких родственниках. Это родители, дети, братья, сестры, мужья, жены. Про остальных там ни слова. И у нас разные фамилии. И ты будешь помалкивать. Ясно?

Глаза Алексея округлялись все больше.

– И чем же я буду там заниматься?

– Зависит от отдела, в который попадешь.

– И в какой я попаду?

– В какой возьмут! – резко ответила тетка, потеряв терпение. – Не в твоём положении выбирать!

– То есть в военкомате меня как потенциального зека бу-

дут учитывать, а милиция на работу брать будет? Да как такое возможно? Это нормально вообще?!

– Не на работу, а на службу. И в нашей стране много чего не нормально, только всем на это глубоко... Лично мне все равно, что о тебе военные думают. Как и им наплевать на наше мнение.

Над столом повисла тишина. Через некоторое время ее нарушил Алексей:

– Что–то я слабо себя представляю в роли мента. Когда мой ответ нужен?

– Твою ж мать! – не удержалась тетка. Затем тут же поправилась: – Я не Иру сейчас имею ввиду, царство ей небесное...

– Соглашайся немедленно, если тебе не все мозги железякой отшибли! – выпалила Маша. – Или тебе совсем на всех плевать?

– Хорошо, убедили. С пацанами придется объясняться... – но он не договорил, поскольку Маша тут же заехала ему локтем в бок по ребрам. – Да согласен я, согласен...

Маша посмотрела на Алексея, тяжело вздохнула, затем сказала:

– Спасибо вам, Людмила Владимировна.

– Не стоит меня за это благодарить, Машенька. Еще не известно, чем вся эта затея обернется. Но это все же лучше, чем скатиться по наклонной на самое дно.

– Все равно спасибо.

– В общем так. Завтра приезжай ко мне на службу. Начнем бумажки готовить.

– Куда ехать–то? – спросил Алексей, взяв ручку, лист бумаги и приготовившись записывать.

– Не записывай. Адрес ты знаешь и так.

– Да откуда же мне его знать? – удивился Алексей. – Я дальше нашего отделения никуда не ездил.

– Хорошо, диктую, пиши. Улица Петровка, дом 38. Чего не пишешь–то? – усмехнулась она.

На этот раз поперхнулся Алексей, Маша удивленно уставилась на Людмилу Владимировну. Откашлявшись, он произнес:

– Шутки у тебя, тетка...

– Я совершенно серьезно говорю. И запомни, ты там будешь нести службу под мою ответственность. И если тебе остатки мозгов не отбили дубиной, или чем там еще... То может из тебя что и выйдет. Посмотрим...

Алексей посмотрел на тетку, теперь уже даже немного испугано. Смысл сказанного стал доходить до него, тогда он спросил ее:

– А если я накосячу там по–крупному?

– Значит, я буду отправлена на пенсию как неквалифицированный специалист. Не велика потеря, если честно. А тебя посадят, если по–крупному.

Алексей попробовал представить себя в форме милиционера и поморщился. Похоже, жизнь преподнесла еще один

неприятный сюрприз. Но особого выбора не было...

– Как можно заставить человека тебя так сильно не любить? – спросила Алексея Людмила Владимировна, читая характеристику от участкового, временами откровенно усмехаясь.

– Так я «стучать» на своих в свое время отказался. Теперь мне этот гаденыш мстит.

Тетка лишь покосилась на племянника, продолжив дальше ковыряться с компьютером.

– И да, запомни, в этих стенах я для тебя Людмила Владимировна. Или майор Филатова. Или просто товарищ майор.

– А ты майор? Круто! – но спохватился, тут же поймав на себе сверлящий взгляд тетки. – Простите, Людмила Владимировна. Я забылся.

– Так-то лучше. – Она достала очередную бумажку и стала ее читать, затем ее глаза округлились, и она сказала: – Алеша, объясни мне, пожалуйста, о чем ты беседовал с психологом?

– Он гадости написал обо мне, да? Я так и думал. Он просто спросил, могу ли я причинить боль человеку. – Людмила Владимировна хмыкнула, в принципе, объяснения можно было не продолжать, но Алексей решил рассказать все полностью: – В общем, я ему объяснил, что не только могу,

но и еще рассказал как именно, что бы человеку было больней. Это же вроде обычные местные методы добычи информации. Или нет?

– Даже если и так. Зачем об этом рассказывать врачу? Есть у тебя голова на плечах?

– Так я ему вроде сказал, что просто так я никого не обижу. Но он, наверное, очень впечатлительный человек. Не поверил.

– Они там все очень впечатлительные люди. Я вообще удивлена, как ты смог относительно без проблем пройти комиссию. Если не считать психолога, конечно.

– А в чем должны заключаться проблемы?

Она задумалась, посмотрела на племянника, но решила не отвечать на его вопрос.

– Это не важно, проехали. С переводом на вечернее в институте тоже проблем не было?

– Да, они даже обрадовались, на вечерне–заочном отделении желающих учиться мало почему–то. Правда на год больше обучаться, и программа отстает, но оно и к лучшему, теперь долгов у меня нет.

– Это потому, что план по выпуску никто не отменял, в том числе и с вечернего отделения. Тут как раз все понятно.

– Плохо только, что мне год накинули...

– Выражения у тебя... – улыбнулась тетка. – Ничего, четыре года не срок! Доучишься. Да там и требования поменьше, я думаю.

В этот момент в кабинет постучались, дверь приоткрылась, и в нее деликатно заглянул мужчина. Людмила Владимировна бросила взгляд на дверь, но тут же улыбнулась и сказала:

– Заходи Старков.

Но он покосился на Алексея и сделал вопросительное выражение лица.

– Да заходи, не стесняйся. Все свои.

Тогда Старков зашел в кабинет, держа в одной руке торт, в другой пакет, в котором отчетливо что-то звякало.

– Люся, привет! Держи презент, – сказал он и вручил ей торт.

– Давай презент! – живо отозвалась она, покосившись на пакет. – Не стесняйся, выкладывай!

– Кхм, ты извини, вина нет, только водка, ты ж ее вроде не пьешь...

– Зато мой муж пьет! А для вина мне скоро погреб понадобится. Давай сюда! – сказала она и взяла пакет, затем сунула его в выдвижной ящик. После чего улыбнулась Старкову, и наигранно произнесла:

– Чего изволите?

– Выписки о званиях Блинову и Рябову.

– А, ну да... – она залезла в отдельно лежащую папку, нашла там нужные бумажки, и вручила Старкову. Уже серьезнее, но отбросив весь наигранный официоз спросила: – Что-то еще хочешь?

– Ну что я могу попросить от начальника по кадрам? – сказал он, потихоньку удаляясь к двери.

– Чего ты хочешь попросить у меня? – демонстративно удивилась она.

– Кадры! – сказал он, и потянулся к ручке двери кабинета.

– А где ж их взять, если их нет? – ответила вопросом она, уставившись на Старкова, затем ее взгляд переместился на Алексея. – Хотя... Александр Петрович, задержись пожалуйста...

Старков остановился, удивленно–вопросительно смотря на нее.

– Видишь кандидата на службу? – она указала на Алексея. – Он, в принципе, ничей. Хочешь? Забирай.

– Люсенька, – с заигрывающей интонацией отозвался Старков, – ну что значит ничей, так не бывает.

– Ладно. Он мой племянник.

– А ты говоришь ничей! Он твой! – сказал Старков воодушевленно. – Но если он племянник, формально, могут быть затруднения...

– У нас разные фамилии.

– А, тогда ладно, я никому не скажу! И что, дело его еще другие начальники не смотрели?

– Нет. То есть, Федоров о нем знает. Он ему не нужен. Может тебе пригодится?

– Люся, так что ж ты молчала–то! – он оценивающе посмотрел на Алексея. – Хорош!

– Ты бы не спешил с выводами... – сразу попыталась остудить она пыл.

Старков вернулся к столу, еще раз внимательно посмотрел на Алексея, все это время непонимающе поглядывавшего то на тетку, то на Старкова, одобрительно кивнул, и спросил:

– Где подвох? Давайте так. Говорите сразу и все, а еще в чем главная проблема?

– Держи, – сказала она, передавая характеристику от участкового. – Вот еще от психолога забавная писанина, ты оценишь юмор. В остальном, особых проблем нет.

Старков погрузился в чтение, по мере которого на его лице отображалась гамма эмоций. В конце концов, он произнес:

– Люся, я все понимаю, но если он залетит, и, не дай бог, всплывет это, твоей карьере конец.

– Я в курсе. Значит пенсия, – совершенно спокойно отозвалась она.

Старков почесал затылок, затем, улыбнувшись, деликатным тоном произнес:

– Что–то еще интересное про него есть? Что–то, чего нет в бумагах?

– А то! Как в Греции! Держи еще. Это Федоров обещал выпилить из баз данных, официально этого больше нет, – выдвинув ящик стола, она передала Старкову увесистую пачку листов с распечатанным текстом. Он их бегло просмотрел.

Затем сказал:

– Люся, а вот за это ты можешь и без пенсии остаться, и отъехать в другие, более интересные места. Понимаешь же, этого не будет только в компьютере. На бумаге точно где-то еще осталось, раз у тебя в столе есть. Слушай, объясни мне, зачем тебе это все надо? Только честно.

– Алеша, иди, погуляй за дверь, – сказала она.

– Так точно, товарищ майор, – ответил насупивший Алексей, которому совершенно не понравилось обсуждение его персоны в таком ключе, и вышел за дверь. Минут через пятнадцать ожидания Старков вышел из кабинета, похлопал Алексея по плечу, затем сказал:

– Я подумаю еще на твой счет. Тебя Люся звала, – сказал он, указывая внутрь кабинета. После чего снова бросил на Алексея любопытный взгляд, и пошел куда-то по коридору.

Алексей зашел назад, подошел к тетке, которая, подперев голову рукой, смотрела в окно, кашлянул. На столе стояли две пустые чайные чашки, на блюде виднелись остатки кусочков торта. Она повернула голову на него, затем написала что-то на пропуске, шлепнула печать, вручила Алексею и сказала:

– Придешь в понедельник, там будет чья-то смена, я не совсем поняла... В общем, что-то вроде собеседования тебе хотят устроить. Если ты попадешь в отдел к нему – тебе очень повезет. Если нет – будешь в вечных усилениях и на побегушках у кого-нибудь еще. На сегодня можешь быть

свободным.

Алексей кивнул и собрался уже уходить, но тетка снова заговорила:

– Хотя погоди. – Она взяла пакет и отправила туда практически еще целый торт в коробке. – Отдай Маше.

– Спасибо, – сказал Алексей, улыбнувшись.

– Не задерживаю более, – ответила она холодным, официальным тоном. Пожав плечами, Алексей направился к выходу.

– Иван, отведи, пожалуйста, к Старкову Алексея, – сказала Людмила Владимировна, указывая на племянника.

– Пошли, – равнодушно ответил Иван, бросив беглый оценочный взгляд на него.

Алексей в свою очередь скептически посмотрел на Ивана. Худой, какой-то взъерошенный, в потертых джинсах, свитер, висящий на нем, как на вешалке... Не выдержав, он сказал:

– А ты точно мент?

Людмила Владимировна повернула голову и с интересом уставилась на молодых людей, старательно сдерживая улыбку, Иван же вскинул брови, еще раз окинул взглядом Алексея сверху донизу, затем сказал:

– Далек пойдешь, под формат стереотипов о милиции в

народе подходишь. Только не подумай, что телосложением.

– Чего?! – воскликнул Алексей, и даже подался вперед к Ивану, тот попятился, но тут же вмешалась Людмила Владимировна:

– Ну–ка оба отставить! – повысила она голос. – Чернов, хватит искать приключений на свой зад! Сделай одолжение. Рябов, просто доведи его до места назначения, ладно?

Иван кивнул, хотя и сказал достаточно ехидненько:

– Просто иди за мной, и никуда не сворачивай, хорошо?

Алексей насупился, но пожал плечами и последовал за Иваном. Тот повел его по коридорам, узким лесенкам и каким–то закоулкам зданий на Петровке, которым, казалось, не будет конца. Не выдержав, Алексей спросил:

– Слушай, чего-то мы каким-то странным маршрутом идем. А тут есть более прямые дороги?

– Конечно, есть, – ответил Иван уже без всяких подколов, видимо немного опасаясь Алексея. – Только по ним генералы ходят. Нам запрещено по ним ходить, что бы на глаза не попадаться лишний раз. Так что, мы обходим их пути–дорожки умышленно. Но путь становится от этого естественно длинней.

Воображение Алексея быстро нарисовало картину, в которой спешащий на задержание опер оббегает маршруты передвижения генералов, коих тут должно быть не мало. Картина показалась ему настолько бредовой, что он достаточно жестко спросил:

– Это у тебя очередная шутка такая?

– Нет, я совершенно серьезен, – ответил ему Иван спокойным, равнодушным тоном. – Честно.

Алексей так и не понял, был ли это сарказм, или нет, поэтому задал еще один вопрос:

– А что тут еще генеральского есть?

– Столовая, например. Формально она, конечно, общая, только супчик из осетровых себе может позволить далеко не каждый. И даже если вдруг можешь, очень не советую его тебе хлебать на виду у полковника какого–нибудь, или тем более генерала, трапезничающего за соседним столиком. А то у них сразу вопросы о доходах молодых лейтенантов возникают, наверное, одновременно с изжогой. Зарплата генерала, кстати, не такая и большая, всего–то раза в два больше лейтенантской, и они тоже не... – Иван запнулся, видимо решив не доводить свою мысль до конца. – Короче, кушать надо в обычной, общей, дабы их не смущать своим видом и не портить уважаемым людям аппетит. И себе заодно.

Алексей снова с сомнением покосился на своего спутника, и произнес:

– Слушай, Иван, я вот не пойму, ты серьезно, или издеваешься?

– Алексей, зачем мне над тобой издеваться? Я так понимаю, ты все эти вопросы можешь уточнить при желании у своей тетки. Так она подтвердит, думаю. Хотя эти вопросы тут лучше не задавать вообще. Никому.

– А тут все об этом знают?

– О чем?

– Что она моя тетка?

– Все, кому это нужно знать, знают. Полезно знать, кто тебя рекомендует и чей ты человек.

– Зачем? – удивился Алексей.

– В первую очередь, что бы сделать вывод о том, представляешь ли ты опасность, кому и какую. Кто за тебя вступится, если что. Поделить на свой-чужой...

– И какую я тебе представляю опасность?

– Мне – никакую. Мы пришли, – Иван указал на дверь кабинета Старкова.

– Ладно, ты извини, ты выглядишь...

– Как? – заинтересовался Иван. Теперь в его речи проявились какие-то эмоции.

– Не стереотипно. И не форматно, – ответил Алексей. Затем, скривив улыбку, добавил: – Именно телосложением.

Иван в третий раз оценил Алексея с головы до ног, улыбнулся и сказал:

– С тобой было бы любопытно поработать. Ты далеко не быдло, и соображать вроде умеешь. Просто, видать, не хочешь.

Пока Алексей думал, воспринимать ли такую оценку как оскорбление, или как похвалу, Иван постучал в дверь, не дожидаясь ответа, открыл ее, и сказал:

– Александр Петрович, клиент доставлен.

– Спасибо Ваня, можешь идти, – ответил тот. – Алексей, заходи.

Алексей вошел в кабинет, Иван с внешней стороны закрыл за ним дверь. Помимо уже известного Алексею Старкова, рядом с ним находился еще один, достаточно пожилой мужчина в костюме, причем сидел он на стуле, приставленном торцу стола начальника, закинув ногу на ногу, что явно говорило о его особом положении.

– Меня ты вроде уже знаешь, – начал Старков, – но если забыл, напомним – майор милиции Старков Александр Петрович. Рядом со мной наш самый опытный сотрудник, майор милиции Варшавский Яков Леонардович. Наша задача сейчас понять, что ты за человек и что из себя представляешь. Это ясно?

– Вполне.

– Может у тебя есть какие-то вопросы?

– Нет, – ответил Алексей, но быстро добавил: – Хотя есть один, можно?

– Давай.

– Тут правда есть генеральская столовая?

Мужчины переглянулись, удивленно подняв брови, тогда Алексей поспешил добавить:

– Это мне Иван рассказал, пока мы шли сюда.

– А что вам Иван еще рассказал? – подал голос Яков Леонардович, в вопросе которого явно ощущалось любопытство.

– Что нужно обходить маршруты генералов, это приказ.

– Это не совсем приказ... – засмутился Старков.

– Саша, ну а что это? Ты давал такое указание всем сме-
нам, Иван это воспринял как твой приказ. Это же не прось-
ба?

– Нет, но это он зря...

– Это почему же? – снова заговорил Варшавский. – Он
этого молодого человека сразу ввел в курс дела. Все правиль-
но.

– Ладно, это все не важно, – снова заговорил Старков бо-
дым тоном. – Скажи нам Алексей. Сколько на тебе хулиган-
нок было, до того, как их почистили?

– Три... – немного засмутившись, ответил Алексей. – До
них был учет для несовершеннолетних. Да вы, наверное, чи-
тали...

– Несовершеннолетние твои похождения оставим в про-
шлом, с них спроса нет. Нам сейчас интересно, что за офи-
циальным языком сводок о твоих похождениях стоит. За что
хулиганки были?

– Первая, это мы в лесу шашлык жарили с ребятами.

– За костры другая статья! – сразу отрезал Старков.

– Там не в костре дело было. Зашел я за дерево по ма-
лой нужде, ну, делал свое дело, и не заметил, как подкрались
кентавры.

– Кто? – снова удивленно уставились на него мужчины,
явно заподозрив неладное. – Вы случаем наркотиками не ба-

луетесь?

– Нет, только алкоголем, – честно признался Алексей. – Я имел в виду конную милицию, извините. А у нас все потрачено уже на бухло... То есть, на продукты. В общем, даже откупиться нечем было. А пузырь они не взяли почему-то.

– Ясно. Кентавры значит? Яша, как тебе? Хе-хе, – Старкову явно пришлось по душе это сравнение. – Понятно. Ладно, допустим. Вторая?

– Поздновато под гитары песни пели. День рождения отмечали. Кто-то вызвал наряд. Почему-то принципиальными оказались менты... Извините, я хотел сказать милиционеры. Они сами предложили нам выбрать троих. Из разговора их стало понятно, что для плана.

Старков вздохнул, и продолжил:

– Ладно, верю, а третья?

– Драка с кавказцами. Там меня вообще посадить хотели, но тетка помогла.

– Хотя бы честно, – сказал Старков. – Может, сможешь объяснить нам, что они такого плохого сделали?

– Эти еще ничего не сделали, практически.

– Так за что тогда вы их? Вы расист? – деликатным тоном спросил Яков Леонардович.

– При чем тут расист? Я ничего не имею против других наций. У нас даже в составе есть... Это не важно кто именно. Не русский. А что до них... Просто сначала приедет один, осмотрится, квартиру снимет, потом за ним весь его дикий

клан с гор спустится.

– Вы хотели сказать семья? – снова уточнил Варшавский.

– Нет, именно клан. Они по одному не опасны, сами всех боятся. А когда сбиваются в кучу, наверное, решают, что можно снова жить так, как они привыкли. Но привыкли они так: кто сильнее, тот и прав. Мы сначала пытались с ними разговаривать. Но это бесполезно.

– И что же, сами решили действовать с позиции силы? Чем же вы тогда от них отличаетесь? – продолжал интересоваться Варшавский.

– У вас дети есть? – неожиданно спросил Алексей.

– А какое это отношение имеет к вопросу? – удивился Старков.

– Прямое. Наверное, они не такие как я, у вас дети милиционеров же! Вы же тоже знаете, как оно на самом деле, оберегаете их. Вот только они, или такие, как, например, ваш Иван, более–менее спокойно по улицам ходят потому, что как стемнеет, именно мы на детской площадке сидим, и песни горланам под гитары, откуда вы нас, правда, выгоняете постоянно. Мы же не трогаем никого из тех, кто у нас на районе живет! Но представьте, мы встали и разошлись по домам раз и навсегда. И больше не вернулись. Место долго пустовать не будет. Там очень быстро будут сидеть на корточках эти кавказцы. Именно тогда, когда ваш сын будет поздно с учебы возвращаться. Один. Он чужак, не такой как они, с ним церемониться не будут. Он в одиночестве, значит сла-

бее. Еще и иноверец для них в большинстве случаев, то есть вообще не человек. А если это ваша дочь, да еще в мини юбке? С русскими можно творить что угодно. Кстати да, наверное, это расизм. Только обвинять национальные меньшинства в этом у нас не принято.

– Но погодите, можно же сообщить об этом...

– Куда? – перебил Варшавского Алексей. – В милицию? И что милиция может сделать до? Профилактическую беседу провести? Убедите тигра не есть мясо. Нравится вам, или нет, а беспредела не допускаем именно мы, они нас боятся, не милицию. Если зубы показывают, приходится зубы выбивать, а их на место ставить. Милиция прилетит именно после, когда уже есть кого и, главное, за что забирать. Если вашего ребенка уже изуродовали, вам легче будет, что злодеи задержаны?

– Можешь не продолжать, я тебя понял, – ответил Старков. Затем повернулся к Варшавскому: – Яша, не кипятись. В этом он прав. «Палки» считаются и идут в рабочий отчет. Беседы – никому нахрен не нужны.

– Нельзя все сводить к разнице по национальному признаку, – не сдавался Варшавский, хотя уже больше по инерции.

– Никто и не сводит, – ответил Алексей, – это тут вообще не при чем. Абсолютно любой чужак сразу будет замечен.

Варшавский задумался, затем удивленно воскликнул:

– Это что же получается, они нашу работу по профилактике преступлений так проводят?!

– В некотором роде, да, – ответил ему Старков. – Яша, у них каждая группа держит свою территорию, а разница в субкультурах для того и была придумана, что бы подчеркнуть особенности каждой и охранять границы, где она в моде. Они же друг друга раньше никогда не калечили, не убивали... Ну морду кому набьют, фингалами разукрасят, это да. Ерунда все это. А тут появились эти... Ну ты представь реакцию тех же кавказцев, если к ним домой придут русские со своими порядками? Собственно, что представлять–то... В общем мне все понятно, и я рад, что он сам кое что понимал, а не просто кулаками махал. Только так продолжаться больше не должно, это ясно?

– Вполне, – ответил Алексей. – Давно уже пора мне передать эстафету.

– Ладно, Алексей, убедили. Это очень необычная жизненная позиция для молодых специалистов нашего отдела, которую я за свою тридцатилетнюю карьеру здесь еще не встречал. Да, она мне не по душе. Но я не могу назвать ее отрицательной, оттого это даже интересней. – Варшавский задумался, но быстро спохватился: – То есть вот я к чему. Может сейчас время такое. Но давай, Саш, дадим ему шанс. Иначе пропадет парень.

– Тогда решено, Яша, веди его в зал, да посади куда–нибудь поближе к Ивану, и запомни Алексей, Иван уже лейтенант милиции, а на тебя мы еще посмотрим, прежде чем на тебя погоны одевать. Ты должен слушаться его, оставь свои

кривые взгляды в его сторону, – сказал Старков, беря трубку телефона и набирая внутренний номер. – Люся, мы забираем твоего парня. – Сменив интонацию на игривую, он добавил: – Ты не поверишь, он таки понравился Яше. Оформляй. – Варшавский фыркнул, а Старков набрал еще один номер, не обратив на старшего коллегу внимания: – Ваня, введи в курс дела клиента. И вообще, возьми над ним шефство, что ли... Яша, то есть Яков Леонардович, поможет если что.

С тех пор Алексей стал ходить на службу на Петровку.

Поворот в судьбе Алексея был глобальным, прямо в противоположную сторону на 180 градусов. Поначалу, ощущения его были странными. Итак, совершенно того не ожидая, он стал сотрудником милиции. Постепенно стал втягиваться в рабочий процесс, что хотя и было не просто, но следовало признать, что в то же время происходящее вокруг было достаточно интересным. А обещания тетке и Маше не позволяли расслабиться, дополнительно мотивируя к работе. Заметив его отношение, к нему вскоре тоже стали относиться достаточно доброжелательно, разве что Петр Блинов оставался каким-то независимым и на своей волне. Даже Иван, пусть и получил бы вполне заслуженное клеймо

«ботаник» в его кругу, не ленился подсказывать и объяснять, и оказался интересным собеседником, хотя и со своеобразным взглядом на все вокруг. Потом он как-то показал местную «подпольную» сетевую библиотеку – фильмы, музыка, программы. Алексей совершенно искренне не пони-

мал, почему про нее надо помалкивать, если о ней, оказывается, все знают. Даже генералы, так как по заверению специалистов по компьютерным сетям, естественно в не официальных беседах в курилке, фильмы скачиваются и на генеральские компьютеры. А еще чуть позже, витая в каких-то своих облаках, и потому совершенно не желая коротать время до конца рабочего дня за разговорами ни о чем, Иван показал сервер «Контры», за что в глазах Алексея мгновенно повысил свой статус до практически нормального, полноценного человека.

Так же постепенно менялось и его отношение к милиции в целом и ее сотрудникам в частности. Все же форма скрывает личность человека. Поэтому вполне возможно, что изменению взглядов способствовал тот факт, что собственно форму они одевали раз в год по обещанию, да и мелькавшие в ней туда-сюда люди на территории быстро приелись и стали обыденностью. И за ней стали проступать обычные человеческие черты, разные характеры. А уж если эти люди к тебе относятся не как к жертве, а как к своему, то волей-неволей начнешь сначала понимать их нужды, интересы, а потом и вовсе начнешь симпатизировать. Не всем, естественно, но некоторым точно. Хотя естественно первое время Алексей от людей в форме откровенно шараялся в сторону, чем очень забавил окружающих.

Так, постепенно, прошли три месяца стажерского срока, а вскоре его уже поздравляли с присвоением первого звания.

За ним последовало обучение в школе милиции.

Зато его совершенно не поняли во дворе. Однажды, когда он при полном параде возвращался вечером из школы милиции, в новеньком обмундировании со всего одной маленькой звездой на погонах, приметившая его компания ребят и девочек в косухах отреагировала сначала потерей дара речи и полнейшей тишиной, а затем улюлюканьем вслед. Кто-то даже запустил в спину банкой из-под пива. Алексей остановился и с грустью посмотрел в их сторону, от него же все дружно отвернулись в другую сторону, так и не удостоив его внимания. Пути назад были отрезаны.

Последние отголоски шумного детства постепенно поблекли, потускнели и затихли. Начиналась новая, совершенно другая, жизнь. По крайней мере, так представлялось Алексею. Все теперь изменилось и стало другим. В том числе и он сам.

Наверное, так и должно было произойти.

Год 2007.

– Леха, встань под окна опорного пункта. А то господа участковые разбегутся. Я войду через парадный вход.

– Понял Дима, контролирую, – ответил Алексей и встал под окна, Кукушкин же вошел на опорный пункт. Через несколько минут одно из окон отворилось, и из него высунулся молодой человек в форме милиционера, естественно

тут же практически столкнувшегося лицом к лицу с Алексеем.

– Добрый день товарищ лейтенант, воздухом решили подышать? – улыбаясь, спросил его Алексей. Тот даже испуганно отпрянул, совершенно не ожидая увидеть у окна кого-либо. – Ну что же вы через окно сбежать пытаетесь?

– Да-да, – донесся из глубин помещения голос Кукушкина, – не хорошо убежать.

– Я вовсе не собирался убежать, – пробубнил лейтенант. – Жарко, решил проветрить помещение.

– Мы так и поняли, что работа кондиционера вас не устраивает. Ну что ж, патруль милиции, майор Кукушкин, предъявите ваше удостоверение. Леха, заходи сюда, – повысив голос, добавил он в окно.

– Бегу, – отозвался Алексей и направился к входу.

– Есть кто еще на опорном? – спросил Кукушкин.

– Никого, – ответил участковый.

– А по графикам приема населения на табличке на дверях вроде должны быть еще люди. Как так?

– У нас некомплект и отпуска, я один всех принимаю.

– Печально. Леха, он тут один, – расстроено сказал Кукушкин подошедшему Алексею.

– Вот блин! – отозвался он. Участковый лейтенант с опаской смотрел то на одного, то на другого, категорически не понимая странность поведения патруля милиции. А ответ был простым.

Обычно усиленные варианты несения службы объявлялись в случае массовых гуляний и праздников, и тогда сотрудников информационного центра обычно использовали в качестве оцепления. Но какой-то умной генеральской голове это оказалось мало, и офицерам различных подразделений была поставлена обязанность периодически участвовать в патрулях, контролирующих работу других милиционеров. Это мероприятие представляло собой отлов людей в форме, и выявление у них каких-либо нарушений, таких как игнорирование воинского приветствия, наличие просроченного удостоверения или ношение не установленной или смешанной формы одежды. Вообще говоря, данная, безусловно, важная работа входила в обязанности инспекции по личному составу. Но то ли у них было без того чем заняться, то ли просто не хватало людей, в итоге найти крайних в помощь оказалось не сложно.

Для солидности один из них должен был быть старшим офицером, то есть в звании не ниже майора. Варшавского для таких задач не привлекали, Блинов был капитаном, поэтому, когда выпадала очередь патруля информационно-аналитического отдела, кандидатура Кукушкина даже не обсуждалась. Он был единственным, подходящим на роль старшего. Ну а на Алексея выбор падал как на человека, которого меньше всех было жалко отрывать от прямых обязанностей.

В день, когда два человека от информационного центра

передавались в распоряжение инспекции по личному составу, они сначала с утра получали задачу, в которой им обозначался район патрулирования, выдавался специальный жетон, а так же устанавливался план в виде отчета о проверке минимум десяти милиционеров. Так было в теории.

А на практике все происходило несколько иначе. Возникло сразу две проблемы.

Первая заключалась в том, что инспекцию по личному составу по понятным причинам, мягко говоря, не любили все без исключения милиционеры, не имеющие к ней прямого отношения. То есть получалось, что и те, кто проверял, и те, кого проверяли. Поэтому приданные силы не очень жаждали отлавливать других милиционеров, а тем более выявлять у них нарушения. Просто потому, что единожды сделав это, можно запросто нарваться на ответный жест, когда инспектировать сотрудников будут уже они. Кроме того, нарушать взаимоотношения между подразделениями из-за интересов третьей службы негласно запрещали сами начальники, и это тоже играло свою роль. Поэтому, когда Кукушкин осмотрел участкового, завязался диалог:

– Нарушение формы одежды. Почему штанишки не шерстяные?

– Потому что лето, – огрызнулся участковый лейтенант. – Температура за тридцать. Жарко. Походите по территории в шерстяных брюках сами.

Легкие хлопчатобумажные форменные брюки были за-

прещены для ношения руководством главка. Вероятно потому, что шерстяные смотрелись на порядок лучше, дольше сохраняли опрятную глаженную форму со стрелками. В генеральском кабинете с отличным кондиционером, как и в иномарках с мигалками, на которых они перемещались, некоторый дискомфорт, который вызывали шерстяные брюки в тридцатиградусную жару, естественно был не замечен. А если и замечен, то пошить новые из специального облегченного материала ничто не мешало. Естественно за свой счет, но кого и когда это интересовало? Подписать этот приказ им было не трудно. А вот «на земле» все по понятным причинам повсеместно его проигнорировали.

– Ладно, не бузи. Нарушений нет, распишись, – сказал Кукушкин, протянув ему лист на подпись.

– Ребят, так вы из приданных сил! – сразу расслабился лейтенант, моментально оценив ситуацию, беря лист.

– Да, чувак! – ответил ему вошедший в помещение Алексей. – А ты бы реально в окно полез?

Участковый лишь улыбнулся в ответ.

Они покинули опорный пункт, и стали размышлять, куда им пойти дальше. Это и было второй проблемой, профессионального опыта по отлову коллег–милиционеров у них не было. Завидев патруль милиции по характерному нагрудному жетону, потенциальные жертвы просто разбегались кто куда от греха подальше, а лучшее знание местности не оставляло шансов их найти. Или запрыгивали в служебную ма-

шину, врубали сирену и срывались в неизвестном направлении. Можно было запомнить бортовой номер автомобиля, но смысла в этом было мало, так как старший экипажа без проблем отписался бы срочным вызовом куда-либо, что естественно приоритетней любой внутренней проверки. Дежурный по подразделению, конечно же, наличие такого вызова бы подтвердил и своих сотрудников прикрыл. Поэтому никакого контроля по этим ситуациям не было. Ибо все равно бесполезно выяснять.

Таким образом, вся эта затея выглядела изначально очень сомнительной. Но приказ был подписан, его нужно было исполнять. «Поймав» за первую половину дня только троих, Кукушкин вынес вердикт:

– Да, так мы план не выполним.

– Как думаешь, нам за это что-то будет? – спросил Алексей.

– Хорошего точно ничего не будет. Мы и так уже район патрулирования покинули. Давай перекусим, на голодный желудок мне не думается что-то.

– Давай. А где?

Поскольку посещать какие-либо кафе в форме без служебной необходимости руководство главка тоже официально запретило, выбор был не велик.

– Пошли к метро, – предложил Кукушкин. – Там по шаурме купим.

Однако купить по шаурме в палатке у метро с крайне лю-

безным и внимательным продавцом, чье дружелюбие и внимание несомненно было вызвано фактом лицезрения двух милиционеров, покупающих у него этот сомнительный продукт, оказалось мало, тут же возникло новое затруднение.

– Леша, пошли кусты найдем какие–нибудь. А то гражданское население как–то очень любопытно на нас посматривает. Еще не дай бог, обляпаемся. Молодежь вон уже за телефонами потянулась, сейчас будет фоткать, как менты шаурму поглощают. Хочешь стать героем фотошопа в Интернете?

– Кто нас снимает? Где? – завертел головой Алексей. Кукушкин улыбнулся, и сказал:

– Пойдем, там за домом в кустах я заметил отличную лавочку.

Достаточно быстро они добрались до места, примеченного Кукушкиным. Оставалось только догадываться, как он смог заметить ее, так она действительно была густо окружена высоким кустарником со всех сторон. По всей видимости, кто–то специально ее сюда перетащил от какого–то подъезда, что бы проезжающие мимо наряды ППС не смущать видом распития пива местным населением, или чего–нибудь более интересного, о чем свидетельствовало множество пластиковых стаканчиков, валяющихся под ногами. Рассекретить их местоположение можно было разве что из окон верхних этажей дома, рядом с которым располагался этот мини парк. Здесь они разместились и расправились с обедом. Место действительно оказалось отличным в плане маскировки,

они сквозь листву просматривали всю улицу, которая, впрочем, была малолюдной. Их же оттуда за листвой было практически не видно.

– Слушай, Дим, – заговорил Алексей, – а чего ты меня в патруль постоянно берешь?

– А кого я еще возьму?

– Ивана, например.

– У Ивана есть один большой недостаток... – начал Кукушкин, но Алексей его воодушевленно перебил:

– Он всегда на своей волне? Себе на уме?

– Нет Леш, не в этом дело, – ухмыльнулся Кукушкин. – Его привычка постоянно что-то анализировать на самом деле очень неплохое качество. Просто у этого качества есть обратная сторона. Я его сначала взял, когда нас озадачили этой чушью, думали все серьезно, и пришлось пожалеть потом. Он быстро пришел к выводу, что мы занимаемся полнейшей ерундой, а коли так, потерял к процессу всякий интерес. Более того, сей процесс начал его тяготить, что отразилось сразу на его отношении к делу. Например, мы отловили кавалериста. Так Иван спросил его, почему у лошади хвост в косички не заплетен. Это не по уставу. Предложил немедленно исправить.

– Разве это не по уставу?

– При чем тут устав вообще? Лошадь должна быть сытой, здоровой и чистой. Все. Больше ничего про лошадей не сказано.

– И что кавалерист?

– Ну... Посмеялся с нами вместе. Потом. Когда я его оставил.

Алексей хмыкнул, представляя картину заплетания хвоста лошади в косички, затем сказал:

– Да уж. Выходит, мы действительно занимаемся полнейшей ерундой?

– Подумай сам, какой в этом смысл?

Алексей задумался. Но, не придя ни к каким конкретным выводам, просто спросил:

– Какой?

– Никакого, Леш. Вообще. Тебя я взял еще и потому, что тебе эта затея кажется забавной. Тебе за компьютером скучновато. Ивану – нет.

– Ну да, раньше я от ментов бегал, теперь они от меня, – сказал Алексей и захохотал. Кукушкин тоже улыбнулся.

– В общем, еще посидим полчаса, да поедим на Петровку.

– А как же план?

– Там его и выполним. Там много людей в форме ходит.

– Дим, но нам же дали этот район.

– Если быть точным, то уже не этот. Мы давно из него вышли. Леха, поверь мне, я найду на Петровке необходимое количество народу. Все подтвердят как один, что именно здесь в парадной форме случайно мимо проходили. По служебным вопросам, разумеется.

– Слушай, Дим. Может проще все сделаем? Я достану из телефона симку, что бы не запеленговали, да «112» наберу?

– Зачем? – не понял Кукушкин.

– Скажу, что здесь пьянь друг друга ножами режет. Они это место наверняка знают, поэтому без вопросов наряд пришлют. А мы их тут и возьмем!

Кукушкин удивленно уставился на товарища, округлив глаза.

– Поразительно, – сказал он, – твою энергию, да в мирных целях... Леша, как ты пришел к такой мысли вообще?!

– Большой опыт общения с патрульной службой сказывается, – улыбнулся Алексей. – Они не очень сообразительные. Раньше, когда я видел, что наряд пристал к тусовке, но не забирал никого сразу, то есть понятно, на деньги разводили, я делал анонимный звонок в «02». Мол, что где-то рядом, прям вот им проехать пару минут, происходит нечто ужасное. Грабят–убивают–насилуют. Они ловят по рации вызов дежурного, отлипают и уезжают проверять.

– Странно у тебя голова работает. Мы так делать не будем. Может, их помощь где-то нужна больше.

– Угу, конечно, эти помогут... – пробубнил Алексей, и повернул голову в сторону дороги. Его опыт общения с ППС говорил скорей об обратном.

Между тем, взгляд Алексея привлекла симпатичная молодая блондинка лет двадцати, идущая по тротуару вдоль дороги, в обтягивающей футболке, подчеркивающей ее фор-

мы, и коротенькой мини юбке. На руке ее небрежно висела сумочка, из нее шел провод, разделяющийся на два в районе шеи, которые уже заканчивались небольшими наушниками, вставленными в уши. Кукушкин перехватил взгляд Алексея и сказал:

– Ты же вроде как семейный человек.

– Дим, ты когда в ресторан приходишь, меню читаешь?

– Естественно, а при чем тут это?

– Ну вот и я изучаю блюдо. Но это совершенно не значит, что буду его заказывать и пробовать, и уж тем более за него расплачиваться.

Кукушкин засмеялся, Алексей, довольный шуткой, снова уставился на девушку. За ней следовал в оранжевом жилете таджик, постепенно нагоняя ее, по всей видимости, приехавший в Москву на заработки и работающий то ли дворником, то ли каким другим чернорабочим. Поравнявшись с ней, он резким движением вырвал сумочку и бросился бежать. Отрезанная от реального мира музыкой девушка, никак этого не ожидавшая, вскрикнула, причем скорее больше от испуга, и замерла на месте. Однако сразу начала растирать уши ладонями, которым явно досталось вырванными вслед за сумочкой наушниками, и растерянно смотрела вслед убегающему гастробайтеру.

– Ты это видел?! – воскликнул Алексей.

– Ага. Чернов, он на нас бежит! – возбужденно ответил Кукушкин.

Действительно, с дороги о наличии кого-либо в кустах, а тем более о прятавшихся там от людей двух милиционеров, догадаться было невозможно. Вероятно, безлюдность улицы и кажущаяся легкость добычи и подтолкнула таджика на это преступление. Достаточно убежать и все, как потом опознать азиата русскому человеку? Они же все на одно лицо. И те самые кусты сейчас должны были помочь ему быстрее скрыться с глаз возможных свидетелей. Но в них Алексей уже приготовился к перехвату, быстро выдав инструктаж Кукушкину:

– Дима, я сам, ты просто страхуй.

Кукушкин спорить и возражать не стал, хотя и напрягся. Но страховать не пришлось. Таджик, внезапно увидевший выскакивающего на него из кустов огромного милиционера, растерялся и просто замер на месте в оцепенении. Алексей же останавливаться и не думал, всей своей не малой массой въехал в щуплого гастробайтера, отчего тот тут же был опрокинут на землю. Встать ему он не дал, ловко, одним движением рук перевернул его на живот, что было не очень сложным, так как таджик оказался достаточно хилым и противопоставить Алексею ничего бы не смог, да, в общем-то, он и не пытался это сделать. После чего Алексей заломил ему руку за спиной, отчего тот заорал в голос и залепетал что-то непонятное на своем языке. Впрочем, слово «больно» среди непривычного наречия можно было узнать без труда.

– Ты руку ему не сломай только, – сказал подошедший Ку-

кушкин, подбирая сумочку и осматривая неудачливого охотника, превратившегося в жертву. – Где научился выкручивать–то руки так?

– Так это... В школе милиции научили. А тебя разве нет?

Возможно, Алексей был один из тех немногих сотрудников информационного центра, который к занятиям по огневой подготовке, борьбе и рукопашному бою проявил живой интерес, и которого реально чему–то научили. Однако Кукушкин покачал головой, таким образом давая понять свое отношение к важности отточенных навыков борьбы и стрельбы в жизни компьютерных специалистов, после чего задумчиво произнес:

– Это конечно здорово, что ты его поймал. Только я вот думаю, а что с ним теперь, собственно, делать? – и, заметив подошедшую к ним испуганную девушку, обратился уже к ней: – Вы в порядке?

Девушка неуверенно кивнула, Алексей же удивленно сказал:

– Как это что делать?

– Ну мы можем отдать его муровцам. Предлагаешь его на Петровку на метро везти? Или что–то еще? И нужен ли он там?

– Как это не нужен? Он же преступление совершил. Очевидное.

– Короче, ты поддержи его, я сейчас со Старковым проконсультируюсь.

После чего Кукушкин отошел метров на десять, и негромко разговаривал по телефону минут пять, затем вернулся и довольной интонацией сказал, улыбнувшись:

– Старков сказал, надо милицию вызывать!

– Ребят, – подала удивленный голос девушка, и без того уже с подозрением наблюдавшая всю эту картину – а вы, простите, кто?

Алексей, продолжавший удерживать таджика, уставился на нее, затем сказал:

– Мы милиционеры с Петровки, только... м–м–м...

– ...только из области высоких технологий, – закончил его мысль Кукушкин. – Это не наш профиль, грабителей уличных ловить.

– А, понятно, так бы сразу и сказали, – с сарказмом произнесла блондинка, впрочем, на Алексея она смотрела с любопытством. – Ну давайте его отпустим и разбежимся.

Алексей бросил удивленный взгляд сначала на нее, потом на Кукушкина, который явно рассматривал и этот вариант изначально, затем чуть сильнее заломил руку таджику, который, похоже, получил надежду выйти сухим из воды и начал дергаться под ним. Его крик привел в себя Кукушкина:

– Хорошо! Не волнуйтесь вы так! В общем, Чернов, расклад простой. У нас три варианта. Первый: мы тащим его в местный отдел, теряем день, описываем произошедшее, передаем им задержанного и потерпевшую, то есть вас, девушка, нас даже за это не благодарят, поскольку «палка» с их

земли ушла в нашу пользу, а нам от нее ни тепло, ни холодно. То есть, рублей по пятьсот премии нам выпишут. За бдительность так сказать. Но выговор за сорванный план инспекции по проверке ментов тоже влепят, как пить дать, мы же не выполним основную задачу. За разгильдяйство. Или второй вариант: мы отдаем вещи пострадавшей, ты можешь его попинать если хочешь, можешь попробовать отбить у него желание воровать на всю оставшуюся жизнь, можешь руку ему сломать, и делаем вид, что ничего не произошло вообще.

Алексей вопросительно уставилась на Кукушкина, таджик, похоже все же как-то понимавший «великий и могучий» тихо заскулил, ожидая расправы, но оба эти варианта явно не устроили девушку:

– То есть, как это ничего не произошло?! – возмутилась она, и сдерживать эмоции она не стала: – Его место в тюрьме, он бандит! Вы милиция или нет? Вы что должны делать–то? Только взятки брать?!

– Девушка, тише, успокойтесь, сейчас разберемся, – сказал Алексей, затем повернулся к Кукушкину: – Ты знаешь, по факту она все же права. И не буду я пинать не сопротивляющегося. Даже зная, что он злодей. Он сдался, все. Не в моих принципах это.

– Тогда вариант номер три от Старкова, очень похожий на твое предложение: она звонит в милицию сама, и говорит, что на нее напали, но бдительные граждане скрутили грабителя. И ни слова про нас.

– Почему это? – удивленно спросила девушка. – Вы же его поймали, молодцы. Или нет? Я что-то запуталась совсем с вами...

– Потому что в этом случае милиционеры местного отделения почувствуют практически халявное раскрытие преступления и задержание злодея, преподнесенного им на блюдечке с голубой каемочкой, и тут же прилетят. Так что вот вам телефон, – Кукушкин вручил ей свой, – и звоните. Не волнуйтесь, ничего вам не будет за эту фантазию, в крайнем случае скажете, что сразу не разобрались в происходящем. Из-за стресса. Еще раз объясняю, что вы должны сказать...

После инструктажа девушка лишь пожала плечами, взяла телефон и набрала вызов милиции. Буквально через пять минут, как и предсказывал Старков, к ним подъехал милицкий УАЗик. В итоге два сержанта с любопытством смотрели на Чернова с таджиком, а вот их старший лейтенант лет тридцати, рассмотрев майорские звезды на погонах Кукушкина, явно оценил перспективы этого дела очень скептически и с крайне кислым выражением лица сказал:

– А нам вроде сказали, что граждане задержали злодея...

– А мы не граждане? – тут же отозвался Алексей. – Слушай, старлей, забери его, я задолбался его уже держать!

– Сначала надо разобраться, собственно законно ли вы его, товарищ лейтенант, держите...

– Он напал на меня! – снова заголосила девушка. – Вы будете свою работу делать, или нет?

– Слышь, старлей, «палку» эту хочешь? – спросил его Кукушкин.

– Есть деловое предложение? – заинтересовался патрульный.

– Обоюдовыгодное. Нам она, в принципе, он не нужна. А вот тебе, похоже, да? Пойдем–ка в сторонку, разговор есть... – после чего Кукушкин деликатно взял заинтересовавшегося ППСника под руку и отвел в сторону, где они разговаривали минут десять, вернувшись, повеселевший старший лейтенант сказал своим сержантам:

– Грузите тело, забирайте потерпевшую, едим в отдел.

Те тут же принялись за дело. Алексей передал сержантам таджика, кидающего боязливые взгляды с одного милиционера на другого, действительно очень напоминавшего загнанного дикого зверька. В этот момент Алексей осознал, почему его тетка, да и не только тетка, так называет иностранцев из южных стран ближнего зарубежья. Отряхнувшись наспех, Алексей подошел к Кукушкину, который обратился к девушке:

– Вам следует проехать с ними, – он указал на УАЗик.

– А вы? – спросила она, смотря на Алексея.

– А что мы? – ответил он ей. – Мы свою работу уже сделали.

– Что ж... Спасибо вам, – ответила она. Затем, несколько не смущаясь, достала из нагрудного кармана рубашки опешившего Алексея ручку, взяла в руки его ладонь, что–то

быстро написала на ней. И, улыбнувшись, произнесла: – Ты мне понравился. Если хочешь похалтурить – позвони мне как–нибудь. Извини, мне пока ничего моего не отдали. – После чего она поднялась на цыпочки, чмокнула Алексея в щеку, засунула ручку обратно в его карман и проследовала в ожидавший ее УАЗик, помахав рукой ему напоследок.

– Пошли, Леха, – сказал Кукушкин. – На автобусе до их отдела четыре остановки.

– Зачем нам-то туда? – удивился Алексей, провожая взглядом затарахтевший и удаляющийся от них УАЗик.

– Пока кто–то девок клеил, я делом занимался. Они нам семь добровольцев предоставят. Но в следующий раз я дальше Петровки один фиг никуда не пойду, хватит с меня приключений.

– Понятно. Только я никого не клеил.

– Конечно нет, кто бы сомневался. Что она там на тебе написала?

– Что ее Юлей звать. И телефон.

– Вот! Говоришь, не клеил. Держи, – Кукушкин протянул Алексею тысячерублевую купюру.

– Что это?

– Полная версия плана Старкова. Твоя доля за «палку». Я ее им продал. За две тысячи. А что, не бесплатно же отдавать. Нам бы премию все же бы выплатили.

– Ты их на бабло поставил? Красавец! – усмехнулся Алексей.

– У нас товар, – они купцы. Все довольны. Им задержание будет в плюс по уголовной статье.

– Мда, порядки. Ну дай бумажку-то, номер переписать надо.

Кукушкин достал из кармана небольшой блокнотик и вырвал из него лист.

– Значит, меню только изучаешь? И не заказываешь? А что делаешь в случае бесплатных дегустаций?

– Да ладно тебе. Может и пригодится... – Алексей пожал плечами. Кукушкин скривил скептическую улыбку и сказал:

– Она не москвичка. Осторожней. А то женит на себе, оформит прописку московскую, и можешь быть свободным.

– Откуда знаешь? Хотя да, она окает.

– Да хоть гэкает! Из ее паспорта я узнал это, который полистал немного, что там гадать, – ответил Кукушкин. Решив сменить тему, указывая на остановку, начал инструктаж: – В автобус будем заходить через центральную дверь. Мы в форме, нас пустят без турникета.

– Дим, нам же про необходимость оплачивать проезд все уши прожужжали. А вдруг поймают?

– Кто нас поймает Леша? Контролер? И что он сделает? В милицию нас доставит? Так мы туда сами вроде как направляемся. Или инспекция по личному составу? Так сегодня мы ей и являемся. К тому же, мы едим в отдел по служебной необходимости. В этом случае закон «О милиции» позволяет нам ездить бесплатно. Про это почему-то все забыли, а

закон—то работает. По крайней мере, должен работать...

— О, Дим, может билеты заодно проверим у пассажиров? Многие же не по своим социальным картам ездят?

— Чернов, ну и что мы с пойманными злодеями делать будем? Пальчиком грозить? Тебе мало приключений?

— Понял, умолкаю, товарищ майор, — сказал Алексей и улыбнулся.

— Не задержишься ты надолго у нас, Леша, — сказал Кукушкин. — Смотри, ненужных приключений на свой зад не насобирай...

Алексей вопросительно посмотрел на Кукушкина, но тот не собирался продолжать этот разговор, поскольку заметил приближающийся к остановке рейсовый автобус. Они ускорили шаг.

На Петровку они вернулись ближе к трем. Начинать работать за компьютером было уже поздно, к тому же Алексей имел полное моральное право этого не делать вообще, так как был официально откомандирован в другое подразделение, задачи которого они уже худо—бедно выполнили успешно. Кроме того, короткий день пятницы обещал закончиться посиделками у памятника Высоцкому, а заработанная тысяча грела душу в предвкушении холодного пива. Но время до часа «X» надо было как—то убить. Тогда он плюхнулся

за компьютер, протянулся за телефоном, набрал по памяти внутренний номер.

– Паша, здорова, Чернов. Может в «Контру» рубанемся?

Павел Игнатов был самым обычным оперативником из отдела по борьбе с грабежами и разбоями МУРа, и в силу специфики работы далеко не всегда был доступен на рабочем месте и не всегда принимал участие в пятничных посиделках, где он и познакомился с Алексеем, который потом стал оказывать ему помощь с информацией. Там же Алексей познакомился и с другими оперативниками из этого отдела. Несмотря на то, что он был старше Чернова на несколько лет, любовь к компьютерным игрушкам не утратил, или просто таким образом разгружал голову, что постепенно вошло в привычку. Сегодня он был на месте, занимался бумажной работой, которая ему уже порядком надоела, поэтому он с радостью согласился:

– А давай.

– Подтянешься вечером к Высоцкому?

– Наверное, да. Только попозже, дела надо поделать. В «Контру» полчаса, не более.

Но как это часто бывает, игра их затянула, спустя час они уже минут двадцать раз за разом играли до «последней» смерти. В реальность Алексея вернул вопрос Ивана откуда-то из-за спины:

– Чемпионат ГУВД, или так? – спросил он, взглянув на экран.

– Да так, дурака с МУРовцами валяем.

– За террористов играешь? Ты бы лучше солидарность проявил.

– Так я и проявляю, – ответил Алексей, указывая на виртуальный автомат. – У их полиции «Калашниковых» нет. А я патриот своей страны.

Но появившиеся из-за угла «полицейские» меткой очередь уложили виртуальный персонаж Алексея, на том этот бой для него и закончился. Он отписал в игровой чат своей команде о том, что заканчивает на сегодня.

– Ну вот, Бобик сдох. Пойдем, – сказал Алексей и выключил компьютер.

– Лучше б ты чем-нибудь полезным занялся, чем дурака валять.

– Занимаюсь полезным я обычно ближе к сессии, а так как ты уткнуться в экран и что-то там ковырять целыми днями, я не могу.

– Сайты я делаю.

– А книжки о чем читаешь?

– О том, как делать сайты. Новые языки программирования, новые технологии изучаю. Иногда английский подтягиваю. Только он не подтягивается что-то.

Алексей покосился на Ивана, как всегда сосредоточенного на чем-то своем в своих мыслях, и совершенно не представлял, как нормальный человек постоянно мог смотреть в монитор, что-то там выуживая, и что вообще может заста-

вить кого—либо добровольно тратить свое время на изучение каких—то вещей, которые не факт что и пригодятся в дальнейшем. То есть, цель в получении новых знаний, в целом, понятна. Но ради чего Иван, например, изучал разговорный английский? А ведь были в его руках книги и вовсе о чем—то далеком техническом, что даже программисты, изредка заходившие к ним в зал, спрашивали его, что это за технология, и какую практическую пользу сие знание может принести. Этот вопрос он ему и адресовал:

— Вот скажи, зачем?

— Большой объем знаний расширяет для меня рынок труда, это же очевидно.

— Хм, интересно. И долго один сайт делать?

— Зависит от сайта. От нескольких часов до нескольких недель.

— И что, прибыльная работа?

— Вторая зарплата в месяц. Бывает больше, но мне хорошие заказы редко достаются. Это если работа есть. Бывают и мертвые сезоны.

Алексей представил себя на месте Ивана, целыми днями сидящим за компьютером, что тут, что у себя дома, без общения, свежего воздуха, девушек, в конце концов...

— Нет, это не для меня, — подвел итог разговору Алексей.

— Я так и думал, — Иван улыбнулся. — Тебе бы кому—то морду только бить.

— Ну что вы все время напоминаете? Тот парень был рэпе-

ром. А я – рокером. Конфликт был неизбежен.

Углубляться в детальные объяснения Алексей не стал.

Казалось, что дело с его разборками с кавказцами было быстренько замято. Однако каждый первый в отделе его периодически подкалывал на сей счет. Что было известно каждому и в каком объеме оставалось не понятным. Объяснять же Ивану, что суть вовсе не в том, кто там был рэпер, или не рэпер, так же было совершенно бесполезно, он просто бы не понял истинных причин конфликта, так как вырос совсем в другой песочнице и теперь обладает другим мировоззрением... Вот и сейчас он сделал какой-то свой вывод и подвел итог:

– Конечно! Это все объясняет, – и демонстративно закивал.

– Смейся–смейся. Надо было без свидетелей разбираться. Сейчас я понимаю, к чему это могло привести, а тогда мне было не важно. Я вырос на улице, а не за экраном монитора, – попытался легонько поддеть Ивана Алексей, которому этот разговор начал надоедать.

– Ладно, проехали, – похоже, Иван уловил возрастающую раздражительность Алексея, и тут же погасил назревавший конфликт. Этому умению вовремя дать по тормозам и тем самым уйти от конфликта Алексей искренне завидовал. Он так не мог, всегда шел до победного конца, а вот Иван обладал неплохими качествами дипломата и тонко чувствовал эту грань.

Скорее всего, в обычной жизни они никогда бы не стали общаться. По большому счету, они и сейчас друзьями не были, однако Старков и старшие смены, особенно Варшавский, сразу объяснили Алексею, что свое личное мнение по поводу каждого сотрудника отдела он может, мягко говоря, оставить при себе, и обязан забыть все то, что его не устраивает, как только надел форму, или просто переступил порог отдела. Именно с этими людьми придется ходить в усиления в сводные резервы, где самым близким товарищем, который в случае чего прикроет тебе спину, будет именно твой сослуживец. Не принявшие эту аксиому не имели шансов влиться в коллектив. Разумеется, у кого-то что-то получалось лучше, а что-то хуже, так Алексей прекрасно понимал крайне ограниченные возможности в рукопашном бою Ивана, но кому до этого было дело, силовых задач перед информационным подразделением в здравом уме никто и никогда не поставит. Единственным относительным отрицательным моментом были ежеквартальные сдачи нормативов по физической подготовке, за которые Иван регулярно получал оценки «неудовлетворительно», но его этот вопрос и не сильно волновал. Формально это должно было беспокоить руководство, в советское время за это даже могли уволить. Но не сейчас в условиях острого дефицита более-менее толковых сотрудников. А за компьютером Иван был не просто толковый, мало кто вообще мог составить конкуренцию ему, его знания и умения шли далеко за пределы необходимых минималь-

ных требований для работы. Если, конечно, дело не касалось «Контры», которую Иван почему-то не любил. И Иван никогда не отказывал Алексею в разъяснениях компьютерных вопросов, всегда откладывая в сторону свои книжки, если возникал какой-то рабочий вопрос. Причем старался это сделать на доступном тому языке. Естественно Алексей понимал, что в текущем своем положении он являлся слабейшим звеном в отделе. Но вовсе не лишним. Это тоже ему дали понять. Он старался, на него вполне можно было положиться, что было замечено и оценено. Наверное, это и называлось братством, поэтому Старков никогда в открытую не осуждал пьянки-гулянки по пятницам, хотя и не одобрял их.

Рабочий день закончился, в сквере на Страстном бульваре традиционно собиралась молодежь, так что прибыли они сюда не первыми. Артем Званцев, друг Ивана, пригласил их жестом в свою компанию, сгруппировавшуюся вокруг лавочки, на которой стоял еще запечатанный полиэтиленовой пленкой ящик пива, поставленным сослуживцам и прочим приближенным лицам по случаю его увольнения. Эта новость сильно удивила Ивана, который тут же потерял всякий интерес к окружающим, проследовал напрямик к нему на лавку и о чем-то еле слышно завел беседу. Алексей тоже некоторое время послушал их разговор, но достаточно быстро потерял к нему интерес, и решил сначала обойти собравшийся народ и поздороваться со знакомыми, представляющих различные другие подразделения.

Казалось, эти посиделки в состоянии заменить ему родной двор. Тем не менее, ему здесь чего-то не хватало. Его энергия требовала выхода, общения с людьми, какой-то не монотонной деятельности, а ее не было. Вероятно, сказывалось то, что когда он так же пил пиво в своем дворе, всегда ощущалась какая-то напряженность, выражавшаяся в постоянной необходимости избегать встреч с милицией и решать проблемы с другими группами молодежи, а тут... Патрули милиции прекрасно знали, кто именно собирается здесь по пятницам по окончании рабочего дня, и делали вид, что ничего не замечают, конкурирующим группам в центре Москвы просто неоткуда было взяться, к тому же понятно было сразу, кого бы сделали крайними в случае столкновения. В результате на этих «корпоративных» встречах он ощущал некоторую обособленность. Собравшиеся здесь были не однородной массой, даже тут формировались какие-то свои мелкие группы, а он не принадлежал ни к какой конкретно. Вот и сейчас Иван обсуждал со своим приятелем Артемом обстоятельства увольнения в окружении других программистов, и Иван без проблем вливался в эту своеобразную группку людей. Разумеется, он тоже мог запросто присоединиться к их обществу, никто бы не был против, собственно он так и делал поначалу, когда Иван повел его, так сказать, знакомить с коллективом, но вот поддерживать их беседу, часто уходящую в какие-то глубокие компьютерные дебри, он был не в состоянии. А ощущать себя инородным телом

не хотелось.

Зато он как-то сразу нашел общий язык с оперативниками. Возможно, сказался его своеобразный жизненный опыт, в какой-то степени близкий их профилю работы, или же они просто откровенно, но очень грамотно втирались в доверие к представителям интересующих их служб, а информационная вполне естественно была одной из важнейших для них, но факт оставался фактом, с ними он был на одной волне и не ощущал никакого дискомфорта. Однако представители криминальной милиции, к которой МУР и относился, на этих пятничных встречах бывали не часто. Вот и сегодня Павел Игнатов сказал, что он подойдет, но во сколько конкретно, оставалось только догадываться. Поэтому он все же решил пока присоединиться к обществу программистов. Заметив кислое выражение на лице Ивана и окружающих, что бы как-то расшевелить собравшихся, он поднял бутылку с пивом, и громогласно объявил:

– Хватит грустить, давайте уже отпразднуем последнюю пятницу на этой неделе!

В ответ все собравшиеся одобрительно заулюлюкали, Артем кивнул ему и потянулся за пивом, Иван же просто улыбнулся. Вечер можно было считать открытым.

Павел Игнатов подошел к ним ближе к восьми, причем не один, а в компании с еще тремя оперативниками.

– Ого, сегодня вас много, – поприветствовал его Алексей. Поздоровавшись со всеми, Павел ответил:

– Сегодня наше ударное отделение, вместо того, что бы заняться отловом всяких редисок и прочими текущими проблемами, весь день готовило отчет генералу, которому резко кое–какие цифры понадобились. Вот и укладывали цифры в нормативы плана и так, и эдак, и все никак. Но зато как закончили, все вместе и освободились.

– Это каким же образом вы постоянные величины в нормативы вкладывали? – заинтересовался вопросом Иван.

– Статистика может подтвердить что угодно, даже взаимоисключающие утверждения, в этом ее и прелесть, – произнес Артем. – Нужно просто правильно сформулировать параметры выборки. И решить, нужно ли учитывать какие–либо сопутствующие данные.

– О, соображаешь. Михалыч, – обратился Павел к самому старшему мужчине из троих оперативников, – объясни нашим коллегам из информационного центра, как они сразу должны нам информация по статистике преподносить.

– Из информационного центра? – переспросил он, явно заинтересовавшись. – Ладно, поделюсь. В детали, конечно, я вдаваться не буду. Но если вкратце, то... Что такое, например, убийство?

– В смысле? – не понял Иван.

– В юридическом.

– Да откуда я знаю, я не юрист, – ответил ему Иван. – Если не затруднит, объясните.

– Мда, программисты, что с вас взять... Тогда совсем по–

простому. Вот, например, сбитый насмерть пешеход – это убийство?

– Нет, – ответил Иван, затем подумав, добавил: – Хотя, если у водителя был умысел, то он мог использовать автомобиль в качестве орудия, и...

– Мне нравится ход ваших мыслей, молодой человек. Вам бы в качалку походить годок–другой, и можно в МУР идти служить.

Все дружно засмеялись, Иван же надулся, оставив это замечание без комментариев, мужчина же протянул ему руку и сказал:

– Ежов Алексей Михайлович, начальник этих бездельников, – он указал на оперативников. Иван пожал протянутую руку, коротко, совершенно неофициально представившись:

– Иван.

– Так вот, Иван, в загнивающей Америке, например, все просто. Если есть криминальный труп, то есть когда потерпевший сам к смерти не стремился, то это убийство. Оно может быть преднамеренным, или нет. Это уже в зависимости от того, что кто–то кого–то грохнул специально, явно желая этого результата, или случайно, не имея умысла. А вот у нас, когда в девяностые был что ни день, так десяток трупов, и это только в Москве, кому–то пришла в голову умная мысль, что с убийствами можно бороться на бумаге. И даже придумали как. Родилась новая классификация, например: тяжкие телесные, повлекшие смерть, или причинение смер-

ти по неосторожности, или наезд на пешехода, ну и так далее, но без слова «убийство». С тех пор отчеты с отличными цифрами по убиенным пошли вверх, и всем все это как-то понравилось резко. Вот с тех пор и пошло, что любое убийство в России с точки зрения американских юристов будет классифицировано как очень сильно-сильно преднамеренное. И убийств в Америке теперь раза в два-три больше по статистике, о чем нам бодро телевизор рассказывает. И ведь с некоторой точки зрения это будет даже правдой. Понятен расклад?

– Более чем, – ответил за всех Иван, так как их беседу с интересом слушали даже «прожженные» программисты, весьма далекие от этих юридических игр. – А вы, значит, сегодня более сложные махинации проворачивали? И хотите от нашей статистики более удобных отчетов? Так взяли бы поллитру и изначально к нашим статистам пришли, в чем проблема?

Оперативники одобряюще загалдели, посматривая на Ивана, и явно меняя первоначальную оценку на его счет.

– У нас есть некоторые свои секреты, которым за рамки нашего коллектива до поры до времени лучше не выходить, – ответил Алексей Михайлович, но сразу же сменил тему дальнейшего разговора: – Ну что, ждать вас через год на службу?

– Вы бы на Чернова внимание обратили, – подсказал ему Павел. Алексей улыбнулся, но тут же вмешался Иван:

– Чернов, ты сначала институт закончи, а то из-за отчет-

тов «криминальным» генералам тебе учиться некогда ходить будет.

– Леха, Иван дело говорит, – заговорил заскучавший Артем, которому юридические тонкости слушал молча, без особого интереса. – Или дурная башка ногам покоя не дает?

– Да что с программистов взять, – подвел итог беседе Алексей Михайлович. – Все, господа офицеры, сильно не напивайтесь. Счастливо вам оставаться. Старкову привет.

– И вам не кашлять, – ответил кто-то вслед. Объяснять человеку, далекому от информационных технологий, что не каждый человек, работающий за компьютером, является программистом, никто не стал.

Алексей Михайлович пожал руки своим сотрудникам, остальным собравшимся просто махнул рукой и пошел в сторону ближайшей станции метро. Достаточно скоро снова образовались обособленные «кружки по интересам» на разных лавочках, на одной из которых Павел и Алексей вели беседу:

– Леха, если ты реально надумаешь к нам, я поговорю с начальником, он нормальный мужик.

– Вот только он отчего-то с Иваном начал разговаривать.

– Да просто пока к вам шли, мы его заметили и у нас вопрос возник, зачем такие в милиции нужны.

– Вы это зря! – заступился за товарища Алексей. – У Ивана башка варит!

– Мы это уже оценили. Только вот опер – это все же набор некоторых определенных качеств, которые должны непре-

менно быть. У тебя они есть, – Павел улыбнулся, – а у него никогда их не будет. Даже если мышцу накачает.

– Он на должность опера и не претендует. Да ты сам посмотри, у нас один за другим на гражданку уходят, народ погоны на гвоздь вешает без тени сомнения. И это ведь молодые ребята! А что до меня, так мне действительно имеет смысл сначала учебу закончить.

– Может ты и прав...

– Давай лучше еще по пиву.

– Как-то с деньгами не очень... – Павел залез в карман, извлек оттуда и продемонстрировал Алексею смятую десятирублевую купюру и кучу мелочи, – впрочем, на бутылку, наверное, хватит.

– Не переживай. Я сегодня тысячу заработал. Сейчас расскажу как – так не поверишь...

...Домой Алексей добрался уже за полночь. В дверях его встретила Маша, оценив его внешний вид, сразу выдавая:

– Опять пятница–равзратница? Знаешь что, Леша, нюхать твой перегар я не намерена. Надоело. Я тебе на диване постелила.

– Чего это? – пробубнил в ответ тот, придерживаясь за стену. – Я сплю там, где я сплю, и это не обсуждается. – После чего, пошатываясь, проследовал к кровати, куда и упал не раздеваясь, сразу уснув.

Маша постояла еще некоторое время в дверях комнаты, смотря на Алексея. Спустя несколько минут она закрыла

дверь к нему в комнату и отправилась в другую. Туда, где она уже застелила диван.

Известие о том, что он теперь будет работать с Иваном сутками, внесло свои коррективы в жизнь Алексея. С одной стороны, теперь, когда смена выпадала на пятницу, он не мог больше участвовать в посиделках, с другой стороны, изменение рабочего графика принесло несколько больше свободного времени, которое он часто даже и не знал куда деть. То есть, в теории все было достаточно понятно, нужно было искать какую-то дополнительную подработку, о чем ему достаточно прозрачно намекала Маша, да и сам он прекрасно ощущал хроническое безденежье. Более того, из-за денег они уже несколько раз серьезно ругались, Маша ставила ему в укор просиживание сутками напролет дома за компьютерными играми, когда она, мол, работает. Но вот на практике, куда он мог пойти? Хорошие подработки со свободным графиком на дороге не валяются.

После одной из таких ссор, когда они разошлись по разным комнатам, хлопнув дверьми, Алексей принялся приводить в порядок свою форму перед предстоящим днем города Москвы с массовыми гуляниями, традиционно приходящимся на первые выходные сентября. А значит и грядущему усиленному варианту несения службы милиции, который без

сотрудников информационного центра, естественно, никак не обходится, и куда его традиционно привлекут. Проверив содержимое карманов, его внимание привлекла бумажка с надписью «Юля» и номером телефона. Об этой девушке он уже и забыл, так и не восприняв всерьез ее предложение о «халтуре», в самом деле, ну какую работу может предложить двадцатилетняя девчонка? Однако то ли причиной послужило раздраженное состояние на фоне ссоры с Машей, то ли просто решив, что попытка не пытка, он набрал ее номер телефона. После нескольких гудков ему ответил сонный голос:

– Алло...

– Привет Юля, я, наверное, не вовремя, раз разбудил в четыре дня.

– Да не, нормально, я отсыпалась. А ты, собственно, кто такой?

– Я тот милиционер, который спас вас от нападок злого азиата, – сказал Алексей самодовольным тоном, но девушка на том конце провода не поняла о чем речь, и совершенно неожиданно спросила:

– Какого азиата? Бурята озабоченного что ли?

– При чем тут буряты? – удивленно сказал Алексей, но тут же добавил: – Впрочем, я бы уделал и бурята. А вас я спас от таджика, который у вас сумочку дернул.

– А–а–а... – протянула Юля, – Припоминаю... Ты большой такой. Слушай, сколько прошло–то уже? Месяца два?

– Ага, около того.

– Долго же ты соображаешь...

– Ну, я же все-таки милиционер, – выдал ей Алексей, сам так и не поняв, почему он дал такой ответ. Но девушке этот ответ, казалось, пришелся по душе, она залилась смехом, затем уже серьезней и более добродушно сказала:

– Спасибо тебе еще раз, я бы замучилась документы восстанавливать.

– Да ладно, чего там... – услышав похвалу в свой адрес, настроение Алексея немного улучшилось. – Так сколько ему дали-то? Или он еще в СИЗО до суда загорает?

– Откуда ж мне знать-то? – ошарашила его Юля.

– Так тебя, по идее, должны на суд вызвать...

– Так я следователю, или кто там меня опрашивал, сразу сказала, что никуда больше не пойду, они меня и так часа три мариновали в ментовке, знала бы, так и не поехала с ними. Потом мне кто-то все время названивал, придите, подпишите, задолбали капитально. Сдуру мобильник свой оставила, теперь буду знать, пусть лучше письма по месту прописки шлют. Я кому-то там сказала, пусть за меня сами расписываются, не маленькие, я же не против. Вроде отстали, и на том спасибо.

– Вероятно, ты должна была дать согласие для рассмотрения дела в суде в твое отсутствие.

– Может быть. Да мне, если честно, все равно, что с тем таджиком стало. Но ты, конечно, молодец... эээ...

– Алексей.

– Ага, точно. Так ты чего хотел? – спросила его Юля, явно где-то там зевая на фоне.

– Помнишь, ты говорила о халтуре какой-то?

– Так мы уже вроде укомплектовались. Впрочем, ты бы подошел. Ладно, сейчас я позвоню работодателю, – сказала она, выделив слово «работодатель», – если чего есть, я те перезвоню. Диктуй мне свою мобилу. Алексей продиктовал ей свой номер телефона, после чего девушка, еще раз пообещав перезвонить, повесила трубку. Только тут до него дошло, что о сути работы она не сказала ни слова.

Однако часа через два телефон все же зазвонил, и Юля, уже гораздо более бодрым голосом, сказала:

– Давай через час на «Дмитровской», кафе «Алла», – она продиктовала адрес, – там с тобой побеседует работодатель, – сказала она, снова делая акцент на последнем слове.

– Хорошо, только это другой конец Москвы, я там буду в лучшем случае через полтора часа.

– Ну ладно, если что – звони, мы тебя там подождем. Все вопросы на месте. Чмоки-чмоки.

В трубке раздались гудки. Так и не рискнув войти за дверь в комнату, где на него все еще злилась Маша, Алексей, наскоро собравшись, покинул квартиру. На место встречи он добрался через два часа. Юлю он узнал сразу, девушка все так же выделялась красотой и привлекала к себе внимание, ее спутник, плотный мужчина лет тридцати, нервно ерзал на месте, похоже ожидание было ему в тягость. Направившись

к ним, запыхавшийся Алексей сел за их столик напротив, не спросив разрешения, лишь коротко бросил:

– Здравствуй!

– О, а тебя в цивильном, то есть без формы, так сразу и не узнаешь, – сказала Юля. – Привет–привет!

Однако мужчина, некоторое время сверливший Алексея взглядом, затем, почесав свой нос, равнодушным тоном сказал:

– Вы опоздали.

– Извините, вы меня сорвали резко, а там пробки, знаете ли...

– Если ты будешь опаздывать, мы с тобой не сработаемся, – продолжил мужчина. – Вам Олеся объяснила суть работы?

– Обычно я пунктуален. Просто мне надо было пересечь всю Москву. Если заблаговременно назначать встречи, то опозданий за собой я не припоминаю. Про работу я вообще не в курсе. И кто такая Олеся?

– Олеся это я, – ответила ему девушка. – Творческий псевдоним.

– Ты же вроде Юля? – немного удивился Алексей.

– Этот здоровяк знает твое имя? – в свою очередь удивился мужчина.

Девушка улыбнулась, повисла пауза, оба мужчины смотрели на нее. Наконец Алексей сказал:

– Ну и что это тут у вас за шпионские игры?

– Олег, они, – девушка указала на Алексея, – держали в руках мой паспорт. Ну и смысл что–то придумывать? Это он таджика уработал, помнишь, я рассказывала.

– А, ясно. Я Олег, – представился мужчина, – но она для всех Олеся, запомни. Если звучит имя «Юля», значит человек о ней знает больше, чем ему надо, а это напрягает. Все хорошо в меру. Но раз вы знакомы... Вводи человека в курс дела тогда сама, ведь он твой протеже.

– Хорошо. В общем, наша компания специализируется на оказании некоторых услуг состоятельным клиентам. Интимных услуг, – сказала Юля–Олеся, оценивающе смотря на реакцию Алексея. Тот в свою очередь с удивлением смотрел на нее, переваривая услышанное, а закончив мыслительный процесс, резко выдал:

– Проститутки что ли?

– Тихо ты! – вмешался Олег. – Чего орешь?

Однако ход мысли Алексея не остановился на этом и пошел дальше, воображение живо нарисовало картину о характере предлагаемой работе, его роли, в результате глаза у него округлились и он воскликнул:

– А я вам для каких целей потребовался?!

Его собеседники переглянулись, и дружно взорвались хохотом.

– Не переживай, Алексей, – заговорил Олег, – сфера гей услуг не наша. И вообще тебя непосредственно к интиму никто привлекать не собирается. Ты нам нужен для другой ра-

боты.

– Это ж какой? – с вызовом сказал Алексей, уже обдумывая мысль о напрасно потраченном времени.

– Ты не спеши с выводами, – заговорила спокойным тоном девушка. – Никого в рабство тут не тащат, паспорта, как ты уже знаешь, никто ни у кого не отбирает. Все работают добровольно. Кто хочет уйти – уходит. Захочу я уйти, соберу шмотки и уйду, Олежка еще до вокзала подкинет. А те, кто хочет работать, зарабатывает от пятидесяти и выше.

– Погоди, так и ты, это... – Алексей замялся, не решаясь сказать «проститутка».

– Что «это»? – улыбнулась девушка. Но затем твердо сказала: – Да, правильно мыслишь, если тебе это сейчас так важно. Но не задавай вопросов больше в таком тоне. И вообще, тебе уже сказали, меньше о людях знаешь, крепче спишь.

– И что же вы от меня хотите?

– Мы хотим тебе предложить работу охранником, – снова взял в свои руки разговор Олег. – Ты милиционер, да и просто большой и сильный парень, а наших девочек обижают.

– В смысле обижают? – удивился Алексей. – Милиция обижает?

– Нет, милиция нас не обижает. По крайней мере, та милиция, которая может серьезно обидеть. Мы же им отстегируем процент–то, или им услуги оказываем, так сказать, бартером, это как господам офицерам угодно. А они нам помогают, когда нас обижают. Но понимаешь... Вот всякая шу-

шера мелкая, потерявшая страх, те чудят. Бывает, например, закажут девушку, привезешь, клиент ткнет тебе в нос непопнятной ксивой, и требует, типа сам вали, а ее оставь. Или просто силой пытаются девок к себе затащить. Вот для успокоения таких экземпляров ты нам и нужен. На тебя же чужая ксива мелкого мента впечатления не произведет. И треснешь в лоб ты запросто, насколько я понял.

– Погодите–ка. Это как же я пойду против сотрудников органов? А если это плановый отлов ночных бабочек?

– А сотрудник этот божий одуванчик, ага! Ты не понял расклада, – продолжил Олег. – Тебе никто не предлагает стоять на ленинградке, охраняя низкопробный сброд, за которыми разные отделы нравов с журналистами катаются. Потом доверчивых людей по телевизору страшилками пугают. С ними и связываться–то противно. Ты нормально едешь на машине на заказ по адресу к клиенту. Никаких подстав от «органов» не будет, мы же о них знаем заранее. Нам сообщают.

– Тогда в чем проблема?

– Проблема в том, – вмешалась Юля, – что посмотрит молодежь «Бригаду», али какой другой аналогичный шлак, и решит, а чем они хуже. Особенно под градусом–то все герои. Приезжаешь на заказ, а там подстава. Тебя в койку, и по очереди, а то и одновременно пять–шесть человек во все...

– Не надо подробностей! – сказал Алексей, прерывая несколько не смущающуюся девушку. Затем, немного подумав,

добавил: – Юля, а тебя...

– Слушай, иди на фиг с такими вопросами! Даже если и да, тебе–то что с этого? Ты тут как раз для того, что бы таких ситуаций не было!

– Теперь, – продолжил Олег, – мы работаем так: охранник идет по адресу, сначала без девок, просит осмотреть помещение клиента, это квартира, как правило, или сауна, но с саунами все проще, там банщики помогают, тоже копеечку заработать хотят. Еще бывают гостиницы, но там тоже все просто, все на виду. А вот квартиры – это проблема. Если клиент отказывает, то разворачиваешься и уходишь. Если охраннику угрожают, мол, веди сюда девок, а то хуже будет, вот тут ты и должен максимально быстро этот вопрос решить. Поддержку мы окажем, но как ты понимаешь, не мгновенно. Так что некоторые риски имеются. А если все путем, то есть в квартире не идет веселая попойка десятка мужиков, возжелавших женского общества, то две–три девчонки клиенту предоставляются на выбор. Если их, конечно, не разобрали уже раньше, и выбор есть. И девчонки подтверждают СМСкой или звонком минут через десять, что все путем.

– А если не все путем?

– Ты сидишь в машине и никуда не уезжаешь до тех пор, пока подтверждение не получишь. Если возникают проблемы, которые ты решить не в состоянии, звонишь нам, и мы решаем этот вопрос уже совместно с нашими партнерами из силовых структур, специализирующихся на решении таких

вот деликатных ситуаций. У них большой опыт в этом вопросе. Так как, интересно тебе наше предложение?

Алексей задумался. С одной стороны, работа та еще... С другой, с иными предложениями у него было не густо. Точнее, их вообще не было. Словно прочитав его мысли, Олег сказал:

– Три тысячи за смену в среднем. У тебя машина есть?

– Нет, а что?

– Будет машина – будешь получать еще три за услуги водителя. Итого шесть за ночь. Сколько ты там в конторе получаешь? Деясть-двенадцать? Короче думай сам, – Олег достал свою визитку, вручил Алексею. – Но не долго. Мы формируем еще один экипаж как раз... В общем, учитывая рекомендации, мне ты подходишь, дальше решай. Я пошел, мне работать. С Олесью можешь еще потрещать. У нее один хрен нерабочие дни.

Олег пожал руку Алексею, и направился к выходу. Алексей посмотрел на улыбающуюся ему Юлю, и спросил ее:

– Если я соглашусь, мне тебя возить?

– Это решает Олег. Но я бы не отказалась. Могу попросить. Еще две девочки в команду, и можно работать. Ты мне еще тогда понравился. Но первое время с тобой будет кто-то из наших, для подстраховки и обучения на практике.

– Скажи, а другие охранники, они кто?

– Народ разношерстный. Но тоже все больше разные действующие и бывшие всех мастей. Специфика. Что бы про-

сто тупо наезды ППС и ГАИ по-быстрому отшивать. Иногда они докапываются, правда, это тоже в основном пацаны зеленые, только форму одевшие. Или вообще курсанты. Матерые менты с нами не связываются от нечего делать. Они тому знают.

– А подставы часто случаются?

– В основном у нас постоянный костяк клиентов, но если кто новый, то... бывает... Например, молодежь не пуганная резвится. Это не большая проблема.

– Но однажды тебе попалась не молодежь?

Улыбка исчезла с лица Юли, тем не менее, немного помолчав, она ответила:

– Да. Только освободившийся зек. Охраннику нож к горлу, он не сопротивлялся даже. И мне говорит, побежишь, ему не жить. Заходи в квартиру и топай в комнату. Вот и как мне было поступать? Это из девяностых привет, похоже, этот дядя лет десять женщин только на картинках видел. На мне шмотки одним махом порвал, а как за грудь меня схватил, так от перевозбуждения и того... Меня в этом еще и обвинил, урод... Пнул пару раз... Это было только начало...

Алексей поморщился, представляя, что может сделать отморозок, особо не церемонившийся с девушкой, пусть даже и проституткой.

– Тебя вытащили?

– Да. Охранник не отзвонился и не отвечал на вызовы, его же этот дядя тоже к себе затащил и чем-то по голове

треснул. Тревогу—то подняли. Но не сразу, понятное дело, да и пока приехали... Наслаждалась я его обществом часок где—то тет—а—тет. И потом пару недель в себя приходила, товарный вид возвращала. Но в основном думала, продолжать, или завязать с этим. И лечилась. Больше водкой, помял—то он меня не сильно. Так, фингалы в основном...

Алексея аж передернуло, и он сказал:

— Ты понимаешь, что никакой охранник тебе не даст железных гарантий?

— Да.

— И тебя могут гораздо сильнее искалечить, — сказал Алексей, вспоминая сводки по городу, — или даже убить.

— Могут, да.

— Тогда почему...

— Слушай, Леша... У каждого свое «почему». У тебя свое, у меня свое. Если я расскажу свою причину, тебе от нее легче станет? Думаю, нет. Хочу ли я завязать со всем этим дерьмом? Конечно, хочу. Но пока не могу. Обстоятельства. Слушай, у тебя есть девушка?

— Да, есть.

— Вот ей точно повезло. Можешь ей сопли повытирать, а мне не надо.

— Она явно не считает сейчас, что ей повезло, — ответил Алексей, пропустив мимо ушей вторую часть фразы.

— Тогда она дура, — резко сказала Юля, закуривая сигарету. Не дав Алексею оспорить это высказывание, она продол-

жила: – Короче слушай сюда. Через пять дней я буду снова в форме. Работаем мы сутки через трое. Кто-то из девок больше пашет, но это на износ, мне такое счастье ни к чему. Реально за смену получают не полные сутки. Часов с трех дня, и до пяти утра где-то. Выходи со мной работать. Я попрошу Олега, он мне не откажет. Будешь меня защищать. С тобой хоть поговорить можно, а то некоторые наши охранники не лучше того зека, только что тебя не трогают. А сейчас давай пожрем, а?

– Слушай, я не при деньгах... – засмутился Алексей.

– А мне Олег уже выдал премию за привлечение нового сотрудника. Давай ее прогуляем!

– Даже так? Я же еще не согласился!

– Формально – конечно еще нет. А фактически все уже понятно. Не ты первый, не ты последний. У вас, ментов, циничный взгляд на мир. Вы грязной работы не боитесь, то, что другим кажется дерьмом, в которое лучше не лезть, для вас обычное дело. Где ты другую не пыльную работу найдешь? Да нигде, – сказала Юля, выпуская дым от сигареты Алексею в лицо и снова улыбаясь. – Твоя приоритетная задача теперь обзавестись машиной побыстрее.

– Да я водить-то не умею...

– Значит учишься. В жизни пригодится.

– Ладно, я подумаю, как решить этот вопрос быстрее.

– Вот и я подумаю, что мне сегодня отведать. Передай мне меню, пожалуйста.

Алексей передал девушке меню, и она принялась его изучать, перелистывая страницы взад–вперед. Да, пожалуй, она права, другую работу еще поискать надо, а тут реальное предложение. Хотя, для Маши лучше будет придумать что–то другое на всякий случай. Как уже сказала Юля, меньше знает, крепче спит. Впрочем, идея про охрану вполне сойдет, но придется умолчать о деталях. Глядишь, все и наладится потихоньку.

– Кстати, если ты захочешь с кем–то из девок сам покуркаться, – снова заговорила девушка, – без проблем. Со значительной скидкой для сотрудников.

– Спасибо, не надо! – резко отрезал Алексей.

– А чего так категорично–то? Али я не аппетитна? – спросила его Юля, лукаво улыбаясь и натянув футболку руками под столом где–то в районе своего живота, таким образом, она стала плотно облегать ее грудь, на которую Алексей тут же автоматически бросил взгляд, что не ускользнуло от внимания довольной собой девушки.

– Прекрати, пожалуйста. И ты вот так запросто ляжешь со мной в койку?

– Что такого? Секс еще не повод для знакомства! Работа есть работа, с тобой даже лучше. Точно никакого геморроя не будет. Плюс мое личное расположение к тебе, отработаю качественно. Так что, коли надумаешь...

– Нет!

Алексей все же налился краской, девушка засмеялась, но

решила прекратить и не продолжать провокации.

– Ты кушать–то будешь? По глазам вижу, что голодный. Давай сама тебе выберу, – сказала Юля, и снова углубилась в изучение меню. Не отрываясь от него, она снова заговорила: – Леха, как ты смотришь на горячий, только с углей, зарумяненный остренький шашлычок, да под ледяную водочку в запотевшей бутылочке, а?

От такого предложения у Алексея только что слюна не побежала.

Домой он вернулся поздно, со следом от помады на щеке и навеселе.

– Ни гвоздя, ни жезла тебе, Леха! – сказал Павел, поднимая пластиковый стакан с водкой.

– Спасибо, ребята! – ответил Алексей, убирая ритуально смоченную водкой карточку водительского удостоверения.

– А что, нам жезлы разве опасны?

– Разные люди попадаются...

Конец октября и промозглая погода сделали свое дело, на пятничную посиделку пришли только самые стойкие, среди них оказался и Павел Игнатов, которого Алексей позвал персонально отметить факт получения им прав. Небольшая разномастная компания человек в десять подогревала себя далеко не пивом, в полном соответствии с сезоном. Окончив

процедуру обмывания, Алексей и Павел сели на отдельную лавочку.

– Только я не на долго, дела, – сразу предупредил Алексея Павел. – А где твой товарищ?

– Иван? Он сказал, что очень рад факту получения мной прав, но не настолько отмороженный, что бы на лавочке при морозящем дожде пить водку.

– Хе–хе. Ладно, каждому свое. Почему нынче «права» кстати?

– Я в школе милиции учился вместе с гаишниками, вот через них, но только для нашего брата, со скидкой так сказать, две сотни баксов. Приходить надо один раз уже за правами. Если кому надо, могу дать контакты.

– Спасибо, лично мне не надо, – усмехнулся Павел, – имеются. Какой же прок от такого обучения?

– Никакого, это же очевидно. Я брал частные уроки по вождению до тех пор, пока мне инструктор не сказал, что он мне больше не нужен. И книжку с правилами почитал. Нормально, мне хватит.

– Да уж, Россия... Чернов, а ты чего такой кислый–то?

– Проблема есть. Похоже, из всей этой затеи нифига не выйдет. Я думал, получу права, возьму в кредит машину. А хрен там! Никто ментам кредит не дает.

– И не дадут, – раздался знакомый голос откуда–то сзади. – Милиционер – профессия рискованная, тебя могут покалечить, или вообще прибить, то есть дополнительный риск

не получить бабло с процентами назад, и пофигу всем, что ты, в основном, за компьютером время проводишь на службе. А учитывая размер вашей зарплаты и вовсе непонятно, на что вы жить будете, если еще что-то выплачивать с нее должны. Схемы и инструкции на сей счет все с запада пришли, а здесь никто не потрудился сделать поправки на нашу действительность. Это приводит к решению банков отказаться от такой сомнительной сделки, так как по мнению специальной компьютерной программы по ней вероятно больше потенциального геморроя, чем пользы для кредитора. Ах да, еще, если ты вдруг перестанешь платить, наехать коллекторам на тебя будет достаточно сложно. Ты возьмешь, позовешь Пашу, и посадишь их представителей за вымогательство. И ведь он посадит!

– Несомненно, – Павел заулыбался, описанная ситуация ему пришлась по душе.

– Привет, оборотни! – закончил свою речь Артем.

– И я тебя тоже рады видеть, – вяло сказал Алексей, пожимая руку Званцеву. – Какими судьбами? Ивана сегодня с нами нет. Твоих программистов тоже. Хотя стакан мы тебе нальем без проблем.

– Это нормально, айтишники вообще теплолюбивые люди, – ответил Артем. – Стакан... Ладно, наливай. С закуской у вас как всегда, надо полагать?

– Конечно. Держи бутылку, – Павел протянул Артему бутылку с дешевой газированной водой. – Чем богаты...

– Узнаю родные пенаты, – ответил Артем, улыбаясь, и извлек из своей кожаной папки завернутые в полиэтиленовый пакет бутерброды с колбасой. – Я знал, куда иду! Держите.

– Молоток, – ответил Павел. – Вот видишь, Леха, что с людьми частный капитал делает? Ого, сырокопченая колбаска!

Минут за двадцать три молодых человека при небольшой помощи случайных коллег добились содержимое бутылки.

– Ну что, может еще одну возьмем? – с сомнением спросил Алексей, изначально не сильно надеясь на их согласие.

– Спасибо, мне достаточно, да и побегу я уже, – ответил Павел.

– Опера ноги кормят... – задумчиво заметил Алексей. Павел кивнул.

– Спасибо, что не забываете, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Затем наскоро попрощавшись, быстрым шагом направился куда-то по своим делам.

– И ты не будешь? – спросил Алексей Артема.

– Да ну, достаточно уже, – ответил тот. – Слушай, вообще я к тебе по делу.

– Ко мне? Это ж по какому?

– Ты вроде в деньгах нуждаешься? Могу помочь. Я же в банке работаю теперь.

– Ты можешь повлиять на принятие положительного решения о кредите?

– Не совсем, – ухмыльнулся Артем. – У меня к тебе пред-

ложение другого плана.

– Излагай.

– Помоги банку с пробитием информации на клиентов, и банк поможет тебе.

Алексей скептически посмотрел на Артема, и сказал:

– Сливать информацию предлагаешь?

– Ага, – совершенно не стесняясь, ответил Артем. – Тока ты не ори.

– А то, что за это дают больше, чем вешишь, ты знаешь?

– Догадываюсь, – все так же буднично продолжил Артем. – Только банк заинтересован в тебе, и каждому встречному рассказывать про свой источник ничего не будет, так как себя же подставит таким образом. И ты помалкивай, и все будет хорошо. Да не напрягайся ты, не на ЦРУ же шпионить предлагаю!

– Чего же ты ко мне пришел, а не к Ивану? Вы же, вроде, корефаны.

– Дружим, ага. Только дружба делам иногда только мешает. Или дела дружбе... В общем, я бы не хотел его привлекать. Ты же сам прекрасно Ивана знаешь. Он нормальный парень, но что иной раз у него в голове крутиться, и чего он там решил, фиг поймешь. Хотелось бы иметь дело с человеком попроще, что ли...

Алексей скептически посмотрел на Артема, оценивая сказанное, тот же так же буднично добавил:

– Да я не в этом смысле! Впрочем, если ты откажешься, то

отсюда я поеду к Ивану, вариантов не останется. Очень надо.

– А ничего, что я как бы в курсе ваших делишек останусь в этом случае? – поинтересовался Алексей.

– И что ты сделаешь, сдашь всех нас? Сильно сомневаюсь. Так что ничего, нормально все. Только возможность заработать потеряешь.

Теперь Алексей усмехнулся, тут Званцев был прав и попал в точку. Ничего бы он никому не рассказал. Артем же продолжил:

– Сколько тебе денег надо?

– Много, – коротко отрезал Алексей.

– Много это сколько, миллион? Два? Или, может, десять? – вполне серьезно спросил Артем. Оценив его деловой тон, Алексей смягчился, и сказал:

– Да не, мне бы машину купить. Без изысков, но надежную, на ходу.

– То есть, тысяч триста хотя бы на более менее приличную, – прикинув, ответил Артем.

– Ага. Что, просто так дадите?

– Нет. Мне заложили на информационную поддержку ежемесечный бюджет в 30 штук. Но под мое слово, можно тебя субсидировать сразу на год вперед. Без процентов, заметь.

Повисла пауза. Алексей удивленно уставился на Артема, сведя дебет с кредитом и окончательно поняв всю суть ситуации. Наконец, он прервал молчание:

– Званцев, ты это серьезно, или это тебе водка в башку ударила?

– Более чем серьезно, – улыбнувшись, ответил Артем, явно что-то прокручивая у себя в голове. – Послушай, Чернов, ты электронной почтой пользоваться умеешь?

– Обижаешь! – возмутился Алексей.

– Ну-ну, не кипятись. Так что, поможешь нам?

– Один вопрос, Артем, а почему именно ты ведешь эти м-м-м... переговоры?

– Их мог вести начальник безопасности банка, это его компетенция, но учитывая твои взгляды и некоторую резкость, я не думаю, что вы бы так запросто договорились. Мы это учли. А меня ты знаешь, как и я тебя. Все честно. Расклад понятен?

– Примерно...

– Ну что, вводить тебя в курс дела?

Алексей задумался, еще раз взвешивая все «за» и «против». Наконец, собравшись с духом, выдохнул:

– Рассказывай.

Артем удовлетворенно кивнул, и, казалось, что как-то сразу расслабился. Затем потянулся за кожаной папкой для документов, начиная объяснять:

– Ничего особо сложного. Много от тебя не потребуется...

Алексей слушал. Причем вопрос, а зачем ему при такой халтуре еще и заниматься сомнительным извозом, он себе задал позже. Гораздо позже, когда отказываться было уже

поздно. А сейчас он просто засиделся на одном скучном месте, и ему очень хотелось хоть какой-то движухи. А значит, ему была нужна машина...

Все-таки, даже десятилетний немецкий автомобиль на голубу превосходит самые новые отечественные. «Пассат» был удобным, просторным, и как-то сразу понравился Алексею, посидев потом в бюджетных новых машинах, доступных ему по средствам, он все же решил приобрести себе чистокровного немецкого железного коня, пусть уже изрядно побегавшего. К тому же оборудованному таким удобным и эффективным климат-контролем, что разместившиеся в машине девушки, да и еще, в силу профессиональной специфики, одетые не тепло, а привлекательно, не жаловались на холод даже на заднем сидении, не смотря на опускающуюся временами ночью до минус двадцати с хвостиком температуру.

Во всю уже веяло Новым годом, и, не смотря на формально еще рабочие дни, население Москвы уже начинало отмечать наступающий год на разных корпоративах, или просто знакомой компанией, соответственно возрос спрос и на развлечения. В этот раз Алексей привез сразу трех девушек на один адрес, и теперь дремал в машине в ожидании окончания заказа. Клиент был постоянный, проблем не предвиделось, поэтому передача девушек прошла без проблем, с

ним сразу же расплатились, плюс даже ему перепало немного чаевых, хотя обычно это было редкостью. Такой заказ был удобен: не нужно было метаться по Москве с адреса на адрес, то забирая, то передавая девушек клиентам, а можно было просто вздремнуть. Заиграл будильник на мобильнике, значит, оплаченное время заканчивалось. Алексей посмотрел на часы что бы удостовериться – полночь, все верно, срок утех клиентов подходил к концу. Но набрав номер Юли, в ответ услышал лишь гудки. Два других номера ответили аналогично. Попытки вызвать обитателей квартиры через домофон так же не привели к успеху. Тогда Алексей решил для верности оповестить обитателей квартиры через входной звонок. Войти в подъезд было не такой уж большой проблемой, он просто набрал другую квартиру на бум. Примерно через минуту сонный женский голос ответил:

– Кого там несет?

– Откройте, пожалуйста, милиция, – ответил ей Алексей. На том конце возникла пауза, но через несколько секунд женщина снова удивленно заговорила:

– Но я не вызывала милицию.

– На вашей лестничной площадке произошла поножовщина двух бомжей, – стараясь выдерживать нейтрально–равнодушный тон, продолжил Алексей. – Но если вам так нравится их компания, то мы не настаиваем...

– Хм... А откуда я знаю, что вы из милиции?

– Вы можете спуститься, и я вам предъявлю удостове-

ние.

Еще немного посомневавшись, женщина все же открыла дверь, вероятно взвесив все «за» и «против» и решив не связываться. Как показывала практика, так открывались двери любых подъездов, ну пусть не с первой, так со второй попытки точно. Алексей вбежал в подъезд, дождался лифта, поднялся на нужный этаж, и принялся трезвонить в дверь. Из-за нее доносилась долбежка музыки, было удивительно, что в такой поздний час соседи спокойно реагируют на нее. Даже если кто и услышал внутри звонок, сей факт снова оставили без малейшего внимания. Алексей задумался, а что, собственно, теперь делать дальше. Из размышлений его вывел вибровывоз телефона, который он автоматически протянул к уху.

– Леха, чего не отзваниваешься?

– Олег, похоже, у нас проблемы.

– Какого плана?

– Нам не хотят отдавать девчонок.

– Странно... – протянул Олег. – Вроде проверенный клиент. А ты что трубку не берешь? Я тебе уже два раза набирал.

– Извини. Я не слышал. Телефон в кармане, я к квартире прорывался.

– Да? Вот скажи, а нахрена? Что ты там сделаешь?

– То есть как это? – опешил Алексей.

– Если им там бошки поотрезали, то твоя помощь уже запоздала. Два часа на это было, этого вполне достаточно, не

находишь? – совершенно буднично ответил ему Олег. – То есть ты рискуешь собой совершенно бесполезно, а нарваться можешь запросто.

Думать о том, что с девчонками что-то случилось плохое, Алексею свершено не хотелось, а даже если и случилось... Потому он резко возразил:

– Не бросать же их! – сказал он с вызовом. – Зачем тогда я нужен?

– Спокойно, Алексей, это их выбор, они прекрасно знают, на что идут. Сейчас с «крышей» свяжемся. Посиди там где-нибудь, только без самодеятельности.

Олег сбросил соединение, Алексею ничего не оставалось, как ждать. Он разместился на лестничной клетке. Минут через двадцать снова позвонил Олег:

– Плохо дело, наша «крыша» отказывается ехать на этот адрес...

– Почему?! Кто там, бандиты?

– К бандитам бы поехали без проблем, но их и нет уже толком. Скорее какие-нибудь высокие чиновники, или менты. Может ФСБшники отдыхают. В таком раскладе с девками все должно быть в порядке.

– А если нет? Что с этим делать?

– Уходи оттуда. Ты ничем им не поможешь. Жди в машине.

– Бросить их? – удивился Алексей. – А если там их прямо вот сейчас на части режут?

– Да хоть по пакетам эти части расфасовывают, дальше—то что? – сказал Олег, повысив голос, продолжив речь акцентировав каждое слово: – Что ты можешь сейчас сделать? Штурмом «хату» возьмешь?

– Я не бросаю своих. Извини, по—другому не могу.

– Да какие они свои! Чернов, твою мать, ты...

Впрочем, дослушивать его Алексей не стал, сбросив вызов. Мнение Олега было понятно, но его позиция по этому вопросу сильно отличалась. Он вернулся к двери в квартиру и осмотрел ее. Обычная металлическая дверь, более—менее серьезный сейфовый и стандартный хлипкий дверной замок, круглый кнопочный, который закрывается снаружи простым нажатием. Особых для злоумышленников проблем он не представлял, если знать его устройство. У него в двери стоял точно такой же. Разумеется, отмычками Алексей пользоваться не умел, но вот если высверлить два болта, которые крепят круглую кнопку с прорезью под ключ, то она просто вылетит, и дверь без проблем можно будет открыть хотя бы отверткой. Разумеется, если дверь не закрыта на сейфовый замок, или щеколду. Однако тут Алексей рассудил, что сам на два запора закрывает только при длительном отсутствии в квартире кого—либо, или на ночь, и то не всегда. Когда же он покидал квартиру, гораздо проще было нажать на кнопку, не тратя дополнительного времени на возню с ключами, особенно если отлучаешься ненадолго. Но судя по переданным трем девушкам, в квартире находились не только постоян-

ные ее обитатели; помимо хозяина, скорее всего, в ней были его гости, которые ко сну отходить под музыкальную долбежку явно не собирались. Банка из-под кофе с бычками, стоящая рядом, говорит о том, что в квартире, скорее всего, не курят, используют лестничную площадку для этих целей. Следовательно, периодически выходят. А значит, баррикадироваться в ней на сейфовый замок в ней вряд ли бы кто стал. Щеколду тоже могут не захлопнуть, особенно если курить последним выходили не хозяева.

И он принял решение и направился к машине. Но не ждать неизвестно чего. Выходя из подъезда Алексей сунул под дверь стопку бесплатных газет и рекламных буклетов, щедро разбросанных в зоне почтовых ящиков, тем самым лишив себя перспективы снова добиваться от жильцов дома великодушного открытия двери. Затем полез в багажник своего авто. Все же его автомобиль был уже в возрасте, поэтому, хотя и не сильно разбирался в его устройстве, некоторый набор инструментов и книжку по ремонту автомобиля он с собой возил всегда, просто что бы быть подготовленным к потенциальным проблемам, решать которые предполагал по мере возникновения. Взгляд тут же лег на ручную советскую дрель, которая при всей своей архаичной конструкции имела целых два достоинства: она была совершенно энерго-независимой и относительно тихой. В багажнике она оказалась достаточно давно, ее Алексей брал с собой на кладбище, поправить ограду на могиле матери, еще перед морозами, да

так и не выложил. Сейчас это было то, что нужно. Дежурная отвертка тоже была на месте.

Вернувшись к квартире, он принялся за вскрытие замка, не обращая никакого внимания на вибровывозы телефона, переведенного в беззвучный режим работы, Олег ему уже все сказал, их мнения не совпали. Ручная дрель не издавала завывающих звуков, как ее более современные электрические собратья, однако все же на практике скрежет откровенно затупившегося сверла о металл, пусть и достаточно мягкий, ощущался отчетливо, оставалось лишь надеяться, что этот звук скроет музыка. Минут за десять Алексей справился с одним болтом, примерно столько же сопротивлялся и второй, кнопка замка выпала, открывая доступ к механизму вращения язычка. Его он без труда провернул отверткой, затем, не вставая, все так же уперевшись на одно колено, осторожно опустил ручку двери вниз и потянул на себя. Ему повезло, на сейфовый замок дверь действительно была не заперта. Но так же и не повезло. Едва он потихоньку открыл дверь, собираясь при необходимости использовать инструмент в качестве оружия, как стоящий за дверью человек, явно ожидавший дальнейших его действий, опустил руку сверху вниз и направил ему в лоб ствол пистолета Макарова.

Опешив, замерев в своей позе, Алексей бегло осмотрел пистолет. Уж что-что, а обращаться с этим оружием его научили в школе милиции, и впоследствии на службе он не брезговал поучаствовать в стрельбах и турнирах милиции

по выявлению лучшего стрелка. До лучших результатов ему было далеко, но и просто номер он не отбивал, а уж в информационном центре и вовсе числился в лучших стрелках. Потому опознал боевую модификацию без труда. Да, диаметр ствола не оставлял никаких надежд на счет пневматической или травматической версии этого популярного оружия. Предохранитель был опущен, значит, владельцу оружия просто оставалось нажать на спусковой крючок. Подняв взгляд выше на владельца, Алексей попытался рассмотреть его, но тот прятал лицо в тени приоткрытой двери, скрываясь в ней от освещения на лестничной площадке, в самой же квартире царил полумрак. Заподозрив неладное, не дождавшись испуга от ночного визитера, он уткнул пистолет в лоб Алексею, резко предупредив:

– Не дергайся. Без резких движений.

Поняв всю безвыходность своего положения, а так же правоту Олега, скорее больше от досады, Алексей выпалил в ответ:

– Да пошел ты...

– Чернов?! – удивленно воскликнул человек с пистолетом, опуская оружие и выходя на свет. – Ты зачем вредительством занимаешься?

– Петя?! Ты что охренел, так же пристрелить можно! – ответил ему Алексей, вставая на ноги.

– И пристрелил бы! А что мне прикажете думать? Какой-то здоровый хрен в наглуую лезет в квартиру, ломает за-

мок. Причем, по всем прикидкам совсем отмороженный, раз не догадался вверх посмотреть в камеру и привет маме передать. Впрочем, подчерк твой меня ни сколько не удивляет.

– Действительно, камера, – равнодушно сказал Алексей, подняв голову и рассматривая ее объектив. – Чего сразу не признал–то?

– Она сверху вниз смотрит, твоего лица не видно было, ты же замок усердно ковырял, медвежатник хренов. Я вижу в монитор, что–то большое лезет, решил ствол взять на всякий пожарный.

– Откуда ствол–то?

– Ствол хозяина, товарищ мой. А ты чего хотел–то тут? – снова напрягся Блинов, уставившись на Алексея.

– Девок забрать, – ответил Алексей, решив ответить как есть, слегка потупив взгляд. – Вы просрочили время.

– Каких, нахрен, де... Погоди, ты чего, в сутенеры что ли подался? – спросил Блинов, теперь уже улыбаясь. – Вот ты реально идиот. Ладно, заходи на кухню, герой.

На кухне выдвинутый на середину стол с расставленными разнообразными яствами и различными бутылками явно указывал на следы застолья и веселья. Дополняла эту картину Юля, дремавшая на кушетке и укрытая пледом, на которую Алексей бросил злобный взгляд. Вошедший следом Петр прикрыл дверь, что бы немного погасить музыкальную долбежку.

– Жрать хочешь? – поинтересовался он у Алексея.

– Спасибо, весь аппетит ты мне перебил.

– Накапать антидепрессанта? – снова спросил он, указывая на бутылку коньяка с большим количеством звезд. Алексей сглотнул слюну, но вынужден был отказаться:

– Спасибо, но я за рулем.

– Как хочешь. Ладно, вернемся к нашим баранам. Зачем дверь сломал?

– Не дверь, а замок. Поставить новый такой же – пять минут делов. Врывался я, что бы им помочь, – Алексей указал пальцем на Юлю. Петр некоторое время смотрел на Алексея, не моргая, затем, придя к каким-то своим выводам, скептически показательно сплюнул в сторону, и сказал:

– Мда... Ты бы голову включал хоть иногда! То, что ты сделал – это незаконное проникновение в жилище. Это как минимум. Тебе бы еще впаяли превышение служебных полномочий. Ты их особо не превышал, и вообще сейчас не при исполнении, но это просто, чтобы было до кучи, чего зря мента судить, надо из него оборотня сделать, и журналистам показать. И поехал бы ты в «красную» зону кедры валить. Оно тебе надо? – буднично спросил Блинов, наливая себе следующую стопку и тут же осушая ее залпом. – Ты думаешь, они в суд пойдут за тебя вступаться? – снова спросил он, указывая рукой на девушку. – Типа «мы шлюхи, а он пришел за нами, нас обижали». Ага, счас. Кстати, при других обстоятельствах другие люди тебя бы здесь просто тупо грохнули. И были бы правы.

Алексей молчал, переваривая сказанное. Да, его сослуживец был прав, картина вырисовывалась не хорошая. Олег выходило, тоже был абсолютно прав, не стоило ему вообще лезть, если уж девки вляпались, то пусть сами выкручиваются, как бы не цинично это не звучало. Но это было как-то не по совести...

– Вы почему трубки не брали-то? Дверь не открывали? – спросил он Петра, который наливал себе очередную рюмку. Все же не просто так и для него прошло неожиданное появления Алексея.

– Лично я ничего не слышал. А мои товарищи, небось, пережрали и отрубались уже. Судя по количеству выпитого, – он указал на валяющиеся на полу бутылки, – им даже тяжелый рок сгодится за колыбельную. Ты вот наверняка под него спокойно засыпаешь и без бухла. И не переживай, никто тут твоих девок не обижал.

– Это не мои девки.

– А чего тогда впрягся-то? Да мне, если честно, пофигу, чьи это девки.

– Слушай, Петя, ты же вроде женат?

– Да, и что? – равнодушно ответил Блинов.

– Ничего...

Тогда Блинов снова бросил сверлящий взгляд на Алексея, и спросил:

– А твоя дама сердца знает, чем ты на жизнь зарабатываешь?

– Нет, конечно!

– Вот и моей незачем знать о моих делах. Впрочем, она знает, да не суть. Ладно, пойду твою команду соберу.

Минут через десять Петр вернулся в сопровождении двух девушек. Подошел к Юле, похлопал ее по заднице:

– Вставай, красавица, время отваливать.

Юля пошевелилась, потянулась, затем зевнула, и только после этого села. Увидев Алексея, она удивленно спросила:

– А ты чего здесь делаешь?

– А ты чего трубки не берешь? – встретил вопрос вопросом Алексей.

– Вы чьи будете, барышни? – спросил ее Блинов.

– Олега, – улыбнулась ему Юля. – Вот вам наша визитка.

– Буду знать теперь, где девок не заказывать больше никогда.

– Что, не понравились? – пробубнил Алексей.

– Не в этом дело, – ответил ему Петр. – Зачем мне нужны приключения на свой зад? Что бы еще ты знал о моих делах и делах моих друзей? Тебе оно не к чему. К тому же, я предпочитаю пользоваться услугами более профессиональных, проверенных людей.

– В смысле? – не понял Алексей.

– Тебе Олеся все объяснит, непонятливый ты мой. В общем, вы тут проторчали где-то на час больше. По тысяче на нос, – сказал Петр, доставая купюры. – А тебе, Чернов, я дарю стоимость замка. Все, господа и дамы, не задерживаю.

Девушки засуетились и направились к двери. Перед тем как покинуть квартиру, Петр остановил Алексея, взяв его за руку:

– Леша, завязывал бы ты с этой работой.

– Можешь предложить мне другую? – огрызнулся Алексей, вырывая руку. – Нет? Так и я не буду советовать, с чем тебе завязывать. И куда пойти.

Петр Блинов скептически усмехнулся, провожая взглядом Алексея и его спутниц. Затем посмотрел на дверь, и лишь покачал головой...

До машины они дошли в полной тишине. Заняв свои места, заговорила Юля:

– Леха, ты зачем вмешался? Что тебе Олег сказал?

– Олег сказал не лезть.

– А ты что сделал?

– Я думал, вам нужна помощь.

Юля глубоко вздохнула, затем с нотками сожаления сказала:

– Они там все пережрали, и не способны были ни на что. Вообще. Твой знакомый приехал позже, он свежее, но я довольно успешно изображала спящую. Он вроде не возражал, даже пледом укрыв.

– И что дальше? – пробурчал Алексей.

– А то, что утром они бы проснулись с нами в обнимку, и оплатили бы нам каждой ночь, а не три часа, как вышло. И походу этих клиентов мы потеряли навсегда. Тебе же было

просто достаточно выполнить указания Олега. А теперь...
Что ж, звони ему. Работаем дальше, девушки.

С заднего сиденья раздались разочарованные вздохи, Алексей, обдумав ситуацию, сказал:

– Да, мой косяк. Коли так, я вам компенсую. И с работой на сегодня завязываем.

– Богатый что ли самый? – подняв одну бровь, спросила Юля.

– Не издевайся. Просто после всего этого мне теперь тупо хочется нажраться.

– Отличная идея, правда, девчонки? Коли так, то позволь составить тебе компанию, – ответила Юля. – Спасибо, что за нами полез.

Алексей скривил улыбку, тогда Юля продолжила:

– Нет, серьезно. Если бы нас там резали на части, тебя бы порезали на куски вместе с нами. На такое мало кто пошел бы за компанию! – И вся машина залилась женским смехом, от которого у Алексея мурашки по спине побежали.

– Мы с вами, – подали голос девушки с заднего сиденья, отсмеявшись. – Отдохнуть охота.

– Давай телефон, Олега я на себя возьму, – сказала Юля.

Алексей не возражал и передал трубку Юле. И прекрасно их понимал. Да, они могли пригубить за тем столом, за которым Петр Блинов предлагал ему стопку, но было это в напряжении, с осторожностью. Это была работа. А отдыхать всем иногда хочется. Оставалось только решить, куда бро-

свить машину, и где им остановиться. Но эта была не самая сложная проблема.

Заведя машину, Алексей неторопливо поехал по дворам в сторону ближайшей улицы в еще неизвестный пункт назначения, о котором теперь оживленно спорили его девчонки, стараясь аккуратно объезжать припозднившиеся компании подвыпивших граждан, по-животному реагировавших на трех симпатичных девушек в салоне.

Страна готовилась на две недели погрузиться в хмельной дурман, а значит им светило много заказов, можно было подзаработать. Потом его ждала сессия в институте, которая, впрочем, на вечерне-заочном отделении выглядела скорее формальностью. Но денежные траты все же сулила.

Предновогодняя, слегка украшенная елками, флагами и гирляндами Москва должна была настраивать на позитивный лад, однако, праздничной атмосферы совсем не ощущалось. Люди пили скорее просто по поводу, по привычке. И его симпатичная компания, увы, была не исключением. Алексей лишь вздохнул. Последний раз он радовался этому празднику в тринадцать лет. В четырнадцать дед Мороз уже не выполнил его желания.

А еще почему-то совсем не хотелось домой, к Маше. Она ему точно ничего хорошего не скажет на предложение выпить в час ночи. Почему-то эти три девушки гораздо лучше его понимают, и больше соответствуют его взглядам и образу жизни, которые служба в милиции изменить не в состоя-

нии. И зачем только его тетка приткнула сюда? Что бы исправиться? Но как?

Ведь милиция сама живет по знакомым ему с детства правилам. Чем она отличается от его дворовой компании? Строгая униформа, более жесткая организация, иерархия и более узкие специализации отдельных структур, пожалуй, и все. Да, немного другие ставки, масштаб, но по сути—то... Такой подход сделал структуру сильнейшей сначала на улице, убрав с нее конкуренцию в лице бандитов и рэкетиров. Потом в кабинетах различных учреждений. Теперь в высшей власти крутились генералы—руководители, получая от высокопоставленных чиновников указания, как именно им следует бороться с преступностью и какой контроль осуществлять. Появилась фактическая глобальная силовая монополия. Потому сейчас многие стараются пролезть в ее ряды, что бы дорваться до кнута, а там, глядишь, пряники понесут уже тебе. До сих пор законы являются лишь поводом, удобным средством воздействия, применяемом очень избирательно. И люди просто приняли власть сильнейшего, назвавшего это стабильностью, боясь перечить. А значит, всех все устраивает.

Одна сплошная зона, поделенная на районы и сферы влияния...

Год 2009.

Отметить факт окончания учебы Алексей решил на природе в парке, солнечный июльский денек этому благоволил. Они с Иваном сидели на бревне у мангала, уже пышущего жаром, напротив них Старков крутил мясо на шампурах, на правах старшего отстранив всех от этого занятия, но, тем не менее, не без удовольствия комментируя особенности этого процесса мужу Людмилы Владимировны, который то ли делал вид, то ли действительно с интересом слушал, иногда задавая вопросы кулинарного характера. Хотя поначалу в поведении Старкова была видна некоторая неловкость, все же раньше был начальником, а теперь, когда ему указали на дверь, он стал никем. То есть, он стал пенсионером МВД, но было заметно, что такой статус его не сильно радует. Тем не менее, его авторитет оставался неоспорим, что ему льстило, и он быстро вошел в свою привычную роль. А вот Людмилу Владимировну факт выхода на пенсию, похоже, не сильно волновал. Она шутила, улыбалась, помогая Маше чуть в стороне с холодными блюдами, о чем-то с ней периодически негромко переговариваясь, со стороны же казалось, процесс сервировки импровизированного стола не будет иметь конца. Однако Алексея не покидало ощущение какой-то искусственности повода для происходящего.

– Странно как-то. Вроде шел к цели, зная, что так надо.

Сейчас смотрю на диплом, и думаю, а зачем он мне?— размышлял вслух Алексей. Его институтская эпопея закончилась, теперь у него было высшее образование. — И ты знаешь, Вань, то, что ты мне рассказывал про защиту, совсем не так.

— Может быть, это потому что на вечерне—заочном требования пониже? — выдвинул версию Иван.

— То есть ты считаешь, что тот факт, что вся группа отстегнула слегка профессуре перед защитой, никак не сказался? — с ухмылкой отозвался Алексей.

— А, вон оно как. Ну да, вы же все работаете где—то, значит, доход имеете. И все правильно, в их понимании, сделали. Так чего ты тогда удивляешься и глупости спрашиваешь?

— Понимаешь... Как инженер, я теперь могу дома строить. Проектировать, рассчитывать и строить. Вот ты, Вань, согласился бы жить в таком доме?

— А ты, Леш, согласился бы ездить на разработанной мной машине?

Два товарища переглянулись, затем дружно заржали, чем привлекли внимание остальных.

— Диплом открывает тебе путь к майорским звездам, это главное, — сказал Старков, — не отвлекаясь от шампуров, но достаточно громко, что бы его услышали.

— Только путь этот с новыми начальниками нашего отдела и отдела кадров ох как тернист, — подал голос Иван.

— Люся, надо было напоследок их обоих капитанами сделать, нам—то терять особо нечего было.

– Думаешь, я не думала на сей счет? – точно в таком же стиле, не отрываясь от нарезки помидоров, но достаточно громко, ответила она. – Только у одного старлеем уж совсем стаж не большой, а второй с какого–то хрена институт МВД бросил, в который так поступить стремился, исходя из твоих же рапортов, если ты подзабыл. Так что как–то поощрять не к месту. Не Старков, точно, не срослось бы. Еле–еле Блинову майорскую звезду прикрутили, и ладно. Кстати, где он, как у него дела?

– На смене, – ответил Иван, слушавший вполуха, но выхватывавший из разговора самое важное.

– Дима тоже в своем репертуаре, жена делами завалила, – сказал Алексей. – Пашка из МУРа занят, Сысоева я бы тут в лесочке и закопал, начальник тоже мне, – закончил он фразу с презрением в голосе, но на это как–то никто не обратил особого внимания.

– Варшавский в Нью–Йорке, – добавил Старков.

– Ребят! – воскликнул Иван, – да не в звездах счастье!

– Тебе может они и не к чему, – парировал Старков совершенно спокойным тоном, – а вот Чернову сгодились бы. Он же карьеру в милиции делать будет.

– С чего вы взяли? – удивилась Маша, слушавшая этот разговор молча, но внимательно. Алексей тоже выглядел удивленным.

– А куда ты денешься с подводной лодки, – пробубнил себе под нос Иван, впрочем, услышали его все. Тетка, нахму-

рившись, бросила беглый взгляд на Ивана, но снова углубилась в нарезку помидоров, Старков состроил кривую ухмылку, и сказал:

– Алексей, а куда, действительно? Дома строить? Так вы, два инженера, ржете как кони от такой перспективы. Куда–то еще? Так куда именно? С Иваном–то все понятно, а вот с тобой? Так что, Леша, семь раз отмерь, один отрежь.

Повисла тишина, Старков осторожно, достаточно деликатно озвучил то, что у многих вертелось в голове, но только не у Алексея, который просто плыл по течению, не задумываясь на этот счет никогда. В знак подтверждения слов бывшего начальника, Иван тяжело вздохнул и закивал. Тогда Алексей решил разрядить атмосферу:

– Я считаю, что сегодня у меня есть как минимум отличный повод встретиться со всеми вами и выпить по рюмке–другой в хорошей компании! Хватит грустить!

– И как раз шашлык подошел! – порадовал всех Старков, отчего собравшиеся пришли в оживление и дружно загалдели.

– Не разгоняйся особо, – прошептала подошедшая Маша прямо в ухо Алексею, – именно по рюмке–другой. Не по бутылке.

То ли из–за контроля со стороны Маши, то ли по другой причине, но водка распивалась медленно, и каждая порция из пластикового стакана под пристальным взглядом Маши давалась Алексею через силу. Его поведение не осталось не

замеченным для остальных присутствующих мужчин, привыкших к несколько другому темпу поглощения спиртного, но вынужденно подстраивавшиеся под предложенный ритм. Таким образом, обычно активное застолье, с шутками и прибаутками и бурным обсуждением различных вопросов, не получилось, зато женщины выглядели довольными. Часа через два Иван, которого это мероприятие начинало откровенно тяготить, сославшись на занятость, распрощался со всеми и ушел из парка в сторону ближайшей дороги. Старков остался только потому, что обещал пожарить весь шашлык, и расправлялся с последней порцией, впрочем, уже без особого энтузиазма.

Алексей откровенно злился, считая виновной Машу в том, что выход на природу вышел вялым, но ей ничего не выговаривал. Тем более что вопросов «по хозяйству» к ней не было никаких, она явно старалась, внимательно следя за происходящим, удалялась в сторону лишь несколько раз для разговоров по телефону. Старков Алексея успокаивал, развлекая различными историями из своего милицейского опыта, пока их совершенно неожиданно не перебила Маша:

– Ребят, – дрожащим голосом заговорила она, – мне позвонил кто–то, сказали, что из милиции. У меня дома что–то случилось, меня просили подойти.

– У тебя дома? – не понял Алексей.

– По месту прописки, – уточнила она.

– Погоди, звонивший представился? – вмешался по–дело-

вому Старков.

– Да, но я не запомнила.

– Ладно, сейчас выясним ситуацию, – Старков достал мобильный телефон, нашел номер, набрал. – Петя, здорова, рад слышать. Давай потом любезности, дело есть. Что по сегодняшней сводке есть на адрес... ребят, какой адрес? Диктуй, – сказал он поднеся телефон к Алексею, но не выпуская его из своей руки.

Алексей продиктовал адрес, Старков снова прислонил плечом динамик к уху и замер в ожидании. Через несколько минут он ответил в трубку:

– Ага, говори, – и стал слушать Блинова, становясь серьезнее на глазах, что было заметно всем. – Спасибо Петя, детали потом, – он нажал отбой вызова, обдумывая информацию.

– Кхм, – кашлянул Алексей, выводя бывшего начальника из задумчивого состояния. – Что там?

– Чернов, собирайся, пойдешь со мной. Люся, Женя – обратился он к тетке Алексея и ее мужу, указывая рукой на Машу – девушке помогите с вещами, пожалуйста. И составьте ей компанию у него дома, – он ткнул пальцем в Алексея, – до нашего возвращения, если вас не затруднит.

– Все серьезно? – спросила Людмила Владимировна, молчавшая до сих пор, но внимательно слушавшая.

– Более чем, – угрюмо ответил ей Старков. – Собрался, Леша? Пошли.

Они вдвоем направились по тропинке, по которой не так

давно ушел Иван в сторону ближайшей улицы. На ходу Старков стал задавать вопросы Алексею:

– Там на адресе кто живет? Ее родители?

– Да, но не только, у них м–м–м... часто гости.

– В смысле?

– Они спились давным–давно, притон там, – чуть смущаясь, ответил Алексей.

– А–а–а... – протянул Старков. – Ну коли так, так может оно и к лучшему...

– Так что случилось–то?

– Обнаружены с множественными ножевыми два трупа – мужчины и женщины, опознаны вроде соседями как хозяйка. В общем, Машу звали, так как связи отработывали, и мотив у нее по жилплощади на лицо... В сводке больше ничего интересного на адрес, проходная бытовуха... – выдал Старков чисто автоматически, затем попытался поправиться: – Леша, ты не подумай что мне совершенно все равно...

– Да все нормально, Петрович, – ответил Алексей. – Вернее, нифига не нормально, но это давно уже нормально. Привык. Машу туда обязательно тащить?

– Попробуем без нее. Ты за нее распишешься. Что бы ее не мучили.

– А так можно?

– Нет. Но ты распишешься. Моя земля, наверняка кого знакомого встречу, я раньше здесь работал. Да даже если и не встречу, этот вопрос решим. Ловим машину, так быстрее

до адреса доберемся.

Алексей кивнул. На старых «Жигулях» с водителем далеко не славянской наружности, за пятьсот рублей они проделали десятиминутный путь, указывая водителю дорогу.

Перед подъездом стояла пассажирская милицейская «Газель», похоже на месте уже всюю трудилась следственно-оперативная группа. Поднявшись на этаж, перед квартирой их остановил постовой с Калашниковым наперевес, но Алексей предъявил ему удостоверение, сказав лишь «мы с Петровки», что полностью удовлетворило сержанта, не ставшему вдаваться в подробности, какое именно подразделение заинтересовало это преступление.

Войдя в квартиру, они остановились в прихожей, осматриваясь по сторонам. Спертый воздух, с примесью какой-то химии. Облезшие обои с налетом то ли пыли, то ли грязи, потолок какого-то однородного серого цвета, истертый, весь в трещинах, старый линолеум на полу, на котором отчетливо прослеживались капли запекшейся крови, местами образовавшие небольшие лужицы, таким образом выдававшие путь в сторону кухни, или наоборот, из кухни в комнату, кого-то раненого. Из комнаты доносился мужской разговор, впрочем, случайно выглянувший мужчина тут же их окликнул:

– Эй, вы! Вы кто такие?

– Ты что, Мишка, своих не узнаешь? – отозвался Старков.

– Петрович? – с удивлением и некотором сомнении в голосе отреагировал спрашивающий. Но узнал Старкова, тут

же расплылся в улыбке и пошел на встречу, аккуратно обходя пятна крови: – Думал, прокурорские нагрянули. Какими судьбами в родных пенатах?

– Вышел на пенсию, заняться нечем. А хочется. Миша, что здесь произошло?

– А хрен его знает! Эксперты роют, сча прокурорские спишут на тяжкие телесные, повлекшие смерть, и на нас повесят, типа ройте сами, – так же весело ответил он, заметив Алексея, протянул ему руку: – Михаил.

– Алексей.

– Миша, – в свою очередь пожав протянутую руку, продолжал Старков. – Этот молодой человек мой сотрудник. А так же, сожитель некой Марии, вызваниваемой кем-то из ваших, прописанной по этому адресу.

– А, вон оно как... – отозвался уже серьезнее Михаил. – Где сама молодая хозяйка?

– У меня дома, – ответил Алексей. – Живет последние восемь лет.

– Незачем девочке это все видеть, она все равно не при делах, с нами весь день тусовалась, и она не не из этих, – добавил Старков, кивая в сторону комнаты. Михаил покосился на Старкова, но спорить не стал, сказав равнодушным тоном:

– Ладно, оставим девочку в покое и без вопросов.

– Так что тут случилось? – спросил Алексей.

– У твоего сотрудника нервы крепкие? – обратился к Старкову Михаил, помятуя о месте службе того.

– У этого – более чем, – отозвался Старков.

– Тогда пошли.

Втроем они дошли до комнаты. Посреди нее, в окровавленной одежде, на полу в луже запекшейся крови, лежал труп пожилого мужчины. То, что это был именно труп, не вызывало никакого сомнения, такая кровопотеря не может оставить шансов выжить. Рядом, на старой софе, лежала пожилая женщина, тоже уже давно мертвая, с огромной резанной раной на горле, из перерезанной артерии видимо сильно хлестала кровь, следы которой теперь можно было наблюдать даже на обоях. За старым письменным столом в углу комнаты, как ни в чем не бывало, сидел мужчина и что-то писал. Вокруг тел ходил еще один с фотоаппаратом, пытаюсь что-то высмотреть, что ему, вероятно, периодически удавалось, так как вспышки фотоаппарата озаряли комнату. Третий просто стоял в стороне с задумчивым выражением лица и курил, стряхивая пепел сигареты прямо на пол. На вошедших никто не обратил никакого внимания.

Алексей от вида этой картины все же испытал рвотный позыв, потому прислонил кулак ко рту, но заметив вопросительные взгляды, тут же сказал:

– Ничего, я нормально...

Старков кивнул, и обратился к Михаилу:

– Так что же, все-таки, тут случилось? Кто эти убиенные?

– На сколько я понимаю, эти убиенные – родители вашей Марии, – сказал Михаил.

– Такие старые? – удивился Алексей. Он здесь был давно, когда пришел забирать вещи Маши к себе, и кто именно из кучи опустившихся алкашей являлся ее родителями, его вообще не интересовало. Они с ребятами просто подвинули их в сторону, Маша собрала свои немногие вещи, после чего они тогда ушли.

– Так что вы хотите, алкоголь, особенно низкокачественный, молодости и свежести не добавляет, – ответил Михаил, затем продолжил: – В общем, вам официальную версию изложить, или как оно было на самом деле?

– Давай как на самом деле, – сказал Старков.

– На кухне есть следы распития, и следы борьбы, там табуретка разбита вдребезги, нож там же со следами крови. Соседи слышали шум, предположительно потасовки, вроде бы даже видели в глазок дверной мужика, уматывающего из квартиры. Вероятнее всего, они с кем-то распивали на кухне. Потом хозяин не поделил что-то с гостем, и гость его в процессе драки пырнул ножом в грудь, причем несколько раз. Хозяйка, не долго думая, долбанула его со спины табуреткой, но что-то не рассчитала, так как гость махнул наотмашь тем же ножом ей по шее. Задел артерию, там след на стене. После чего посмотрел на то, что натворил, и решил удалиться.

– А как они в комнате оказались? – решил уточнить Старков.

– Хозяин, видимо находясь в шоке, перенес ее на софу,

но уже или мертвую, или в агонии, кто это теперь узнает. Он зажимал ей рану рукой, вся ладонь вон в крови, а значительных повреждений на руках нет. Но... От таких ран точно не выживают. Около софы силы оставили его, он упал, и все, кирдык от потери крови. Может, какие органы задеты ножом, это уже потом будет заключение. По крайней мере, судя по следам, все было так, или близко к тому. Точнее без третьего участника картину не восстановить.

– А официальная версия какая? – спросил Алексей.

– Видите ли, молодой человек. Взять этого неизвестного по горячим следам не удалось. Все алкаши и бомжи для населения на одно лицо, никто их не рассматривает, люди от них морды воротят. Значит, если он не засветится где-нибудь сам, или сам же не покается, хрен мы его найдем.

– Почему? Пальцы же наверняка есть, – удивился Алексей. – Описание его есть. Можно поискать ведь, да, Александр Петрович?

Но Старков нахмурился, ничего не ответив на этот вопрос. Михаил же молчать не стал:

– Я вам больше скажу, даже кровь его, вероятно, на остатках табуретки есть. Только...

– Что только?

– Петрович, ты своему человеку сам все объясни, лады? Мы ж еще на встречу идем вам, ты же понимаешь.

– Распишитесь сами за показания Марии, – ответил Старков, кивая, – а мы пошли. Ты, Миш, звони коли чего.

– Обязательно, – отозвался Михаил. – Хорошо, мы вас не задерживаем. Но и вы нас не подставляйте. И да, телефон Алексея контактный оставьте. На всякий пожарный.

Окончив с формальностями, они покинули квартиру. Уже внизу, на улице у подъезда, видимо от свежего воздуха у Алексея закружилась голова, он побледнел, Старков под руку отвел его к ближайшей лавочке.

– Ну ты как? – спросил он у Алексея.

– Ничего, нормально. Сейчас немного отдышусь... Между тем, у соседнего подъезда местные бабушки уже бойко обсуждали:

– Слышали, целую квартиру поубивали?

– Да так им и надо, алкашам проклятым, жизни спокойной не давали. Теперь потише, да поспокойней будет.

– Я ведь жаловалась участковому!..

Доносились и другие подобные комментарии. Алексей посмотрел на Старкова. Тот молчал. Тогда он заговорил первым:

– Что вы мне объяснить должны?

– А что тут объяснять, Алеша, – тихо ответил Старков. – Официальная версия будет примерно такой: они вдвоем бухали, повздорили, и она нанесла своему супругу ...цать ножевых ранений. Это сколько эксперты потом насчитают. Затем, осознав, что натворила, покончила с собой, перерезав себе горло. Сама. Все. Точка.

– То есть как это? Есть же приметы подозреваемого?

– Ага, есть. Смутные очертания от соседки, смазанные оптикой дверного глазка. Не прокатит.

– Отпечатки на ноже?

– Только если уже есть в базе. Тогда не вопрос. Но никто бомжей и алкашню специально поголовно откатывать не станет. Есть, конечно, вероятность небольшая, что по какому-нибудь более раннему делу засветятся эти пальчики...

– А его кровь?

– И что прикажете с ней делать? Совпадение по группе, так этого мало. ДНК анализ? Ты знаешь, сколько такая экспертиза вообще стоит? Чернов, ты голливудских фильмов насмотрелся? Или наших поповых детективов? Вот так запросто наша милиция делает анализ ДНК у каждого первого подозреваемого. Особенно алкаша или бомжа. Ага, счас, разбежался! Это если подозреваемый сам заплатит, что бы от срока отмазаться, тогда да, появляются в суде заключения такого плана.

– Это значит отпустить убийцу на все четыре стороны! – резко сказал Алексей.

– Тебе так важна их смерть? Леша, признайся сам себе, что тебе их ни капли не жаль. А еще это значит, что, как вариант, через месяц–другой, когда это дело закроют, ты сможешь пригласить бригаду молдаван, что бы они тут ремонт сделали, и еще через пару месяцев сдашь эту квартиру. И получать какие–то деньги за это. Это, повторяю, как вариант. Или можешь смотреть на опечатанную дверь, пока это

дело перекладывают с одной полки на другую, пока ты правду ищешь. Пока оно до архива нераскрытых преступлений дозреет. Лет за пять. Оно тебе надо?

Алексей молчал. Да, Старков расписал всех устраивающий вариант. Но на всякий случай, все же задал вопрос:

– И все, дело закрыто?

– И все. А ты что хотел?

– Что, начальник, вот так запросто можно убить человека, и тебе ничего не будет?

– Ну как это, ничего не будет... – смутился Старков, затем резко добавил: – Ты учти, твои пальцы есть в базе. И мои. Всех милиционеров откатывают. Это я тебе так, на всякий случай напоминаю.

– Ага, мы группа потенциального риска, я понял. Я уже чуть не убил однажды одного кавказца...

Старков поморщился и сказал:

– Алексей, ты не прав. Да, этими алкашами никто особо заниматься не будет. Это просто такой социальный слой...

– ...на который всем плевать, и друг друга они могут резать сколько угодно, – закончил Алексей фразу Старкова. – Я понял. Если нечего с тебя взять, ты никому не интересен.

– Зря ты так. Можно подумать, когда были они живы, тебе до них много дела было. Нет же. Вот так и всем. А теперь что вдруг изменилось? Вообще, несколько раз возникла в верхах инициатива откатать всех поголовно при вручении паспорта, но как же, это же нарушает права граждан,

сразу правозащитники начинают орать про полицейское государство... Ладно, Алеша, не буду я тебя переубеждать. Ты и сам уже можешь своей головой поработать. Иногда. Если захочешь.

Алексей пожал плечами, мол, куда уж мне, но обострять не стал, сменив тему разговора:

– Как Маше–то преподнести эту новость помягче? Родители все же, какие–никакие...

– Пойдем, что–нибудь придумаем. У тебя водка дома есть?

– Наверное, осталась. Вообще, Маша не любит спиртное. Не держим обычно.

– Сегодня, думаю, выпьет. Что же, придется нам зайти в какой–нибудь магазин. Ну ты как, отдышался?

– Вроде.

– Ну пошли что ли...

Они встали с лавочки и вдвоем неторопливо побрели в сторону ближайшего магазина. Все же в этот день им было суждено серьезно напиться.

– Маша, какой к черту театр? Ты меня представляешь там? – возмущался Алексей в трубку телефона. – Хочешь, иди, я не возражаю. Скучно одной – возьми подружку за компанию.

– Слушай, дорогой, пока ты дома себя в четырех стенах маринуешь, может мне лучше любовника с собой взять за компанию, ты же не будешь возражать, да? – ответила она ему с вызовом в голосе.

– Ты что себе позволяешь? – сразу вскипел Алексей. – Ты как...

– Что как? – перебила она его. – А как я терплю, когда ты пьяный вваливаешься среди ночи? Или как время провожу, когда по праздникам тебя вечно дома нет, ты хоть раз интересовался? Или, думаешь, звонки от девок непонятных мне слушать очень приятно и интересно?

– Слушай, Маш, такая у меня работа, не надо...

– Что не надо, Алеш? Сколько мы уже вместе, восемь лет? Сколько тебе еще надо, что бы ты созрел?

– Созрел для чего? – не сразу понял Алексей.

– Дурак! Не жди меня рано. А может, и поздно! – ответила она и бросила трубку.

Перезванивать ей Алексей не стал. Да, он понимал, что она от него хочет. Как любая нормальная женщина, Маша хотела замуж. Но как не менее любой среднестатистический мужчина, Алексей имел на сей счет значительные сомнения, которые подкреплены были характером его работы, уже наложившей своеобразный отпечаток на его мировоззрение, и не менее своеобразные подработки с, мягко говоря, не совсем типичным кругом общения. И если за развоз по заказам и охрану девочек по вызову ему особо предъявить было

нечего, то есть, конечно, всплыви эта информация, его бы с формулировкой «разложение морального облика сотрудника милиции» незамедлительно со службы бы отправили в народное хозяйство без права последующего восстановления (но не более того, к этой сфере деятельности уголовный кодекс предъявлял только статью за притоносодержание, чего не было и в помине), то вот за его письма в Оптиум банк светила вполне себе конкретная статья и небо в клеточку. Все это душевного равновесия не добавляло, его часто можно было теперь застать раздраженным, причем без видимой причины, и Маша уже несколько раз становилась крайней. Потенциальная перспектива отцовства, на которую так же намекала Маша, и вовсе вгоняла в ужас, при чем пугал не столько сам факт появления ребенка, сколько последующее его воспитание в окружающих реалиях нашей действительности.

Кроме того, изменилась и сама Маша. Постепенно, незаметно, но из забитой, никому не нужной покладистой девочки, она стала женщиной со своим мнением, характером и точкой зрения. Ее карьера потихоньку шла вверх, она уже доросла до полноценного бухгалтера, а вилка зарплаты по этой профессии может и не подразумевает особый шик, но как минимум позволяет не экономить на еде, приобретая все в свое удовольствие. До поры до времени она молчала, принимая любые выкрутасы со стороны Алексея как должное, но сначала осторожно начала его укорять, потом выговари-

вать, а теперь и вовсе вступать в словесные перепалки, причем с точки зрения Алексея часто по надуманным поводам, как сейчас с театром. После похорон ее родителей их отношения как-то резко обострились, впрочем, Алексей списывал это на моральную нагрузку от этого малоприятного мероприятия, хотя и особой любви к близким родственникам со стороны Маши он никогда прежде не замечал.

Однако нет-нет, но и Алексей начинал задумываться, а что его связывает с Машей? Любит ли он ее? И любил ли когда? Пожалел когда-то, это да. Она оставалась его первой и единственной женщиной, это тоже да. Она наладила его быт, с ней стало удобно и комфортно жить. Но есть ли что еще за этим? Осталось ли? Да и было ли? Или он просто привык к ее обществу? Что их связывает теперь?

Может это просто обычная осенняя даже не депрессия, а скорее хандра, накрывшая их обоих? Промозглая, дождливая поздняя серая осень, уже несколько дней подряд не дающая надежд даже случайному лучику солнечного света, мало кого настраивает на позитивный лад...

Алексей включил компьютер, желая разогнать тягостные мысли в голове за своей любимой стрелялкой. Однако сервер с «Контрой» в сети МВД был выключен, вероятно, кто-то из сетевой безопасности делал дежурный обход. В Интернете со случайными игроками играть не хотелось. Тогда он просто стал бродить по различным сайтам, без какой-либо определенной цели. Минут через двадцать в углу экрана всплыло

окошко с уведомлением, что кто-то прислал ему письмо. Открыв его, он принялся читать:

«Уважаемый Алексей!

От лица руководства и всех сотрудников Оптимум банка выражаем Вам признательность за наше долгосрочное сотрудничество и профессиональное оказание Вами интересующих нас услуг.

Тем не менее, руководство нашего банка приняло решение о сокращении расходов. С сожалением доводим до Вашего сведения, что мы вынуждены приостановить дальнейшее сотрудничество с Вами на неопределенный срок. Вы вправе использовать оставшиеся имеющиеся у Вас на счету денежные средства по Вашему усмотрению в недельный срок, после чего Ваш счет будет закрыт без дальнейшей возможности распоряжения денежными средствами.

О последующем возобновлении работы, при наличии на то вашего согласия, мы сообщим дополнительно.

С уважением, начальник службы безопасности Оптимум банка Т.Б. Алиев»

Что ж, это означало, что одной халтурой стало меньше, тем не менее, Алексей не сказал бы, что это как-то его сильно расстроило. Пусть эта работа была самой не пыльной, зато самой опасной. Видимо то, что не так давно обсуждали Рябов с Блиновым, действительно имело место быть, и появился другой источник информации, более дешевый.

От этих размышлений его отвлек новый телефонный зво-

нок. Зевнув, и приготовившись к новой пикировке с Машей, он протянул к себе телефон. Но на дисплее высветилось «Юля». Это было странно, их смена отработала вчера, сегодня должен был быть выходной, за который он отсыпался перед дежурством в информационном центре, потому ни на какие подработки не выходил, о чем ей было прекрасно известно. Желания просто так «потрещать» за ней тоже не водилось, без рабочего повода от нее если только просьба пробить кого по личным вопросам, да поздравления с праздником можно было дожидаться, и то не всегда. Он нажал кнопку приема.

– Алеша! – шепотом, но как-то с надрывом, возбужденно, заговорила Юля. – Вытащи меня отсюда. Пожалуйста... – сказала она, уже переходя навзрыд, – Меня здесь изуродуют, или что еще хуже сделают!

– Ты где? – ответил ей Алексей, сразу схватившись за ручку. Время для вопросов, каким образом она куда-то вляпалась, и почему, если уж решила выйти на работу, звонит ему, а не охраннику, настанет после. Если вообще будет потом кого спросить, но о таком развитии событий думать не хотелось. – Диктуй адрес!

– Я тут недалеко, – ответила она и, всхлипывая, продиктовала адрес, затем, добавила с какой-то обреченностью в голосе: – все, за мной уже лезут. Быстрее, пожалуйста... – в трубке послышался какой-то шум, хруст, затем отдаленный мужской голос, сказал:

– Ты зачем, шалава, заставила нас дверь ломать? Ты за это ответишь! – раздался шлепок, вероятно от пощечины. – Нравится, сука?

– Пожалуйста, не надо, хватит... – рыдая, донесся голос Юли.

Дальше Алексей слушать не стал, примерная ситуация ему была понятна. Юля попала в какую-то неприятную историю, но смогла закрыться с телефоном то ли в ванной, то ли туалете, и пока дверь вскрывали, успела сделать звонок ему. Мобильную связь обрывать не стала, зашвырнув трубку под ванную наверное, что бы характер ситуации был совсем понятен.

Алексей набрал номер Олега:

– Олег, привет, у Юли проблемы, нужна твоя помощь!

– Леха? Погоди, вы же не работаете сегодня?

– Я не работаю, она работает!

– Да нет, она тоже сегодня не работает. Или вы там что, заказы самостоятельно выполняете? Напрямую?!

Работать напрямую означало, что девушки делились номерами своих телефонов с заинтересованными в их услугах клиентами. Естественно, только хорошо себя зарекомендовавших постоянных, остаться один на один без малейшей надежды на помощь в случае чего, мало кто хотел. Тем не менее, таким образом деньги шли мимо Олега, что он вполне естественно совсем не приветствовал, так как его реклама работала не на него. Почему на это пошла Юля, оставалось

не понятным.

– Да не выполняем мы ничего! – резко ответил Алексей, но Олег уже завелся:

– Я тебя предупреждал, что крысятничать не хорошо? Раз такие умные, выкручивайтесь сами! И да, вы уволены на хрен. Оба. Ферштейн?

– Делай что хочешь, – не менее резко ответил Алексей, – но ее там не по головке гладят. Пусть она проститутка, но если ты ей не поможешь... На себя ее смерть возьмешь? Совесть не скушает?

Олег запыхтел в трубку, затем выругался куда-то в сторону, и сказал:

– Вы уволены в любом случае. Скорее всего, ты как всегда преувеличиваешь опасность. Но хорошо, диктуй адрес.

Алексей продиктовал. Потянулись секунды ожидания, Олег что-то там проверял, переговариваясь с кем-то на фоне. Через пару минут он снова заговорил, но уже совершенно спокойно:

– Не знаю, куда вы там влезли, но тут я не могу тебе помочь ничем. Если она тебе так дорога, можешь рискнуть сам.

– Почему, что там? Блатная квартирка, на которую менты из нашей «крыши» сунуться боятся?

– Нет, отчего ж. Это и есть один из адресов нашей «крыши».

– Но как?! Как такое возможно?

– А вот так. Каким боком вы им дорогу перешли, думай

сам. Наших девок они никогда не обижали, мы же им отстегиваем. А вот вы, походу, нет. Короче. Теперь это твоя проблема. А о вас я больше ничего не знаю, и никогда не видел. Пока, Леха.

Алексей застыл на месте в кресле, слушая тишину оборванного телефонного соединения, и оставаясь совершенно растерянным. «Крыша»... Значит там кто-то из силовиков или чиновников. То есть, даже наряд милиции вызвать бесполезно. Приедут, посмотрят, развернутся, уедут. Вывод прост, Юля обречена как минимум терпеть, никто ей не поможет. Как максимум... Выходит, только он один что-то может изменить. Уж не поэтому она позвонила ему? Вспомнила, как он своих не бросает...

Закончив умозаклучения, он резко, словно ошпаренный, сорвался с кресла в прихожую, наспех одел ботинки, схватил куртку и ключи от машины, затем выбежал из квартиры.

По адресу назначения он был минут через пятнадцать. Что за это время могли сделать с Юлей, думать даже не хотелось.

В подъезд он вошел вместе с каким-то из жильцов, на этот раз разыгрывать концерт перед домофоном не пришлось. Бегло взглянув на Алексея, тот возражать не стал. Очувтившись перед квартирой, Алексей прислонил ухо к двери. За входной металлической дверью играла музыка, не очень громко, вроде бы даже слышалась беседа, но деталей разговора разобрать было сложно, только обрывки фраз. На се-

кунду показалось, что кто-то вскрикнул, но и в этом он не был уверен.

Возникло ощущение дежа вю двухлетней давности. Алексей поднял голову вверх – нет, на этот раз камера отсутствовала. Попробовать снова провернуть номер с замком? Но это еще минимум минут двадцать, кроме того, лекция про незаконное проникновение в жилище тоже запомнилась. На этот раз Блинов за дверью скорей всего не окажется, и такой поступок чреват последствиями для него самого, особенно учитывая вероятный контингент за дверью. Не придумав ничего лучшего, Алексей просто нажал на звонок и закрыл глазок ладонью. За дверью послышалось шевеление, затем из-за двери кто-то сказал:

– Жека, ты что ли? Чего дурью маешься?

– Я! – отозвался Алексей чисто автоматически.

– Хорош прикалываться! – ответил кто-то неизвестный из-за двери, тем не менее загромыхав щеколдой на двери. Да, в этот раз взлом замка дал бы мало что. Дверь между тем приоткрылась, за ней оказался совсем молодой худошавый парень лет шестнадцати–восемнадцати, который удивленно уставился на Алексея и произнес:

– А ты вообще кто такой?

– Твоя большая неприятность! – рявкнул Алексей, награждая собеседника от всей души прямым в челюсть, отчего то полетел куда-то вглубь по коридору, где и упал без движений.

Войдя в квартиру, Алексей прикрыл дверь, бегло осмотрел свою жертву, не перестарался ли он, прикоснулся к шее, нащупал пульс, немного успокоился, убедившись, что его «клиент» дышит и просто находится в глубокой отключке.

– Гарик, кто там, что за шум?

Бросив взгляд на приоткрытую дверь в одну из комнат, из которой донесся этот вопрос на фоне музыки, Алексей не нашел ничего лучше, как сказать банально:

– Свои! – и направился к этой двери.

– Какие, нахрен, свои? – спросил еще один парень, примерно той же комплекции и возраста, что и открывший входную дверь. Он уже двигался на шум и закономерно в конце концов встретился нос к носу с Алексеем. Еще один удар, уже дозированный, на этот раз с левой, отправил парня назад в комнату, куда он влетел, разнося вдребезги небольшой столик на колесиках, оказавшийся на пути, с расставленными на нем бутылками пива и кусочками сушеной рыбой и орешками, и теперь разлетевшимися во все стороны.

В свою очередь войдя в комнату, Алексей оценил обстановку. Мебельный гарнитур, явно сделанный на заказ, так как занимал все пространство без малейших зазоров вдоль одной из стен, на другой весела огромная плазменная панель, транслирующая какой-то музыкальный канал, причем звуковое сопровождение доносилось из целой кучи колонок, наверное, специально расставленных по комнате по разным углам; на третьей стене висел пушистый ковер, но скорее все-

го тоже какой-то эксклюзивный, таких Алексей раньше и не видел. Но главным объектом внимания в комнате было не это. Практически треть ее пространства занимала огромная кровать, на которой на животе лежала полностью обнаженная Юля с закованными за спиной в наручники руками, на ее лице и теле были отчетливо видны следы рукоприкладства, растрепанные волосы и потекшая косметика только подчеркивали ее плачевное положение. На полу возле дивана были разбросаны, по всей видимости, ее вещи, одни разорванные, а некоторые, похоже, разрезанные. Она, бросив беглый взгляд на Алексея, теперь с опаской смотрела на третьего юношу, сидевшего рядом с ней, и в свою очередь даже с некоторым любопытством изучавшего появившегося в дверном проеме Алексея. Помимо них двоих на кровати валялась всякая всячина, Алексей заметил веревку, ремень, ножницы, боксерские перчатки и даже резиновую милицейскую палку, что-то еще было скрыто за складками одеяла.

– Этот, похоже, уже не боец, – сказал Алексей, бросив взгляд валяющегося среди обломков стола парня, хоть и не потерявшего сознания, но схватившегося обеими руками голову и находящегося в глубоком нокауте. – Это вам не девочку обижать. Сколько их?

– Трое, – подала голос Юля, тут же награжденная тычком кулака куда-то в бок от сидевшего рядом с ней третьего парня, впрочем, практически сразу все его внимание снова вернулось к шумно появившемуся Алексею.

– Понятно, последний, – сказал Алексей, тоже изучая оппонента, стараясь не обращать внимания на всхлипывания Юли. Он был немного постарше и покрепче двух других, но больших опасений все равно не вызывал, далеко не та весовая категория. Позитивно оценив свои шансы, Алексей коротко бросил:

– Ну что, может сам свалишь? Или слабо меня обидеть?

– Да легко, – отозвался тот, вставая с дивана и взяв в правую руку резиновую палку. – Я шансы уравнию таким образом, если ты не против.

Это было несколько удивительно, так как по мнению Алексея, даже вооружившись палкой, никакого внятного сопротивления он оказать не мог по определению, потому он ответил с усмешкой:

– Давай, орел, покажи себя. Я безоружен. Не бойся, давай, удивляй давай!

Странно, но парень не стал откладывать в долгий ящик эту просьбу. Крайне неожиданно для Алексея он сразу же бросился на него, совершенно непрофессионально замахаясь резиновой палкой для удара, помогая себе воинственным криком. Автоматически, на рефлексах, Алексей блокировал этот удар, но тут же раздался Юлин крик:

– У него нож, осторожно!

Нож в левой руке, уже двигавшийся в незащищенной бок, Алексей заметил слишком поздно, что бы полноценно заблокировать удар. Но все же, на сколько было возможно, попро-

бовал уклониться, уйти с траектории. Раздался треск разрезаемой кожи на куртке, немного смягчившей удар, но все равно не спасшей от повреждений; пусть по касательной, но лезвие задело тело. Его противник оказался левшой и переиграл Алексея тактически, удар палкой был отвлекающим маневром, усиленный криком, на который он, расслабленный и не ожидавший сколько-нибудь внятного сопротивления, купился. В результате удивленный Алексей хлопал глазами и просто впал в ступор, прижав ладонь к ране, на мгновение даже растерялся, однако его противник не был намерен продолжать бой, проскользнув мимо, в коридор, а затем и громыхнул входной дверью.

– Леша, ты там живой? – забеспокоилась Юля, наблюдавшая эту картину со стороны.

– Блин, он меня задел... – ответил он, рассматривая свою окровавленную ладонь, которой только что ощупал рану. – Но, похоже, не сильно. Куртку больше жалко.

– Я посмотрю позже, сейчас сваливать надо. Помоги... – она перевернулась на спину, пытаясь сесть, но скованные руки за спиной сильно затрудняли этот процесс. Алексей, вытерев наспех носовым платком сначала рану, потом свою ладонь, перевел взгляд на обнаженную Юлю, тут же пришел в замешательство, уткнувшись взглядом в ее грудь. Этот факт не ушел от внимания Юли, на что она сказала:

– Раз тебя мои сиськи интересуют больше, чем рана на боку, значит, жить будешь. Ну–ка помоги мне лучше, хорош

глазеть!

Поборов оцепенение, Алексей подошел к ней и помог встать на ноги. Однако перспектива куда-то идти в компании обнаженной девушки, да еще с руками в наручниках за спиной, снова вогнала Алексея в ступор:

– Ключи знаешь где?

– Конечно. У убежавшего вроде были.

– Эх, блин!

– Ты наручники снять сможешь без ключей?

– С инструментами, скорее всего, смогу тебя освободить.

– Скорее всего? – скептически переспросила его Юля, но никаких уточнений не последовало. Алексей смотрел на пол и соображал, что делать дальше.

– Эмм... Наверное, мне следует тебя одеть? – он указал на вещи на полу.

– Ага, начни с трусиков, вон они лежат, – произнесла Юля, указывая взглядом куда-то в кучу тряпья у кровати, затем с интересом уставившись на Алексея. Тот было неуверенно двинулся в указанном направлении, представляя это действие, но Юля его остановила: – Да стой ты! Забей, эти придурки изорвали и изрезали все мои шмотки. Пусть на память оставят. В прихожей мой плащ, пошли, – сказала она, двинувшись в сторону входной двери, по пути не упустив возможность пнуть от души два валяющихся на полу тела.

В прихожей Алексей накинул на Юлю плащ, который из-за ее рук все равно на ней сидел криво и не естественно, за-

взял пояс, что бы плащ не распахивался, после чего, присев на одно колено, обул ее в туфли, стараясь не поднимать взгляда вверх.

– Леша, телефон мой из-под ванны вытащи. И там моя сумочка где-то, тожехвати.

Из подъезда они вышли без приключений, если не считать проблем с посадкой в машину Юли, которую Алексей определил на заднее сидение в полулежачее положение. Минут пять они ехали молча, затем Юля подала голос:

– Спасибо тебе.

– Ничего рассказать не хочешь? Нас, кстати, Олег уволил.

– Черт... Неприятность... Ладно я, а ты из-за меня работы лишился...

– Может, если ему все объяснить, то...

– Олег никогда не меняет своих решений. Принципиально.

– Ладно, хрен с ним. Работа у меня есть, – ответил Алексей, вздохнув. – Если честно, то развоз и охрана вас меня порядком утомили.

– А чего так?

– Да как бы вы не пицца, в конце концов.

– Вот поэтому я тебе и позвонила. Знала, что не бросишь.

Хороший ты...

– Так что стряслось-то? – уже мягче спросил Алексей. – Ты что, напрямую на клиентов работаешь?

– Не совсем...

– Как это не совсем? Так не бывает. Ты мне лапшу на уши не вешай, пожалуйста.

– И не собиралась. Примерно год назад Олег собрал девок в сауну, там отдыхали наши покровители, насколько я поняла. Кто они, менты или ФСБшники, я не знаю, но явно люди из этой отрасли. И меня до кучи взяли. В общем, понравилась я одному, он мне и говорит, дай свой телефон. А мне что, ему отказывать? Я и дала. С тех пор он иногда мне звонил и назначал встречи. Не бесплатно естественно, но и не по тарифам нашим, а поскольку мне все шло в одно лицо, то даже больше выходило, чем на обычных заказах. Вот как–то так оно само по себе и случилось. Я бы не стала Олега обделять, зачем мне это...

– Что–то эти трое не похожи на представительных офицеров. Темнишь?

– Да ты дослушай. Звонит он мне сегодня, приходи в гости, развлечемся. Я еще удивилась, не говорил он так никогда, более галантным был. Но что делать, надо так надо. Прихожу, а там сынок его с друзьями вечеринку организовал. Как–то пронюхал, что я его папашку обхаживаю, и позвонил мне. А по телефону у них голоса один в один, хрен отличишь. Я и поехала...

– А как он вынюхал–то?

– Как я поняла из разговоров, когда он друзьям хвалился, этот шпион малолетний вебкамеры по–тихому поставил, и запись просмотрел наших развлечений. Новое поколение

с компьютерами дружит, блин! А потом детализация звонков мобильного бати, опять–таки, из сайта сотовой компании вытащил, и меня он вычислил без проблем, юный Пинкертон, что б его...

– Яблоко от яблони... – усмехнулся Алексей.

– Ага. Только знаешь что интересно? Вычислить-то меня он вычислил, только думал, что я молодая любовница его папашки, то есть изначально подозрения были такого плана. А он, видать, маму любит, хороший сын, что б его, и решил с двумя дружками проучить не хорошую девку.

– Понятно. Они, похоже, еще одного ждали.

– Козлы...

– И как тебе удалось позвонить?

– Я как оказалась в квартире, ходы отступления мне отрезали, в комнату затащили, по мордасам треснули так, что у меня звездочки замелькали и комната закружилась перед глазами. Я сопротивление прекратила, бесполезно же. Они же пива налакались, перед друг другом выпендриваться начали, кто круче. И вот лежу я на полу, сгруппировалась как смогла, и понимаю, что кончится это все может очень хреново, они в раж войдут, меня или прирежут, или шею свернут... Короче, ловлю момент между пинками, силу воли в кулак, на ноги скок и бежать в прихожку, где моя сумочка, в ней мобила. Хвать ее, и в ванную. Успела, к счастью, закрыться. Дверь входную в квартиру не рискнула дергать, там с замком ковыряться, фиг угадаешь, сколько времени зай-

мет, да и можно ли ее открыть вообще без ключа. Тебе набрала...

– Да, – согласился Алексей, – в этой ситуации Олегу звонить было бесполезно.

– Совершенно, ага. В общем, сломали они дверь, еще мне треснули, отобрали сумочку, проверили ее содержимое, и нашли визитку Олега. И тут до них дошло, кто я, что тут делала раньше, и все стало совсем плохо. Шлюха ведь не человек... В общем, попробовала развести их, мол что ж вы за мужики такие, втроем одну девчонку метелите, или нифига не мужики еще? И предложила незамедлительно решить эту проблему, на слабо взяла короче, больше рассчитывая время потянуть. Наверное, идея им понравилась, хотя бы бить перестали. Но они меня в «браслеты» заковали, что бы не рыпалась особо, на кровать пихнули и давай шмотки с меня стаскивать. Перевозбудились видать, потому что то, что не снималось с меня легко, то есть практически все из-за рук в браслетах, начали сначала рвать, потом резать ножом, которым тебя потом задели... Им этот процесс по-кайфу был, в чем-то я даже понимаю их. Потом они спорить начали, кто первый, тоже времени немного дало... Ты вообще быстро прилетел, я думала, мне предстоит гормональный взрыв трех озабоченных подростков на себя принимать. Они так очередность подходов согласовать и не смогли. Спасибо тебе...

Юля поморщилась и замолчала, но через некоторое время

добавила:

– Знаешь, я когда к зеку попала, мне так страшно не было. Он мне, грубо говоря, объяснил, чего хочет и как, я на это согласилась. Да, тоже досталось, но он меня бил просто что бы волю сломать, да и двинул пару раз только. Я знала, что выполню работу, и он меня отпустит на все четыре стороны в любом случае, зачем ему меня калечить или убивать? Да, он был груб и особо не церемонился, но... А сегодня... У них же вообще тормозов нет... Соревнуются друг перед другом... И это еще дети, а что же из них вырастит? – всхлипнув, она продолжила: – Я же тоже человек. Вот так бы и остался Федька сиротой...

– Кто? Че за Федька? – не понял Алексей.

– Кто–кто, сын мой. Четыре года скоро ему. С моей мамой он сейчас.

Алексей несколько озадачился, косясь на Юлю в салонное зеркало, затем спросил:

– Юль, а тебе двадцать с чем?

– Двадцать два, – ответила она, – в восемнадцать я его родила, если тебе это так интересно.

– Понятно... А отец у него есть?

– Конечно где–то есть... И ничего тебе не понятно, – ответила Юля снова с наигранно веселой, отрешенной интонацией, подавив минуту слабости. – Своих заведи, вот тогда поймешь.

– Так потому и не завожу, что бы в говно по уши не при-

шлось залазить, – ответил ей Алексей. – Ни мне, ни детям.

Больше они не заводили разговора до самого дома Алексея, каждый размышлял о своем.

На счастье, место для парковки нашлось около дома, что было и к лучшему, так как странный вид помятой Юли вызывал ненужное любопытство окружающих, которого совершенно не хотелось. Тем не менее, на лавочке у подъезда сидел худощавый высохший мужчина, на которого Алексей и не обратил бы особого внимания, мало ли алкашей живет в округе, если бы он сам не заговорил первым:

– Здорова, Леха, – говорил он протяжно и гундося, – смотрю, ты еще здоровее стал.

– Я тебя знаю? А, Миха... – ответил Алексей, узнавая Мишу Куприянова.

– Узнал, значит. Привет сосед. Народ говорит, что ты красноперым стал?

– Милиционером я стал.

– Это один хрен... – ответил Миша, улыбаясь.

– Из-за тебя, между прочим.

– Ты на меня стрелки не переводи, я тебя цветным не делал, это ты сам окрасился. Ничему такому я тебя никогда не учил, не гони.

– Чему это такому? – спросил Алексей, но решил не вступать в дальнейшее выяснение этого вопроса. – Ладно, проехали. Ты тут какими судьбами?

– Отмотал от звонка до звонка, как положено, тебе справ-

ку показать, начальник? – усмехнувшись, но все так же тянул слова Миша. – Зачем девочку мучишь? – спросил он, переводя взгляд на Юлю. – Расколоть не можешь, что ли? Пытаться ведешь? Может, со мной поделишься?

– Пошел на хрен, – коротко отрезал Алексей, приобняв Юлю и проследовав в подъезд.

– Интересные у тебя соседи, – уже в подъезде сказала Юля, – Он явно под кайфом. Видела я таких. Только несколько иного социального уровня.

– Скорее это «кумар», отходняк. Они все одинаковые и быстро скатываются на дно. Выходит, не успел откинуться, сразу нашел дозу. Что ж, тюрьма ему мозги не вправила... А когда-то нормальном парнем был.

– Все мы когда-то были нормальными, молодыми и юными, – философски заметила Юля. Алексей только пожал плечами.

Войдя в квартиру, Юля кое-как без помощи рук ногами скинула туфли, и вопросительно уставилась на Алексея.

– Заходи в комнату, там диван. Ложись. Я сейчас инструмент подготовлю.

– Какой-такой инструмент? – игривой интонацией спросила Юля.

– Да ну тебя! Ложись короче.

В шкафу в выдвижном ящике с различным техническим инструментом разного назначения Алексей ковырялся минут пять, наконец, нашел обломанный кусок полотна для

резки металла, впрочем, достаточно длинный. Поймав скептический взгляд девушки, он поспешил ее успокоить:

– Это то, что надо. Работа деликатная, ручная, я не хочу тебя поранить. Не «болгаркой» же пилить!

– Тебе видней, – не стала спорить она и выяснять назначение «болгарки». – Что мне делать?

– Ложись на живот на диван.

– Вероятно, мне следует снять накинутый плащ?

– Естественно.

– Ну так снимай.

– М–м–м... – промычал Алексей, теперь представив перспективу раздевания Юли.

– Да иди сюда уже! Не мужик что ли? Что ты там не видел? Развязывай пояс!

Приказной тон Юли привел в себя Алексея, он подошел, развязал пояс, затем обошел ее и со спины снял плащ, аккуратно положил его на стул, стараясь не смотреть на ее прелести, впрочем, не в силах побороть себя, все же нет–нет, но бросая взгляд. Юлю эта ситуация даже немного забавляла, она откровенно посмеивалась. В конце концов, повернув голову и посмотрев назад на Алексея, она сказала:

– Слушай, Леха, не мучай себя, если очень хочется, так посмотри!

– Ну тебя, провокатор! Я, между прочим, занят уже и не свободен! Ложись давай!

– Я же тебе уже говорила, секс еще не повод для знаком-

ства. Но как знаешь. На живот значит? – она развернулась лицом к Алексею, отчего он тут же уставился куда-то в пол, сначала села на диван, затем легла и перевернулась перекатом на живот. – Так сойдет?

– Вполне, – ответил он, накрывая ее по пояс пледом, и рассматривая отдельные участки тела на ее боках и спине, отливавшие синевой. – Тебе не больно?

– Если ты про синяки, то уже нет, хотя видок у меня еще тот, наверное. Дышу я нормально, значит, ребра целы, значительного вреда здоровью нет. Они или стеснялись бить в полную силу, или отложили это напоследок. Так что синева пройдет. Меня немного волнует состояние моей моськи, зеркало в руки я взять не могу пока, вот ее бы мазью помазать, в сумочке у меня дежурный тюбик от фингалов, и подретушировать чуток. Но ты бы сначала сам бок осмотрел.

– Я и забыл уже, – сказал Алексей, теперь переведя свое внимание на запекшуюся кровь сбоку на разрезанной рубашке и раздумывая, как ему снять прилипшую к телу майку.

– Видимо действительно тебе повезло, хотя бы в этом, – прокомментировала Юля, поглядывая на бок Алексея. – Что в голове у них, ведь дети же еще! Попал бы в какой орган... Иди, отмочи, я подожду. И йодом смажь обязательно.

Алексей покосился на Юлю, но спорить не стал и пошел в ванную. Детальный осмотр повреждений особых проблем не выявил, разрез был не глубоким, удача действительно была на его стороне, все действительно могло быть гораздо хуже.

Если вообще можно назвать удачным день, когда тебя пытаются ударить ножом. Конечно, рубашку теперь только на выброс, куртку, вероятно, тоже. Йода он не нашел, потому использовал в медицинских целях туалетную воду, опрыскав рану. Стянув другую давно высохшую чистую футболку с полотенцесушителя и натянув ее на себя, он вернулся к Юле. Она приняхалась, чихнула, и сказала:

– Что–то ты как–то подозрительно заблагоухал.

– На тебя впечатление произвести хочу, – буркнул он в ответ.

– Этого не требуется, впечатление ты уже произвел, так что не утруждай себя.

– Йода не нашел, – оправдывающимся тоном сказа Алексей. – Использовал другой спиртсодержащий продукт.

– Мда. Ладно, сойдет. Теперь освободи меня. Руки уже ноют...

– Ага, – ответил Алексей и принялся пилить фиксирующую скобу на правой руке. Это были обычные наручники, в милицейских спецсредствах числились точно такие же, однако были опасения, что сделаны они из закаленной стали, и тогда процесс распиливания металла мог существенно усложниться. Да и выглядели они в отличие от штатных лучше обработанными и хорошо покрашенными. Но то ли на производстве решили сэкономить на материале, то ли посчитали процедуру закаливания лишней, металл был относительно мягким и поддавался полотну. Вскоре правая ру-

ка была освобождена из оков, и Юля смогла вытянуть перед собой обе руки, затем принялась растирать ладонью место контакта стали с кожей.

– Какой кайф, ты даже не представляешь! – восторженно сказала она. – У меня так суставы затекли. А ты молодец, настоящий мужик!

– Рано радуешься, – отозвался Алексей. – Это еще не все.

– Погоди, немного сменю положение, лягу поудобней, если ты не против.

– Ага, давай, – сказал Алексей, и деликатно перевел взгляд в сторону. И тут же встретился с взглядом Маши.

– Чернов, ну какая же ты свинья... Такой значит у тебя театр... Давай, объясни ей, как нужно лечь, чего уж там, не стесняйся! – возмущенно произнесла она. Но спокойно, без истерик и надрывов. Алексей не нашел ничего лучше, как сказать:

– Маша, это не то, что ты думаешь...

Услышав эту фразу, Юля из последних сил старалась не расхохотаться, вероятно оценив и эту картину со стороны, и банальность прозвучавшей фразы, даже Маша тоже улыбнулась, правда, совершенно точно руководствуясь совсем другими мотивами, ее улыбка отдавала горечью. Но она держала себя в руках, уперлась плечом о стену, и произнесла все же уже немного срывающимся голосом:

– А что же я должна подумать? – затем перевела взгляд на девушку, обратила внимание на отметины и болтающиеся

теперь уже на одной руке наручники и добавила уже удивленно, вскинув брови: – Вы что, садо–мазо тут практикуете? С наручниками? Алексей, это ты ее?

Юля начала откровенно смеяться, уткнувшись лицом куда-то в подушку, сдерживать себя уже было вне ее сил.

– Маша, все не так...

– Так значит твоей любовнице это нравится?... – все так же удивленно спросила Маша.

– Слушай, подруга, я не его любовница, – подала голос отсмеявшаяся Юля.

– Ты мне не подруга! – выкрикнула Маша. – И кто же ты, если не любовница?

– Я путана. А он мой охранник.

– Чего?! – воскликнула Маша.

– Она что у тебя, не в курсе? – теперь уже удивилась Юля.

– Нет, – буркнул Алексей.

– Ой... – смутилась Юля. – Хотя, что уж тут теперь скрывать...

Однако Маша, естественно, уже сделала свои выводы:

– Алексей, ты хочешь сказать, что ты имеешь какие-то отношения с проститутками? – взгляд Маши забежал.

– Если сильно упростить этот вопрос, то да, – ответил он сдавшись и постепенно раздражаясь, заведомо уже понимая, что выбрал не лучший вариант ответа.

– Прекрасно! Это что получается? На нашем диване, укрываясь моим пледом, лежит голая шлюха?! Это отврати-

тельно, уж лучше бы была любовница, это хоть понять как-то можно! Ну почему ты упорно лезешь в говно? Почему ты не хочешь жить нормально?

– Девушка, он действительно спит только с вами! – сказала Юля, но Маша одарила ее взглядом, полным презрения. От дальнейших комментариев Юля решила воздержаться.

– Хватит врать! Я не слепая! Вы... Знаешь Алеша, с меня хватит, – произнесла Маша. – Я поживу у себя в квартире некоторое время. А там видно будет.

– Подожди, то есть как это?!

Но Маша уже развернулась и побежала к выходу. Алексей было рванул за ней следом, но Юля схватила его за руку и произнесла не очень громко:

– Вот прямо сейчас ты ей все равно ничего не докажешь.

Пусть остынет.

И он остановился. Возможно, она была права, да он и сам не сильно хотел останавливать Машу, так в итоге и оставшись сидеть рядом с лежащей Юлей. Та его не беспокоила. Лишь через добрый десяток минут осторожно потрогала его за руку:

– Эй, Леха! Приди в себя.

– Да ничего, Юль, нормально все, – ответил он, беря ее левую руку к себе на колени и начиная пилить вторую часть. – Давно у нас не клеелось, если честно... И к этому все шло.

– Такова жизнь... Как правило. Плохо только что она теперь тебя козлом считает. Совершенно не по делу.

Алексей пожал плечами. Достаточно быстро он разделался и с левой рукой, высвобождая ее из металлического плена.

– Леха, можно я воспользуюсь твоей ванной?

– Да, конечно... Теперь почувствуй себя как дома... – все так же как-то отрешенно ответил он.

– М–м–м... Леша... – осторожно подала голос Юля.

– Что?

– У меня вещей никаких нет.

– А, да. Сейчас, – он встал, открыл бельевой шкаф, достал полотенце. – Только вот что тебе на себя накинуть... Моя рубашка подойдет? Просто футболка будет висеть на тебе как на вешалке, а рубашку запахнуть можно...

– Вполне сойдет, спасибо.

Снова не смущаясь присутствия Алексея, Юля встала из-под пледа, накинула на себя предложенную рубашку, завернула рукава, подгоняя ее под себя, запахнула на манеру халата и повязала поясом от плаща, лежащего рядом. На этот раз Алексей не проявил к ней никакого интереса, снова погрузившись в свои думы. Когда примерно через час Юля вернулась из ванной в том же виде, но еще и с полотенцем на голове и явно чем-то подретушированными фингалами, то застала его в такой же позе. Тогда она села рядом и заговорила:

– Не грусти. Придешь к ней завтра, расскажешь как есть, нормально все будет.

– Возможно... Завтра я на смену.

– Ну послезавтра...

– Даже лучше, она успокоится, сомневаться начнет. Только вот странная вы пара.

– Это чем же?

– Да хотя бы размерами. Ты большой, она маленькая. Ты реально в говне ковыряешься, а она?

– Она бухгалтер.

– Угу, бумажки перекладывает, пьет только на корпоративах, на которых тебя показать стесняется, и то не много, а еще требует от тебя культурную программу, поскольку на выходных ей скучно.

– Откуда ты знаешь?

– Так видно же, – усмехнулась Юля, – нравится тебе, или нет, но вы из разных миров. Даже внешне заметно. Она из... как его там... офисного планктона, во, а ты... Может когда-то были у вас и общие интересы, а теперь... Вы сколько вместе хоть?

– Восемь лет.

– Вообще да, это срок... Удивительно, как только смогли столько... погоди, а тебе двадцать с каким хвостиком?

– Двадцать пять мне, а что?

– Первая любовь что ли? И у тебя, и у нее? Тогда понятно. Любовь ушла, завяли помидоры, а на ее месте образовалась пустота...

– Да что ты знаешь о нас? – раздраженно ответил Алексей.

– Я исключительно по себе сужу, ты не подумай. И еще по некоторым женатым клиентам, что у меня были, и кто

желал мне душу излить, – она села рядом, упершись боком в здоровый бок Алексея и взяв его под руку. – Нашли, блин, психоаналитика. У всех одно и то же. Всегда. Вот и я тоже любила так, что думала раз и навсегда. Ан нет.

Алексей скептически покосился на Юлю, на что она ему сказала:

– А ты что думаешь, я на панели от рождения что ли? Мне семнадцать лет было, когда я Костю повстречала, и все, думала любовь до гроба. То есть, я и раньше его знала, а тут что–то как нашло на нас обоих. Пел, как соловей! Только он в армию ушел, а возвращаться не захотел.

– Как это не захотел?

– Да вот так, остался служить по контракту, где–то там и женился. У нас в деревне с работой туго, мужики спиваются, перспектив никаких, наверное, он решил искать в лучшем месте лучшей доли. И пофигу, что я Федьку нянчила уже всюю. По деревенским понятиям, естественно, я шлюха последняя, никто со мной дел иметь более не желал, на работу хрен устроишься, все друг друга знают, за спиной шушукаются. И что мне, на шее у матери сидеть? Поехала в Москву к друзьям, что раньше сюда подались. Только кому я тут нужна с образованием в десять классов? Попала мне в руки газета, «Московский комсомолец» вроде, открыла раздел объявлений, а там столбиком «девушки на работу» и телефон. Позвонила по первому попавшемуся, поговорила с Олегом. Встретились, мой внешний вид его удовлетворил,

он обрисовал ситуацию и характер работы. Я, конечно, в шоке, в полный отказ. Но за пару недель деньги кончилось, друзья вежливо на дверь указывают, и что мне, возвращаться назад? Вот так и пошло–поехало... Сняли с девками квартиру... Короче, теперь хоть пожрать есть что мамке с Федькой. Только редко я их вижу, а как там с ними побуду, так возвращаться сюда сил никаких нет...

Алексей молчал. Временами он посматривал на Юлю, прижавшуюся к нему.

– Завязывай с этим дерьмом, – подвел он итог. – Тебе сына воспитывать надо.

– А каким другим заняться порекомендуешь? – спросила она его снова приветливо–веселым тоном.

– Я серьезно.

– Лех, пойми, теперь выбора особого нет, Олег–то нас обоим пинком под зад, еще и репутацию испортит. Значит, я в приличном месте работать уже не смогу. Ты, кстати, в этой сфере, скорее всего, тоже. Что ж, поеду пока домой, а там видно будет, можно, например, в Питер махнуть, там никто меня не знает.

– Слушай, Юль, завязывай, я серьезно. В худшем случае, найди папика обеспеченного и встань к нему на довольствие. У тебя моська симпатичная, фигура шикарная, что, не заглядываются на тебя? Все лучше, чем так жить.

– Может и заглядываются, только... Понимаешь, я стала ненавидеть мужиков. Им всем от меня нужно только одно

все время. Только один ко мне отнесся по-другому за все это время, – сказала она, задумавшись. Затем продолжила уже игривой интонацией: – Правда, на сиськи мои тоже с интересом посматривал.

– Кто же это?

– Скажи хоть, как ты считаешь, у меня красивая грудь? – вместо ответа спросила она.

– Это я что ли?! – удивленно воскликнул Алексей.

– Ну а кто? Кто бы еще за мной сегодня полез? Кому я вообще нужна?

– Юля, я конечно к тебе хорошо отношусь, но...

– Да расслабься, я на тебя не претендую. И от твоих услуг сразу бы отказалась, если бы ты доступа к моему телу захотел. Впрочем, до тела по тарифам я бы тебя допустила, чего уж там, но вот дальше все, финиш, никаких совместных дел. Работа есть работа, осложнения мне не к чему. А любовью я сыта по горло. Охранник должен только охранять и точка. Ты знаешь, как-то даже жаль, что наше сотрудничество подошло к концу. Кроме того, тебе еще со своей девушкой разбираться.

Повисла пауза. Разговор с Юлей расслабил, после ее истории все его проблемы показались какими-то несущественными. Помирится он с Машей, как может быть иначе, раньше ведь всегда мирились...

– Леш... – подала голос Юля веселым тоном, обычно означающий очередной подвох.

– Что?

– Можно еще нескромный вопрос?

– Попробуй...

– У тебя много девушек было? Кроме твоей Машки?

– Я же Маше не изменял никогда...

– То есть что получается, только она одна и была?

– А это что, плохо?

– Наверное, хорошо. Но не в реалиях нашей жизни.

– Чего?

– Да ничего. Сегодня ты пойдешь к ней, она тебя простит,

а завтра все у вас пойдет по второму кругу.

– А как иначе может быть?

Юля помолчала, потом уже серьезным тоном спросила:

– Любишь ее?

– Я... я не знаю, – замялся Алексей.

– У–у–у... Тебя спасти надо...

– От кого? От нее что ли?

– Нет, не от нее. С ней ты сам разбирайся и определяйся.

От тебя самого. Тебе надо помочь.

– Что ты имеешь в виду?

– Веришь мне?

– В смысле? – не понял Алексей.

– Ну, доверяешь?

– Тебе – да, – ответил он уверенным тоном.

– Вот тогда я тебя попрошу не делать резких движений, а

то я сегодня уже огребла, и больше не хочу.

– Ты что задумала? – снова напрягся Алексей.

Но Юля уже усаживалась к нему на колени, лицом к нему, затем развязала ремень, распахнула рубашку. Алексей, изначально вознамерившись просто снять ее с себя, и уже схватил ее за талию, но замер, снова уставившись на Юлину грудь.

– Нравишься ты мне... Уж не знаю, почему. Так как, красивая у меня грудь? – спросила она, обняв его за шею и подавшись вплотную к нему вперед. Продолжила она уже на ухо, шепотом: – Я же видела и сегодня, и раньше, как ты на меня поглядываешь. Что, скажешь не было такого?

Алексей, сглотнув слюну, хрипловато произнес:

– Юля, а как на тебя смотреть равнодушно? На тебя и другие смотрят... А я не уверен, что поступлю правильно, если...

– А ты не волнуйся, даже если я ее снова встречу как-нибудь, я ничего никогда про это не скажу. Ни слова. И другие смотрят на меня только как потребители, а ты не только...

– А как же наши рабочие отношения? – Алексей упирался уже чисто для вида, Юля уже целовала его шею, затем прошептала на ухо:

– Да забей ты на все... Ты мне еще тогда понравился... Я вообще в твоём вкусе, хоть красивая?

Она прильнула к нему еще ближе и начала стягивать с него футболку. Алексей вроде изначально хотел отстраниться, но вдохнул запах ее волос, еще влажных после душа, которые

сейчас приятно щекотали его лицо, позволил снять футболку, затем сам снял с нее рубашку, переместил руки ей за спину, снова прижал ее к себе.

– Ты только полегче, – прошептала ему на ухо Юля, – особенно с лицом, на фингалах специальная мазь. И ты мне так и не ответил...

– Ты идеальна, – прошептал он ей на ушко.

Курский вокзал, не смотря на три часа ночи, напоминал муравейник хаотичным движением пассажиров и прочей публики: таксистов–бомбил, лениво оповещающих потенциальных клиентов о лучших тарифах, по факту являющимися запредельными и рассчитанными на банальное незнание, носильщиков с тележками, в большинстве своем являющимися выходцами из азиатских республик, собирающихся в кучки и общающихся друг с другом на родных языках, попрошайек, от откровенно бомжеватого вида до вполне приличных, естественно отставших от поезда, и даже милиционеров, лениво посматривающих на всех этих разношерстных людей со стороны, уделяя внимание если только отдельным пассажирам. Но так оно было только на первый взгляд. Действительно затруднялись с ориентирами только пассажиры. Стоило подойти времени прибытия или остановки проходящего транзитом поезда, как вся эта братия направлялась на нуж-

ную платформу. Таксисты начинали громогласно оповещать приезжих о своих услугах, носильщики равномерно распределялись по платформе, профессиональные нищие подтягивались к переходам, ни сколько не смущаясь соседства с милиционерами, которых больше интересовали отъезжающие, так как повод придрасться и задержать найти можно всегда, а вот поезд ждать не будет.

Юля без проблем ориентировалась на вокзале, потому было понятно, здесь она бывала часто. Сначала она сбегала к кассам, оставив Алексея охранять ее имущество, вернувшись через некоторое время, повела его за собой. К нужной платформе она и несший следом ее сумки Алексей добрались кратчайшим путем.

Причины, по которым она решила уезжать сейчас же, резко сорвавшись среди ночи, Алексей не понимал, она лишь сказала, что тянуть смысла нет, а усложнять ситуацию ни к чему. Спорить он не стал. Заехав на съемную квартиру, она, наконец, переделалась в свои вещи, собрала две сумки пожитков, распрощалась с девчонками и попросила отвезти ее на вокзал.

Проходящий поезд «Санкт–Петербург – Воронеж» прибыл по расписанию, Алексей помог с доставкой сумок в купе, но стоянка в Москве у поезда была долгая, двадцать минут, поэтому они снова вышли вместе из вагона на улицу. Но разговор не клеился. На платформе перед вагоном они пару минут стояли, просто поглядывая друг на друга молча.

Затем Юля подошла к Алексею, обняла его, положив голову ему на грудь. Так прошло еще 5 минут.

– В Воронеж, значит... – выдавил из себя, наконец, Алексей, снова прочитав табличку на вагоне.

– Там еще на электричке, – ответила Юля.

– Как тебя там найти? – спросил Алексей, выделяя слово «там».

– Зачем тебе меня искать, Леш? Не надо.

– Но почему?

– Теперь у тебя своя жизнь, у меня своя. Наши пути расходятся, увы...

– Но почему ты тогда... – запнулся Алексей, подыскивая слова.

– Что? Спала с тобой? Ты как теперь чувствуешь себя?

– То есть?

– По Маше больше не тоскуешь?

Вопрос попал в самую точку. О Маше Алексей и не вспомнил с тех пор, как оказался в объятиях Юли. Она продолжила свою мысль:

– Теперь будешь у нее прощение вымаливать?

– Не знаю... – ответил Алексей. – Пойду, наверное, поговорить–то надо. Но умолять ни о чем не буду, это точно.

– Вот видишь. Для того и спала с тобой, что б ты понял, что она не одна на свете. Ты понял, это хорошо, – она улыбнулась. – Но на мне свет клином тоже не сошелся. Если хочешь моего мнения, то найди себе более подходящую спут-

ницу.

– Может, хоть номер телефона оставишь?

– Без проблем, – ответила Юля, и полезла в сумочку, достала мобильный телефон, открыла крышку, закрывающую аккумуляторную батарею, затем извлекла и ее, добралась до сим–карты, вынула ее из гнезда и отдала Алексею. – Держи. Московская симка мне больше не пригодится, так что дарю, пин–код отключен, – вручив ее, она снова полезла куда–то в сумку, нашла там другую, вставила в гнездо и собрала телефон. – Вот, теперь работает из моего родного региона.

– Издеваешься?

– Что ты. Не ищи меня, Алеша, не мучай ни себя, ни меня. Я тебе не нужна совершенно точно, – снова повторила Юля, подошла к Алексею, обняла его, и опять прильнула головой к его груди. – Ну кто я, а кто ты? Так что пообещай, пожалуйста.

– Хорошо, – глотая комок в горле, сказал Алексей. – Обещаю.

– Привязалась я к тебе...

– Молодые люди, – раздался голос проводника, – поезд вот–вот отправляется. Девушка, займите ваше место.

– Прощай, Алеша, – прошептала Юля. – Может быть, в другой жизни встретимся, – она отошла, снова бросила на него взгляд, смахнула накатившую слезу, улыбнулась и юркнула в тамбур. За ней в уже поехавший вагон шагнул проводник.

Алексей еще долго стоял на платформе, даже уже после того, как последний вагон состава скрылся из вида, и не понимал свои чувства. Из-за чего у него так на душе скребли кошки? Из-за ссоры с Машей? Или из-за понимания, что, скорее всего, Юлю он больше никогда не увидит? Что изменилось в их отношениях в этот последний день, ведь из-за этой девушки он сейчас испытывал такую тоску и пустоту, что на висящую в дымке ночного московского неба луну выть хотелось... Или это просто страсть, вызванная впечатлением от секса? В постели Юля выглядела гораздо интересней Маши, но оно и понятно. Правда, от этого понимания было скорей противно. А что это значило для Юли? Не ясно совершенно. Но в том, что им не по пути, она была отчего-то уверена. Ее образ так и стоял перед глазами, таким, какой она была в тамбуре за спиной проводника, поджав губки и как-то нервно махая рукой ему в след.

– Ты чего здесь трешься? – неожиданно раздался голос за спиной. Алексей обернулся и увидел двух милиционеров, постарше в звании старшины, и совсем молодого, с двумя лычками на погонах младшего сержанта, вероятно, только пришедшего на службу в милицию после армии.

– А что, тут находиться запрещено? – равнодушно ответил Алексей, приходя в себя, собираясь с мыслями и возвращаясь в реальный мир. Действительно, поезд давно уехал, он один стоит на платформе, это как минимум странно.

– Документы покажи свои. – Сотрудники милиции особо

не церемонились. Но Алексея это задело:

– Вежливо, представившись, в соответствии с уставом ППС попросить нельзя? – ответил он, хотя и полез за удостоверением во внутренний карман.

– Самый умный, да? Не хочешь показывать, пошли в контору, понятых позовем, мы тебя сами досмотрим, – ответил старшина практически автоматически, но затем сразу напрягся, сообразив, что иногда перечить милиционерам пытаются всякие умники ссылаясь на приказы руководства, закон «О милиции» и даже Конституцию, а вот про древний, еще с советских времен неизменный устав ППС, где все давно уже написано и разжевано, знает далеко не каждый первый. Скорее тот, кто его хотя бы открывал. Но младшему же видимо не понравилось движение руки Алексея за пазуху, и он потянулся за дубинкой. Точно такой же, какой сегодня его уже пытались ударить. Алексей заметил его движения, усмехнулся и сказал, уже держа в руках удостоверение:

– Мало того, что хамы, так еще и мозгов нет. Читай, – он развернул удостоверение и ткнул его в лицо старшему. Когда-то давно на примере тетки он уже видел, как меняется на глазах человек, понимая, что перед ним внезапно оказался далеко не рядовой гражданин, испытывающий страх перед каждым властью имущим. В этом раскладе он был еще и однозначно выше их по служебной лестнице, потому с издевкой сказал: – А может мне стоит тупо вам морду набить, а?

Не известно, был ли Алексей первым офицером, сделав-

шим им такое предложение. Теперь оба милиционера выглядели потерянными, просто не понимая, как им дальше себя вести с этим странным коллегой.

– Извините, товарищ старший лейтенант, – осекся сержант, а младший улыбнулся примерно так же, как улыбаются набедокурившие дети. – Вы же понимаете, напряженная обстановка, транспорт, приезжие...

– Да, я все понимаю. Плохо только, что ты мусор, а не мент. И из него тоже мусора делаешь, – сказал Алексей, ткнув пальцем в грудь младшему сержанту. Сегодня Миша Куприянов тоже не заметил особой разницы в формулировках, потому разговаривать дальше с ними, объясняя отличия, желания не было никакого.

Сержант попытался что-то ему возразить, но Алексей уже не слушал, а просто двинулся назад. Обойдя их, он направился к переходу, по которому они пришли с Юлей, вроде бы это была самая короткая дорога на стоянку к машине. Юля это знала точно.

И почему на него вдруг так накатила эта пустота? Как же все же жаль, что она уехала...

В эту ночь он не спал вообще. Вернувшись домой с вокзала ближе к пяти, Алексей так и просидел до утра на кухне за чашкой кофе и сигаретами, обдумывая события послед-

них суток, принесших столько изменений и событий. У него больше нет подработок, так что придется некоторое время опять существовать на одну зарплату, но пока это его совершенно не волновало; предстояло объясняться с Машей, впрочем, воспринимал он эту перспективу как обязательство, совершенно спокойно, почти равнодушно, не чувствуя за собой вины даже за состоявшуюся измену. На это равнодушие накладывалась огромная моральная усталость и ощущение полнейшей разбитости.

Сейчас, когда солнце уже осветило заревом горизонт, он все же ощутил необходимость хоть немного поспать, рассчитывая это сделать в комнате отдыха сразу же, как только придет Иван, который вряд ли будет возражать на сей счет, особенно учитывая что он сам позвонил и попросил его прикрыть минут 30. Можно будет проспять до обеда, а потом за пульт, может работа немного и отвлечет. С такими мыслями он входил в информационный зал.

– Привет Дим, – поприветствовал Кукушкина Алексей. – Ванька позже будет, что–то у него стряслось, так что ты иди.

Он бросил под ноги наспех собранную сумку с обедом и плюхнулся в кресло, притянул к себе журнал смен, что бы расписаться о заступлении на дежурство. Формально старшим смены был Иван, и расписываться должен был он, но на практике никому до этого не было никакого дела. Однако подпись Кукушкина еще отсутствовала.

– Чего не расписался в сдаче смены? – спросил Алексей

его.

– Леш, – ответил тот напряженно, – тебя Красильников вызывает.

– Меня? – удивился Алексей. – К себе в кабинет?

– Да, тебя. Иди.

Это было странно, но выбирать не приходилось. Пожав плечами, он направился на выход из зала. До кабинета начальника он шел, раздумывая, где и когда он проштрафился, прекрасно понимая, что хвалить его особо не за что. Значит будут ругать... Что ж, чему быть, того не миновать. Настроение вряд ли станет еще хуже.

– Разрешите? – обратился он к Красильникову, выглядывая из-за двери кабинета, предварительно постучав в нее. – Вызывали? Старший лейтенант Чернов...

– Не утруждайся, заходи, – перебил его начальник. – Садись.

Алексей сел на предложенный стул, ожидая начала разговора, но Красильников продолжал просматривать какую-то папку, иногда листая листы, пока с удивлением не произнес:

– Сопровождение проституток?! А ты, Чернов, оказывается очень разносторонний человек, как я погляжу! До такого тут еще никто не додумывался. Вроде бы. Куда катимся...

– Я не совсем понимаю, Юрий Львович, о чем вы, – ответил Алексей, сразу напрягшись, так как если этой информацией владел начальник, то его карьера в милиции вероятно прямо сейчас и закончится.

– Все ты понимаешь, не прикидывайся. По существу есть что сказать?

Алексей не стал ничего отвечать, просто пожал плечами. Тон Красильникова был тверд, он не спрашивал. Он констатировал факты. Потому отпираться было бессмысленно, а давать показания против себя он не обязан. В результате Алексей решил, что будь, как будет, и снова расслабился.

– В общем так, лейтенант, – заговорил начальник, захлопывая папку. – Когда к нам поступила информация о сливе тобой информации банку, за тобой установили наблюдение. И всплыло много того, что совершенно не красит милиционера.

Алексей задумался. Эти сведения уже грозили серьезными проблемами. Но поскольку менять что-то уже поздно, он просто спокойно сказал:

– Мне написать рапорт на увольнение?

– Ты не спеши. Тут вопрос стоит иначе. Сажать тебя в тюрьму, или нет.

– А, вон оно как. Сажайте, от судьбы не убежишь, – все так же равнодушно отозвался Алексей.

– Смело, молодец, мне это даже нравится, – Красильников закивал, бросив оценивающий взгляд на Алексея. После чего продолжил: – А так же стоит вопрос о возбуждении дела в отношении Филатовой Людмилы Владимировны. Знаешь такую?

– Какого дела?! – воскликнул Алексей, все же внезапно

выведенный из состояния отрешенного спокойствия.

– Она не имела права тебя брать на службу сразу по нескольким причинам. Тут и должностной подлог, и превышение служебных полномочий, и еще подделку документов надо проверить.

– Она тут не при чем! – выпалил Алексей. Спокойствие и равнодушие как ветром сдуло. Втягивать кого-либо еще в свои проблемы Алексей не хотел совершенно.

– Еще как при чем! Служба, выходит, тебе понадобилась для прикрытия и заработка не честным путем, а она на встречу пошла, – ответил ему Красильников, повышая голос. – Семейка оборотней в погонах! Да как вы додумались до такого? Это же позор! А какая тень на подразделение...

Начальник продолжал возмущаться, но Алексей был уже далек от его речи, суть была ясна. Потому он попытался оценить вероятный исход разговора. Если руководство располагает компроматом, то почему с ним вообще разговаривает начальник подразделения, а не следователь? Значит, в его силах не давать делу хода? Он снова постарался сосредоточиться.

– Кхм, – перебил начальника Алексей, кашлянув в кулак так, что тот сразу замолчал и уставился на него. – Что вам нужно?

Красильников запнулся, посмотрел на Алексея, улыбнулся, и сказал:

– А говорили, что совсем тупой. Нет, думать немного ты

умеешь.

– Можно без оскорблений? Ближе к делу? – начал злиться Алексей.

– Хорошо, – железным тоном ответил Красильников. – Выбери, или ты в Чечню, или в тюрьму всем вашим семейством.

– Понятно, – ответил Алексей снова равнодушным тоном, вспоминая разговор со Старковым перед его увольнением. Почему–то раньше перспектива служебной командировки на Кавказ вызывала панику и страх. А теперь... Нет, не безразличие, но очень близкое к нему состояние, какой–то равнодушный фатализм. Что ж, значит Чечня. Такой реакции Красильников не ожидал, поведение Алексея никак не соответствовало ранее сформированному образу, поэтому теперь он на него смотрел даже с любопытством. И уже спокойно, даже добродушно добавил:

– Если ты собираешься строить успешную карьеру в милиции, то стаж в Чечне тебе пойдет только в плюс. И проблем по возвращению с должностями и званиями у тебя не будет, я обещаю. Там не курорт, но и не тюрьма. Денег заработаешь. Так что до следующей смены подумай, что тебе ближе.

– Пока я свободен?

– Можешь идти.

– Слушаюсь, – ответил на автомате Алексей, уже двигаясь на выход. Почему–то ему казалось, что в Чечню он должен будет поехать немедленно, прямо из этого кабинета. Ви-

димом, отсутствие очевидного выбора заставляло немедленно взяться за дело, каким бы неприятным оно не было. Он так делал всегда, руководствуясь принципом «раньше сядешь – раньше выйдешь».

Тем не менее, все шло одно к одному, почему-то его прежний уклад разрушился, как карточный домик, буквально за сутки. Словно кто-то сверху, посмотрев на него, решил, что совсем не свое место в жизни он занимает, и убрал от него или сделал беспомощными сначала почти всех близких людей, а потом и его забрасывает на чужбину, предлагая новое испытание, словно спрашивая, а достоин ли ты? И ведь была в этом доля сомнения у него самого, он не мог однозначно сказать, нужна ли ему служба в милиции, а значит, может он действительно пошел не своим путем? Оттрубил бы уже в армии, Иван вон тоже сомневался о целесообразности пребывания в этих стенах. Да и не такой он представлял милицию, совсем не такой...

Вернувшись в зал, он дошел до своего места, грузно упал на стул, затем заметил уставленные на него взгляды Кукушкина и Рябова, добравшегося уже до работы, и произнес:

– У меня время до следующей смены выбрать или поездку в Чечню, или разбираться с особистами, куда передадут факты о моих... – договаривать не хотелось, но и не требовалось. Уже сказанное и так пришлось выдавливать из себя с трудом, но очевидно, что его сослуживцы слабо отреагировали и уже в курсе его ситуации. Иван уже сделал какие-то

свои выводы о его состоянии, и просто сказал:

– Леша, сейчас можешь идти домой. Под мою ответственность.

Алексей кивнул коллегам, взял сумку и вышел из зала. Даже если его отсутствие и всплывет, эту незначительную провинность ему простят. Ивану тоже никто ничего не скажет. Суббота же. Некому. Тут только те, кому действительно что-то нужно. И дежурные смены.

Доехав до дома, Алексей, не раздеваясь, завалился на диван, еще сохранивший Юлин запах, и, на удивление, практически мгновенно уснул.

Проснулся он от шума, доносящегося из соседней комнаты. Алексей бросил взгляд в окно – на улице уже темнело, затем на часы – семь вечера. Он спал часов восемь, что было не удивительно, учитывая бессонную ночь. Собравшись с мыслями, он дошел до другой комнаты, уперся о дверной косяк, и принялся наблюдать как Маша, ковыряющаяся в шкафу, собирала свои вещи в сумку, стоящую посреди комнаты.

– Привет, – устало поздоровался с ней Алексей, как ни в чем не бывало. – Тебе помочь?

– Ой! – вскрикнула Маша, испугано глядя на него. – Я думала, ты на работе.

– Да нет, вышло иначе...

– Ну и ладно. Все равно я с тобой разговаривать не намерена, – отчеканила Маша каждое слово стальными нотками.

– Ты по-тихому свалить решила, значит... Маш... – по-

звал ее Алексей, но та упрямо не обращала на него никакого внимания. – Маша! – не сдавался Алексей, наконец она прекратила разбираться в вещах, повернулась к нему и произнесла все тем же официально– резким тоном:

– Чего тебе?

– Выходи за меня замуж, – неожиданно даже для самого себя произнес Алексей.

– Меньше всего ожидала услышать это, – удивленно произнесла она, уставившись на него.

– А тебе не кажется, что после того, что ты натворил, это предложение немного не уместно?

– А что я натворил?

– Вообще–то ты снял проститутку. Уже забыл?

– Я ее не снимал. Ты же не стала меня слушать.

– О чем тебя было слушать? Ага, она голая на диване совершенно случайно предлагала сменить позу. Нормально!

– Не случайно. Но и не ради секса. Просто ее одежду изуродовали клиенты. Они же и отметины поставили, ты видела. Я ее охранял и должен был вытащить от них. Я это сделал. Ситуация выглядела странно, но это так.

– Слушай, Леха, не вешай мне лапшу на уши...

– Я не вешаю, Маш. Я тебе вполне искренне предложил выйти за меня замуж, ты же этого хотела? И не тороплю тебя с ответом, поскольку времени у тебя будет много. Кстати, можешь вещи не собирать, я уеду на год, живи тут одна.

– Куда это ты собрался, если не секрет?

– В Чечню.

– Чего?! Зачем? Бредишь что ли? – удивленно воскликнула Маша.

– Можно я тебе все объясню? С самого начала? Я больше ни о чем тебя просить не буду, просто выслушай меня. Потом иди куда хочешь.

Маша с сомнением уставилась на Алексея, но все же произнесла:

– У тебя есть пять минут. Слушаю.

Алексей вздохнул, и начал свой рассказ. Он рассказал ей все, от начала работы с Олегом, сотрудничества с Оптима банком, позволившим ему приобрести машину, до событий последних дней, умолчав лишь про близость с Юлей. Когда он закончил свое повествование, прошло уже гораздо больше отведенных пяти минут, а Маша, теперь уже сидя в кресле и облокотившись на подлокотник, обдумывала сказанное. Наконец она нарушила повисшую тишину, и ответила мягче, своим обычным голосом:

– Я даже готова поверить, что все это правда. Только... Замуж–то всерьез зовешь?

– Вполне. Ты извини, о кольце не подумал.

Она улыбнулась, кивнула, снова ушла куда–то в себя, и продолжила речь примерно через пару минут:

– Леша, тут вот такая проблема. Как только я оказалась у тебя в доме, я все время благодарила судьбу, что вылезла из того дерьма, в котором жила до этого, и делала все для

того, что бы никогда там снова не оказаться. Я тебе всегда буду очень благодарна за это. А ты сам, добровольно пошел в ту сторону, откуда меня вытащил, в сторону грязи. И вот теперь к чему это тебя привело.

– Но все это уже в прошлом, я обещаю!

– Ага, солнечный Кавказ у тебя еще в перспективе. И, если честно, я не думаю, что ты изменишься. Ты никогда этого не хотел, просто плыл по течению, – она снова сделала паузу, затем снова посмотрела на него и продолжила: – А что до твоего предложения, я подумаю. В первую очередь, хочу ли я тебя таким воспринимать. Серьезно. Наша вынужденная разлука позволит понять нам, что мы друг для друга значим. Может быть, действительно свадьбу сыграем. Я не исключаю, – она улыбнулась горькой, грустной улыбкой.

Раздался звонок в дверь. Маша встала и пошла открывать.

– Ждешь кого? – спросил ей вслед Алексей и нахмурился.

– Это Андрей, работаем вместе, он поможет вещи перевезти на мою квартиру.

– Какой такой Андрей?

– Уж во всяком случае, он поприличней твоей вчерашней коллеги, – огрызнулась Маша. Крыть было нечем, но Алексей не сдавался:

– А зачем тебе вообще отсюда уезжать? Оставайся.

– Я уже приняла решение. Менять его не буду.

Алексей не стал спорить. Он просто смотрел на Машу, когда-то такую родную и близкую, а теперь чужую, напряжен-

ную, недоверчивую. Пожалуй, им действительно лучше отдохнуть друг от друга, может быть, все и наладится. Или нет. Сейчас думать об этом не хотелось. События могут принять такой оборот, что ей потом и вовсе об этом думать не придется. Так как он вообще может через год где-то в лучшем мире отчитываться за свои грехи.

Верить в реальность такой перспективы совершенно не хотелось...

Три дня перед сменой Алексей не знал, чем себя занять, проведя их у себя в квартире, большую часть времени валяясь на диване и смотря куда-то в потолок. Нельзя сказать, что он ощущал апатию и страх, а вот какую-то предрешенность скорее да, чем нет. Лишь в последний свободный день он взял себя в руки, и пошел сначала к нотариусу, а затем к тетке. К счастью, ее домочадцев дома еще не было, ловить на себе их сочувствующие взгляды совершенно не хотелось. Людмила Владимировна пригласила его на кухню выпить чаю.

– Ключи от машины, документы на нее, генеральная доверенность на нее, ключи от квартиры, еще одна доверенность, держите, – сразу взял быка за рога Алексей и вывалил бумаги и ключи на кухонный стол. – Все на твое имя. Машина внизу.

– Алексей, ты хорошо себя чувствуешь? – округлила глаза тетка.

– А это на случай самого плохого развития событий, – как ни в чем не бывало, ответил ей племянник. – Вам будет проще.

– Чего?!

– Если грузом 200 назад приеду.

– Дурак! Даже думать об этом забудь! – воскликнула она. – Ты куда собрался, дурень?

– В Чечню. Я просто подстраховался, что бы вам не мучиться с наследством и прочей ерундой, – ответил Алексей, – но как скажешь, больше думать об этом не буду, тем более что уже подумал. Сдайте квартиру. Все же какие-то деньги.

– Нахрена?! Ладно, ты уезжаешь, а как же Маша?

– Маша решила, что ей одной там делать нечего, – ответил Алексей, решив не уточнять деталей. Затем рассказал тетке текущую ситуацию.

– Все из-за меня... – прошептала тетка, делая какие-то свои выводы. – Что случится с тобой, я же себе не прощу...

– Слушай, давай сама не пой зауспокойных песен! Там нет войны давно, военная операция прекращена, – нарочно бодрым голосом произнес Алексей.

– Ты это в телевизоре услышал? Они тебе наговорят...

– К тому же, что мне будет в их информационном центре?

– А вот об этом я хотела бы с тобой поговорить как раз...

– О чем об этом?

– О командировке в чеченский информационный центр. Нужна ли она тебе вообще.

– То есть? У меня нет выбора, ты же в курсе.

– В курсе, естественно. Только Красильникову все равно, куда тебя отправить, в информационный центр как специалиста или в сводный отряд бойцом.

– Какой такой отряд? – не понял Алексей. Людмила Владимировна покосилась на Алексея, произнося:

– Уж не знаю, стоит ли вводить тебя в курс этого дела, зная твое умение находить приключения...

– Давай рассказывай, хуже уже не будет, – поддержал он ее.

– Вот этого я как раз и боюсь, что будет. В общем, на счет чеченского информационного центра ты отчасти прав, он в Ханкале, там относительно спокойно. С поправкой на местный колорит, естественно. Только есть еще одна альтернатива, попроситься в сводный отряд от московской милиции. И стоять на своем, мол, только так служить в Чечне согласен, и никак иначе. Но есть одно но. Он базируется где-то на земле, и, бывает, сталкиваются с неприятностями.

– Ясенько... – протянул Алексей, понимая примерные задачи, стоящие перед этим подразделением. Затем вопросительно уставился на тетку, и произнес: – Объясни, пожалуйста, зачем мне это надо?

– Понимаешь, тебя никто снова в Чечню не пошлет, если ты будешь продолжать карьеру в информационных службах.

Ты запросто можешь сказать, был, с меня хватит. Отстанут естественно, только добровольно если. А вот если перейдешь потом куда... Ты же с операми дружишь?

– Ага. В МУР звали.

– Конечно, тебе же на месте не сидится на пятой точке... – скептически усмехнулась тетка, – Так вот, вызовет тебя начальник МУРа к себе, и скажет, а не желаешь ли ты, Чернов, в служебную командировку сгонять? Добровольно–принудительно. Они, конечно, там, в МУРе, сейчас людей терять не хотят, и тут работы хватает. Но впереди сокращения, а разрядки никто не отменял. Да и ты поначалу будешь не самым ценным кадром.

– Опять в Чечню?

– Естественно, а то куда там еще командировки бывають–то... На полицейские конференции в теплые края за бугор они более достойных найдут, не сомневайся. Так что только на Кавказ.

– Но я же туда сейчас и еду, и свое отмотаю.

– Мотают срок, ты служишь! – Людмила Владимировна не выдержала и ударила кулаком по столу. Алексей даже немного съезжился. – Выражения у тебя... Ладно, суть не в этом. Тебе начальник МУРа скажет, что чеченский информационный центр не в счет. Опера в сводный отряд ездят. Так что, получай новый уникальный служебный опыт, крайне необходимый для оперативной работы в Москве.

– Необходимый опыт? Кому он тут нужен?! Тут теперь

что бы просто задержать любого кавказца надо трижды подумать!

Но тетка вместо ответа лишь покачала головой. Тогда Алексей возмущенно заговорил сам:

– Нифига себе! Так тогда может сразу...

– Вот именно про это я тебе и толкую. И срок в Чечне меньше, кстати.

– На сколько? – сразу заинтересовался Алексей.

– Шесть месяцев. Но тебе еще подготовка потребуется, формальности всякие. Растянут в сумме все равно на год.

– Убедила, помоги с текстом рапорта.

Людмила Владимировна посмотрела на племянника, так резко сменившего свое мнение, тяжело вздохнула, и сказала:

– Ты погоди с выводами. Ты хоть примерно представляешь, что тебя ждет?

– Что?

– Сначала сбор на базе ОМОНа, основной костяк, как всегда, оттуда. Ни друзей, ни знакомых. Каждый сам за себя. Правда, все русские. Ну, большинство. Вас собирают, и на самолете доставляют на юг куда-то, я точно не помню... Там несколько месяцев так называемой учебки.

– Как в армии?

– Примерно. Научат с БТРа не падать на ходу, с оружием управляться, и как по науке зачистки проводить.

– Серьезно? Милиционеры на БТРах? – удивился Алексей.

– Это у них там вместо УАЗиков. Слушай, я сама точно не знаю. Женщин к этому не привлекают.

– Ладно. А потом?

– А потом куда Бог пошлет. Где твои шесть месяцев и пройдут.

– Примерно понятно. Ты же понимаешь, что в четырех стенах за компьютером в окружении чеченцев я на стену полезу?

– К сожалению, прекрасно понимаю. Иначе бы и не заикнулась об этом варианте вообще. Отец-то в курсе?

– Я с ним не общаюсь. И ты ему ничего не говори. Диктуй текст рапорта.

– Алеша... Ты справишься?

– Вот заодно и узнаем...

Людмила Владимировна тяжело вздохнула, и принялась диктовать. Алексей писал рапорт, в котором выражал свое добровольное согласие провести 2010 год на службе в Чечне. Этого требовал закон «О милиции», в командировку отправляли только из выразивших однозначное добровольное согласие на прохождение службы в другом регионе страны. Примерно то же самое писали его будущие коллеги по службе в сводном отряде московской милиции. Как и каждый из сотрудииков сводных отрядов других регионов, отправляющих по разнарядке своих представителей в Чечню. И все, естественно, это сделали добровольно.

Впрочем, добровольцы в относительно безопасную Хан-

калу на кабинетную работу действительно были, некоторые льготы, больше применимые или для построения дальнейшей карьеры, или учитываемые для надвигающейся пенсии, такая поездка давала. И проволочек с ними показательно не было никаких. Так же практически всегда были добровольцы из силовых спецподразделений, но оно и понятно, люди так привыкли себе зарабатывать на кусок хлеба. А в некоторых регионах России желающих поехать вообще куда угодно действительно было больше, чем вакантных мест. Совсем не от хорошей жизни... Но как только речь шла о востребованных специалистах сложных областей, картина менялась на противоположную. Оперативники и следователи, приданные для усиления местной милиции, утыкались в местные нравы, традиции и обычаи, де-факто стоявшими выше Уголовного кодекса, зачастую становились самыми бесполезными сотрудниками, или вовсе, бесправными. Противопоставить себя толпе означало большие неприятности, зачастую даже смерть, с моралью по этому вопросу у чеченцев никогда больших проблем не было. Поэтому предпочитали просто тихо отсидеть свой срок в сторонке. Специалисты инженерных направлений попадали в ситуацию, когда в одиночестве мало что могли сделать, помощи на местах ждать не приходилось, местная милиция формировалась откровенно по клановому характеру, а не по навыкам и умениям. Кроме того, выбирая между Кавказом и увольнением, очень многие выбирали именно увольнение, так как с реализацией се-

бя где-то еще для нормального инженера вопрос не стоял. Как результат, на эти должности отправлялись те, кого на них назначали в своих родных регионах едва ли не за неделю до отправления в командировку. Что бы сидеть потом не высываясь, естественно.

Народ же по телевизору слушал красивые истории о вечной дружбе образумившихся чеченцев с русским народом, смотрел на игры футбольного клуба «Терек», однажды даже показательно выигравший Кубок России по футболу, и радовался сообщениям о ликвидации очередных кочующих боевиков. И лишь немногие, например прочитавшие «Хаджи-Мурат» Толстого, понимали, что все это уже было, что есть конфликты, которые не решить ни деньгами, ни силой, ни переговорами и соглашениями, которые просто не кончаются никогда, а бесконечно кровоточат, поэтому бесполезно заниматься самообманом. Все эти меры позволяли лишь временно приостановить это кровотечение. Любой союз с русскими конкретной группы чеченцев является временным, только пока он им выгоден, к тому же неизменно порождавший вражду других, обделенных чеченских кланов и общин, переходившим к партизанским действиям. Потому что они так жили всегда, разделяя территорию на сферы влияния, и никогда не признавали верховной власти не то что Москвы, а даже Грозного, к слову, в прошлом бывшим русской крепостью «Грозной». И будут считать это абсолютно нормальным и дальше. Даже, если придется развязать еще один во-

енный конфликт.

Забыть прошлые ошибки оказалось проще и удобней. Или сделать такой вид, скинув эту проблему на плечи малоэффективных в этом вопросе различных силовых структур. Которые фактически делали только хуже.

Вот только зря тяпать – только топор тупить...

Год 2011.

Москва встретила Алексея традиционным равнодушием. Выйдя из вагона с табличкой «Грозный – Москва» на платформу, он даже впал в небольшой ступор, наблюдая, как пассажиры потянулись под козырек Казанского вокзала, накрывавшего несколько первых вагонов и электровоз. Сейчас он откровенно пожалел, что не стал ждать борт внутренних войск, направляющийся на аэродром под Калугу, с которым случились какие-то неприятности технического характера, а просто купил билет на поезд. Теперь спешить особо было некуда: хотя этот поезд уже неоднократно проверили по пути, по угрюмым лицам милиционеров, их количеству и поголовному досмотру прибывших было понятно, этот рейс является источником повышенного риска, сколько бы о мире в Чечне не твердили из телевизора. Никаких дел с высыпавшей на платформу аудиторией не хотели иметь даже нищие, не говоря уже о таксистах. Не менее угрюмые пассажиры стекались потоком к узкому горлышку выхода с платформы с

металлоискателем, нарядом с собаками и представителями ОМОНа, стоящим чуть в стороне на подхвате. Все же очередь дошла и до Алексея.

– Не понял, – произнес сержант, открывший сумку Алексея, – объясните, что это и для каких целей? – сержант ткнул в голубой камуфляж со следами потертости, явно долго ношенный. – И документы приготовьте.

– Моя полевая форма это, не видишь что ли? – Алексей открыл удостоверение и сунул под нос сержанту. – Возвращаюсь из служебной командировки. Не выбрасывать же, хорошая вещь, пригодится.

– Чего сразу не сказал, братуха, что свой? – обратился к нему ОМОНовец, подошедший на знак сержанта и теперь просто отодвинувший того в сторону.

– Что–то за последний год я несколько подрастерялся, где свои, где чужие... – ответил ему Алексей, ОМОНовец же кивнул, соглашаясь:

– То да. Твоя правда. Удачи тебе, ступай с миром. А ты чего, волчонок, уставился? – адресовал он последнюю фразу молодому чеченцу, следовавшему за Алексеем. – Иди сюда.

Город за вокзалом представлял собой обычную московскую суету, каждый здесь был занят исключительно своими заботами и трудностями, не обращая никакого внимания друг на друга. В Чечне все было по–другому.

Шаройский район Чечни на границе с Грузией Алексея встретил палаточным лагерем. Сводные отряды милиции в

этих отдаленных, горных районах появились совсем недавно, в первую очередь как реакция на войну в Осетии. Возможно, эти места действительно были бы неплохим горнолыжным курортом, запланированным здесь каким-то сумрачным гением во власти, но теперь из-за разногласий с соседом все пути-дорожки по вероятным лыжным трассам были утыканы минами. Таким образом, девять сел, ранее имевшие активные нелегальные связи с Грузией, теперь были отрезаны от нее минными полями и тремя блокпостами, на которых в основном и проходила служба сводного отряда. Причем официально за порядком следила местная милиция, с соответствующим комплектованием из местного же населения, которая, по задумке руководства, всегда могла обратиться за помощью приданным силам. В жизни же этого никогда не происходило, более того, возникало ощущение, что московским гостям и другим сводным отрядам, расквартированным в районе по-соседству, здесь совсем не рады, так как связь с Грузией до появления здесь командированных милиционеров, вероятно, все же поддерживалась достаточно активная. Теперь же молчаливо лицеизреть нелегальные переходы границы никто не стал, и договариваться с чеченцами на этот счет особого желания также никто не имел, действуя по принципу: мы не лезем к вам, вы не лезете к нам.

Некоторое время было достаточно тихо, местные присматривались к чужакам. Но прошел месяц, за ним другой, а дальше чужих порядков терпеть им не захотелось, и нача-

лись провокации. Сначала на слабеньком фугасе подорвался БТР, на котором на блокпост выдвигалась смена, что местной милицией было оформлено как мелкое хулиганство, никто же не пострадал. Через несколько дней в движущийся БТР полетели уже гранаты откуда-то сверху, с гор, которые местными блюстителями порядка были оформлены как взрывы петард, результат развлечений молодежи, и заключение экспертов это подтверждало.

А потом обстреляли блокпосты. Издалека, больше что бы напугать, но факт остался фактом. Соседнему отряду повезло меньше, там завелся снайпер, убивший четырех человек. Ответные меры не заставили себя ждать, в селах, одним за другим, начались зачистки с пристрастием. Местных стражей порядка просто отодвигали в сторону. Несколько задержанных загружали в машины и увозили на проверку в районный центр, из которого все так же благополучно вернулись через неделю. Впрочем, тонкий намек местным стражам порядка, что свой ассортимент пиротехники у сводного отряда крайне широк, а увозить кого-либо они больше никуда не будут, подействовал. Воцарился хрупкий мир. Но ощущение, что тебя рассматривает кто-то в прицел, не покидало Алексея до самого возвращения. Хотя коллеги со стажем, кто приезжал в командировку не в первый раз, говорили, что по сравнению с Ингушетией и Дагестаном, здесь настоящий курорт. И что следующую командировку он уже воспримет гораздо легче. Желания проверять это в дальнейшем у него

не было никакого, потому он верил на слово.

И вот теперь снова Москва, зимняя, но в период оттепели, поэтому грязная, серая и не опрятная. Что бы снова влиться в ее жизненный ритм, ему положен месяц, который он может провести в ведомственном доме отдыха. После врачебной комиссии.

Возвращаться домой не хотелось, к тому же его квартира вообще еще может быть сдана квартирантам. Но идти к тетке тоже было рановато. Поэтому Алексей, как-то сам того и не желая, оказался около подъезда Маши, ноги его сами туда привели. Но входить в подъезд не стал, присел на лавочку рядом с дверьми. На ту самую, на которой он сидел со Старковым, когда тот ему объяснял расклад по убийству ее родителей. Подниматься к квартире было, скорее всего, бесполезно, наверняка в это время Маша была на работе. Да и как-то боязно...

Алексей сидел съезжившись, все же в Чечне теплее, потому одет он был немного не по сезону, и был погружен в воспоминания о той, предыдущей жизни, до которой теперь была пропасть. Но совершенно неожиданно на фоне гула машин и чириканья воробьев, раздался ее голос:

– Алеша...

Вначале он даже подумал, что ему показалось. Но подняв голову, он увидел ее, в легком пальто, которое уже никак не могло скрыть изрядно округлившийся животик.

– Привет Маш, – скривив улыбку, произнес Алексей. –

Смотрю, тебя можно поздравить с наметившимся прибавлением?

– Прости Алеша... – прошептала Маша. Заметив приближавшегося к ней молодого человека, только припарковавшего машину, она второпях добавила: – Прошу, не усложняй все... Это Андрей.

– Что-то случилось? – забеспокоился подошедший молодой человек.

– Да ладно, не напрягайся, тебе вредно, – добродушно отозвался Алексей, поднимаясь с лавочки и потянувшись за сумкой с пожитками, – может ты и права, кто знает.

– Куда ты? – с опаской спросила она, вставая перед Андреем, закрывая его собой.

– Да не трону я его, нужен он мне, – произнес Алексей, проходя мимо.

– Так куда ты? – уже в спину повторила ему Маша.

– Я-то? Туда, – Алексей указал пальцем по направлению своего движения. – Какая теперь разница? Совет вам да любовь.

– А кто это вообще такой? – донесся до уходящего Алексея вопрос Андрея. Ответ Маши он уже не слышал. Он просто уходил, разочарованный и опустошенный. Уходил навсегда от той первой и единственной, которой он не позволил скатиться по наклонной, на самое дно жизни. Вот только взлетела она туда, куда он все никак не мог добраться следом. Да и не очень-то и стремился к этому.

Как бы то ни было, еще одна ниточка, связывающая с прошлым, была оборвана. Теперь он снова был один, как когда-то. А если так, то стоило ли оно вообще того? Что хорошего с ним случилось за последние шесть лет? На этот вопрос хотелось найти хотя бы один положительный ответ.

Но отчего-то не получалось...

Реабилитационный месяц в доме отдыха был для Алексея самым запойным в жизни. Но водка лишь приносила забвение на некоторое время. Вечно так продолжаться не могло, сам Алексей это прекрасно понимал, потому собрал волю в кулак. Пора было выходить на работу.

Сначала сослуживцы его сторонились, опасаясь за съехавшую за год «крышу», тем более что прецеденты у возвратившихся с Кавказа подобного плана были. Медкомиссия, которую он прошел по возвращении, была сущей формальностью, так как за все болячки, в том числе и душевные, приобретенные в командировке, приходилось выплачивать денежную компенсацию, чего старались не допускать. Присмотревшись к нему и убедившись, что никакой опасности он не представляет, все и вовсе утратили к нему интерес. Этому способствовало и то, что Иван всячески помогал ему снова влиться в рабочий процесс, всем своим видом показывая полное доверие и поддержку, не гнушаясь выговаривать

даже Сысоеву. Впрочем, грядущая реформа занимала того гораздо больше, чем подколки, а временами и откровенное хамство со стороны Ивана. Посему было понятно, Иван собирается на гражданку, а перспектива возглавить смену самостоятельно Алексея никак не вдохновляла. Того же Ивана девушки из смены если и не сильно любили, то почему-то уважали и признавали его право командовать безоговорочно, а некоторые и вовсе просили остаться и дальше на службе. В его же случае получалось, что ему предстояло возглавить личный состав, который к нему относится совершенно равнодушно, как к пустому месту. Конечно, получше, чем к Сысоеву, которого откровенно недолюбливали, но все равно, как вести за собой таких людей, Алексей совершенно не представлял. Да и хотелось совершенно не этого.

Зато его тепло встретили знакомые опера, и снова стали зазывать заняться нормальным делом, а не на кнопки за компьютером тыкать. Сам Алексей попросил отсрочку, просто что бы придти в себя и разобраться в том, чего он хочет сам.

Постепенно все пришло в норму, месяц за месяцем, и Алексей стал ловить себя на мысли, что обстановка налаживалась, а он успокаивался. Но однажды ближе к концу смены раздался телефонный звонок на пульте старшего. Иван ушел отчитываться начальнику, поэтому Алексей подъехал на стуле к его месту и принял вызов, коротко представившись:

– Чернов.

– А где Рябов? – встретил его вопросом мужской голос.

– «Сдается» начальнику центра, – ответил Алексей, имея ввиду сдачу смены. Впрочем собеседник его прекрасно понял:

– Понятно. Вербуются в Чечню...

– Чего?! – воскликнул Алексей, но тут же взял себя в руки: – Представьтесь, пожалуйста.

– А ну да, извини, напугал. Ежов, начальник 3-го МУРа.

– А, Алексей Михайлович, – сразу смягчил тон Чернов, узнав начальника 3-го отдела уголовного розыска. – Так что там про Чечню?

– Приятеля твоего вербуют туда, что не понятного-то, – равнодушно ответил Ежов.

– Откуда сведения?

– Слушай, тетка, ну ты же сам водку с моими операми пьешь, что глупости спрашиваешь? Работа у нас такая, знать все.

– Хм. Ладно, понял, – согласился Алексей. – Так вам Иван нужен?

– Нет. Ты.

– И чем я могу...

– В общем, – перебил его Ежов, – расклад такой. Если хочешь к нам податься, приходи сейчас. Дальше грядет реформа, возможно сокращение штатов, все переходы будут затруднены. И всякий шлак с сокращенных должностей еще и нам припихнут, а оно мне не надо. Совсем не надо. О тебе

Пашка хотя бы нормально отзывается, Старков дает в целом нормальную характеристику, хотя и твои минусы примерно представляем. Тетку твою опрашивать даже не стали, все понятно с ней. Кроме того, Старков мне сказал, что от Ваньки вашего можно ожидать выкидонов, он возьмет и выбесит Красильникова, а с этим вашим придурковатым следаком и так сложно разговаривать, так что...

– С каким следаком? – удивился Алексей.

– А у вас там много придурков? Хотя да, тенденция на лицо, ваш нынешний начальник отдела тоже нечто. Но лично я в данном случае имел в виду Красильникова.

Алексей поперхнулся, прикидывая, что если собственная безопасность слушает этот разговор, то частное мнение о своих профессиональных качествах Красильникову любезно сообщат. Слово прочитав эти мысли, Ежов сказал:

– Допустим, доложат ему про придурка, дальше что? Это может у вас там до фигу желающих бумажки перекладывать в кабинетах с места на место, да на кнопки тыкать, а по городу носиться и землю рыть, да еще при совершенно ненормированном графике, думаешь много любителей?

– Ясно, ситуацию примерно понял, – произнес Алексей. – Сколько у меня времени на раздумья?

– Нифига ты не понял. Минуты две примерно есть, – ответил Ежов, отчего Алексей даже хмыкнул в трубку. – Тебе засечь время?

– Не надо. Куда подойти?

– Давай сначала ко мне, быстренько твой рапорт на перевод проведем с нашей стороны. Потом ты пойдешь к Красильникову сначала сам. Если он не подпишет перевод, то уже будем разговаривать на уровне начальников.

– Хорошо. Сдаю смену и подхожу.

– Это самое. Ивана не трогай, ему не до тебя сейчас будет.

– Я вас понял, – ответил Алексей уже гудкам в трубке.

Иван действительно вернулся хмурым, как-то странно покосился на Алексея, но ничего не сказал, а быстро засобирался домой.

Алексей тоже засобирался, но отправился не на выход вместе с Иваном, а в центральный корпус комплекса зданий на Петровке, в вотчину МУРа, бросив коротко «к Пашке забегу», на что Иван только рассеяно кивнул. Найти кабинет Ежова оказалось не трудно. Алексей собрался с мыслями и постучался.

– Заходи давай быстрее, – бесцеремонно донеслось из-за дверей.

Он вошел в кабинет, сел на предложенный стул, после чего Ежов вручил ему лист с распечатанным текстом рапорта на перевод от имени Алексея и уже наложенными резолюциями о согласии со стороны начальника МУРа. На рапорте не хватало только его подписи, и согласия Красильникова.

– Ничего себе, – удивился Алексей.

– Ты давай, воду не мути, расписывайся за себя. А то за такую самодеятельность нас по головке не погладят, если вдруг

всплывет.

– Уже не всплывет, – сказал Алексей, ставя свой автограф, – А что за спешка такая?

– Трансферное окно закрывается... – задумчиво отозвался Ежов.

– Чего? При чем тут футбол?

Алексей Михайлович улыбнулся, посмотрел на Алексея, и сказал:

– Приказ о прекращении всех переводов без особого разрешения будет передан по подразделениям сегодня после обеда. Реструктуризация штатов в рамках реформы. Подписал?

– Ага.

– Топай к Красильникову.

– Напрямую?

– А что тебе терять? Давай быстрее, пока утро, туда–сюда, он еще не раскачался и у себя за столом кофеи гоняет.

– Понятно. Наверно вы правы. Так я пойду?

– Пулей! Меня в курсе держи.

Красильников действительно был на месте, и действительно пил кофе, в чем удостоверился Алексей, когда тот дал согласие секретарше впустить визитера по личному вопросу вне очереди, без предварительной записи. Пребывал он в добродушном настроении, и, увидев вошедшего Алексея, даже заулыбался и указал ему на стул.

– Рассказывай давай, что у тебя стряслось.

– Юрий Львович, – начал смущенно Алексей, – помнится, вы обещали некоторое содействие моему карьерному росту...

– Ага, было такое, – бодро отозвался начальник, – вот как раз тебе пора смену возглавить, что скажешь?

– Понимаете, Юрий Львович, после службы в Чечне теперешняя служба в информационном центре кажется мне монотонной и скучной.

– Понимаю, прекрасно понимаю. Ты же знаешь, 80% рабочего времени это работа с бумагами в нашей системе. Сейчас компьютер хоть помогает, да. В этом вопросе я тебе помочь не могу ничем, к сожалению...

– Я нашел для себя более увлекательную возможность продолжения службы в другом подразделении. Там меня готовы взять.

– Чернов, ты что, перевода хочешь? Куда? – нахмурившись, уставился на него Красильников.

– Да. Вот рапорт. Вы обещали посодействовать.

Красильников поморщился, оценивающе взглянул на Алексея, еще немного подумал о перспективах потери сотрудника, но сделал какие-то свои выводы и сказал:

– Хорошо. Раз обещал, значит сделаю. Хотя жаль тебя отпускать... Ладно. Давай рапорт.

Алексей придвинул лист бумаги к начальнику, тот пробежался по первым нескольким строкам, затем воскликнул:

– В МУР?! Чернов, ты в своем уме? Хорошо подумал?

Что ты там забыл?

– Более интересную работу с людьми, – равнодушно ответил Алексей.

– Ты же вообще этой работы не знаешь!

– Обещали научить, да и в Чечне я получил некоторые оперативные навыки.

На этот раз Красильников одарил Алексея продолжительным взглядом с явно читающимся скепсисом и разочарованием.

– Хорошо, хрен с тобой, – сказал он уже спокойней, отмечая на рапорте свое согласие. – Все–таки, Чернов, как ты был идиотом, так им и остался.

– Разрешите идти? – спросил Алексей, пропустив колкость мимо ушей и осторожно притягивая рапорт назад к себе.

– Следующую смену прикроешь Рябова, ему немного не до работы сейчас. А потом можешь валить в свой МУР. Свободен.

– Слушаюсь, – отозвался Алексей и отправился на выход из кабинета в обратный путь. К своему будущему начальнику.

Начинался новый этап его жизни. И впервые это был его осознанный выбор.

– Скучно, блин... – произнес Алексей, затем и вовсе зевнул.

– А ты что думал, оперативная работа это стрелялки и догонялки постоянные? – ответил ему Павел, впрочем, примерно в точно такой же тональности и тоже зевая. – Если до суеты дошло, то это скорее говорит о плохом качестве нашей работы. Спокойно, Леха. Мы работаем.

– Сидеть и ничего не делать, это значит работаем?

– Мы наблюдаем...

– А–а–а, вон оно как! – усмехнулся Алексей.

– Хорошо, убедил, – ответил Павел, доставая из кармана сторублевую купюру. – Сходи за пивком. Мне. А ты за рулем!

– Вот это совсем другое дело! – обрадовался Алексей, забрал столик и, выйдя из своего «Пассата», принялся навскидку оценивать расположение ближайшей торговой точки.

– Туда, – отозвался Павел, высунул в окно руку с пассажирского сиденья и указывая пальцем куда–то вперед по ходу припаркованной машины.

– Ты, если что, справишься? – на всякий случай поинтересовался Алексей.

– Иди уже!

Вообще–то оставлять одного Павла один на один на слу-

чай потенциального задержания объекта наблюдения, было против всех правил. Однако наблюдали они уже три часа, за которые фигурант должен был сто раз вернуться домой, что, скорее всего, означало, что он пошел на другой адрес, где его ждали другие группы. Сентябрьское солнце, склонившееся к горизонту, и хоть уже не такое теплое, как всего месяц назад, но вполне себе еще припекающее через стекла автомобиля, да вид детей на площадке с молодыми мамами на скамейках, умиротворяли. Кроме того, фотография фигуранта, распечатанная на принтере и выданная Ежовом утром каждой из групп, отправляемой в разные точки Москвы, и повешенная теперь поверх навигатора, прикрепленного на присоску к лобовому стеклу, никак не выдавала в нем атлета. Тем не менее, Алексей старался обернуться побыстрее, в итоге потратив на это минут пятнадцать. Снова плюхнувшись на водительское сиденье и позвякивая бутылками в полиэтиленовом пакете с символикой торговой сети супермаркетов, он сразу же поинтересовался:

– Не приходил?

– И уже не придет, – даже с некоторым разочарованием ответил Павел, – взяли его наши на адресе любовницы. Мы свободны на сегодня. Все.

– Блин, – скорчил физиономию Алексей, – это что получается? Опять по живому человеку не постреляем...

– Дурак, – улыбнувшись, совершенно беззлобно прокомментировал Павел. – Сколько пива–то взял?

– По паре бутылок.

– И себе? Наглеешь...

– Да что нам будет с литры пива на рыло? Машину, если ты настаиваешь, я где-нибудь брошу.

– На голодный желудок? Со стволами за пазухой и нажраться? А чего, по пустым бутылкам постреляем потом, нормально!

– Почему сразу нажраться? Я взял рыбку на закусь! – оправдывался Алексей, но тут же сменил стратегию: – Слушай, Пашка, раз такое дело, давай доедим до меня, тут не далеко, я брошу машину, спокойно попьем пива примерно в таком же дворе, – он указал рукой на детскую площадку, с которой уже потихоньку начали расходиться. – Пока доедим, там уже никого не будет, детей смущать не придется, не волнуйся.

Павел задумался, рассматривая это предложение, Алексей же продолжил агитацию:

– Соглашайся, и мы выпьем только по паре вкусного, прохладного, ароматного пива, да под рыбку, и сразу разбежимся!

– Ладно, уговорил, провокатор! – отозвался, наконец, Павел, убирая с лица строгую маску недовольства. – Но только по паре. Жена ждет.

– Зуб даю! – отозвался повеселевший Алексей, заводя машину.

За те два месяца, что Алексей работал в МУРе, он чаще

всего оказывался в компании с Павлом, выполнявшим роль наставника и обучавшего его основам оперативной работы. Вполне естественно, что он не мог с места в карьер начать выполнять персональный план по раскрытиям, так как по заведенной с советских времен плановой системой такие задачи ставились перед каждым сотрудником. И не важно, что ты толком еще и не знаешь как и что, раз занимаешь должность, значит, будь любезен соответствовать. Задачи для оперативников по штату суммировались, превращаясь в план на конкретный отдел, по которому оценивалась эффективность работы. Потом аналогичным образом уже в масштабах управления, затем района, и так далее, пока все это не упрутся в потолок в виде страны в целом.

А на практике это приводило к тому, что эти требования, мягко говоря, не соответствовали реальной картине. Роботы—полицейские, умеющие все и сразу, водились только в кино. В жизни все было совсем иначе. У кого—то лучше получалась бумажная работа, у кого—то аналитика, или проще говоря, человек головой работать умел лучше других, кто—то без проблем залезал в душу к нужному собеседнику, обрастая штатом информаторов, а кто—то выполнял силовые функции. Естественно, что хотя бы по чуть—чуть каждый владел познаниями во всех этих областях. Но если каждого озадачить именно тем, что у него получается лучше, то... Реальная эффективность работы отдела определялась в первую очередь правильной расстановкой акцентов, ко-

торой занимался Ежов, или Михалыч, как его уважительно звали сотрудники. Такой подход работы пока еще сохранился в МУРе, а вот порядки в районных отделах с большей текучкой кадров и более приземленными задачами приводили к обособлению оперативников.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что пришедший из информационного центра Алексей был посажен первым делом за компьютер, и закономерно стал тут же лучшим в общении с базами данных. Увидев полное соответствие из ассортимента различных интерфейсов со своим предыдущим местом работы, он сильно удивился.

– Паша, а зачем вам вообще в информационный центр обращаться? – спросил Алексей, когда впервые сел за компьютер в кабинете оперативников. – Тут все абсолютно то же самое!

– Не вам, Леха, теперь нам. И тебе в том числе. Но вот ты знаешь к кому там подойти, потратить минимум времени, и тебе не откажут.

– Это да, – закивал Алексей. – Только я не понимаю, зачем? Вот же все!

– Главная же причина в том, что информацию именно положено запрашивать в информационном центре. Официальный источник. К делу можно подшить. То, что ты видишь, неофициальный доступ. Помогает перерывать горы информации, на которую если ее всю официально запрашивать, опухнешь бумагу изводить. Относительно недавно получили

такую возможность, когда кое-кого из твоих бывших начальников прижали, и сказали, давай сюды, иначе закроется твоя лавочка вместе с тобой. Сами, кстати, стали очень лимитировано свою информацию заливать в базы, раз ее раздавать стали налево и направо. А то уже было, человек узнавал, что находится в нашей разработке, и, не дожидаясь нашего визита, ноги в руки, и ищи–свищи его.

– Я правильно понял, что практической пользы информационный центр не дает?

– В принципе, – Павел улыбнулся, – практически никакой пользы, ты прав. У нас все есть.

– Понятно. Но видимо есть еще какие–то причины?

– Видишь ли, кесарю кесарево, а мы тут далеко не компьютерщики. Некоторые из наших к компьютеру подойти боются, не то что в базах данных копаться. Конечно, не все так безнадежны в этом плане. Но есть ощущение, что стандарты ведения баз данных в этой структуре, – Павел ткнул пальцем в настенный календарь с символикой милиции, – отсутствуют напрочь. Это примерно как дорожники, которые лепят заплатки на ямы, когда надо бы уже просто всю дорогу закатывать асфальтом заново. Вот ты, если проводить аналогию, знаешь каждую заплатку. Мы – нет. Короче, это будет одна из твоих задач, ты как раз опыт общения с информацией имеешь. А мы будем меньше времени терять.

– А еще какие задачи моими будут?

– Тебе силовые сам Бог велел ставить! Но ты не расслаб-

ляйся. Бумажек на тебя тоже хватит.

– Это понятно. Куда же без бумажек в нашем деле?

Естественно, силовые задачи нравились Алексею куда больше, чем сидеть в кабинете с бумажками, однако пока выйдешь на подозреваемого, перелопатишь кучу материала, напишешь еще одну кучу бумаг в дело, успеешь несколько раз возненавидеть компьютер... И это все при том, что пока Алексей только помогал, самостоятельно ничего еще не вел. Но в будущее посматривал с некоторой опаской, а справится ли?

В этот раз продемонстрировать свои навыки не пришлось. Запарковав машину возле дома Алексея, два товарища побрели в сторону лавочки на опустевшей уже детской площадке, позвякивая бутылками в пакете. Однако Алексея вдруг окликнули:

– Леша! Чернов!

Он и Павел обернулись, и Алексей узнал соседку, своего бывшего опекуна, мать Миши Куприянова:

– А, Лидия Павловна, здравствуйте.

– Здравствуй, Леша. Ты же вроде милиционер теперь, да?

– Ага, – кивнул Алексей. – Давно уже.

– Да еще, люди говорят, с Петровки?

– Гражданка, – вмешался Павел вежливым, но настойчивым тоном, – а вас не затруднит ближе к сути вопроса? А то мы несколько заняты...

– Да-да, конечно. Леша, ты можешь снова отправить в

тюрьму Мишу?

– Чего?! – Алексей чуть не поперхнулся. – Вы хотите, что бы я отправил в тюрьму вашего сына?

Услышав про сына, Павел удивленно вскинул брови вверх, оценивая рассматривая подошедшую женщину, явно подозревая ее сомнительное душевное состояние, но любопытство все же пересилило, и он спросил:

– А за что его сажать?

– Как за что? – теперь уже удивилась Лидия Павловна. – Он же наркоман. Он наркотики варит.

– Где?! – теперь уже удивился Павел.

– У себя в комнате. Да вон Леша знает.

Павел вопросительно-удивленно уставился на Алексея, тот же поспешил уточнить:

– Про то, что он варит наркотики, лично я не знал.

– Так что же еще можно варить на электрической плитке из растворителя или ацетона, закрывшись у себя в комнате? Я же на скорой побывала в таких домах, видела достаточно, контингент мне известен. Хотите сами зайдите, понюхайте. Все пропахло.

– Нет, спасибо, – сразу отказался Павел, – но почему вы хотите его в тюрьму отправить?

– А куда ж его еще-то? – обреченно ответила женщина, вскинув руки.

– В клинику для наркоманов, – вынес предложение Алексей.

– Ага, в клинику... Я договаривалась, но он оттуда уходит. Не хочет он лечиться. Клянется, божится, и уходит через несколько дней. Уже дважды собирала деньги на курс лечения. Только что толку? Что ж его, силой заставишь там сидеть? Нельзя, врачи его держать не могут, не имеют права. Нет у нас больше принудительного лечения. В тюрьме он хотя бы не сможет принимать эту отраву.

– Интересная логика, – задумчиво сказал Павел, – но вы понимаете, что это не курорт, мягко говоря?

– Конечно, понимаю, только здесь он себя убивает! Полгода–год максимум. Я же все же медицинский работник, я это тоже понимаю... А когда там сидел, так отошел, порозовел, поправился...

Повисла пауза. Двое оперативников с удивлением посматривали друг на друга, иногда пожимая плечами, пытаясь перекинуть инициативу разговора друг на друга. Уж очень своеобразной была просьба. Лидия Павловна не выдержала первой, и сказала:

– Так как, ребята? Я же даже не знаю, куда мне еще идти. Или может заплатить надо? Так я...

– Нет, платить нам точно не надо, – отрезал Алексей.

– Гражданка, – начал собравшийся Павел, – вам следует обратиться в наркоконтроль. Это их профиль. У нас уголовка.

– Так обращалась! Только они не хотят принимать мое заявление. Говорят, что употребление не наказуемо.

– Отфутболивают, понятно, хотя формально правы... – стушевавшийся Павел снова бросил взгляд на Алексея, снова пожимая плечами и разводя руки в стороны: – Но мы все равно не можем его привлекать за наркотики. Даже если что-то докажем. Мы должны скидывать такой материал как раз в наркоконтроль.

– А им это не интересно, мелкая рыбешка, взять нечего... – заскрежетал зубами Алексей, подводя итог. Павел неохотно кивнул, соглашаясь с таким заключением.

– Алеша, ну вспомни, – Лидия Павловна аккуратно взяла Алексея за руку, – я же заботилась о тебе, как у тебя мамка-то умерла... Ты с Мишей дружил когда-то. Помоги ему, не мне...

Павел снова бросил вопросительный взгляд на Алексея, в свою очередь неохотно кивнувшего в ответ.

– Паш, а что мы можем в этой ситуации? – спросил Алексей. – Как можем... помочь?

Павлу этот расклад явно не нравился, но, поняв позицию товарища, все же начал рассуждать в нужном направлении:

– В принципе, он мелковат и для нас. Кражу ему впясть, наверное, можно. Он что-нибудь унес из квартиры?

– Он унес из квартиры все, что мог унести.

– Вот. Года три ему дадут, наверное... Но нужно ваше заявление. И гарантии, что вы его не заберете. Заявление я имею ввиду. А то мы начнем раскручивать дело, а вы... – Павел бросил взгляд на женщину, оценивая ее реакцию, и

решил не продолжать эту мысль. Однако женщина закивала, тогда он продолжил: – И надо с Михалычем согласовывать. А ему это не понравится совершенно.

Лидия Павловна хотела заговорить, но запнулась, потянулась за платком, и, вытирая слезы, срывающимся голосом произнесла:

– Хорошо, я напишу заявление.

– Тогда завтра ему, – Павел указал на Алексея, – наберите после обеда.

– Спасибо вам, тогда до завтра, – сказала женщина, шмыгая носом и все так же утирая платком слезы, отправилась в свой подъезд.

Через несколько минут, сидя на лавочке, Павел потянулся за второй бутылкой пива, произнося:

– Интересные у тебя опекуны. И контингент знакомых.

– Это, Паша, отголоски прежней жизни. – Заметив вопросительный взгляд, Алексей тут же добавил: – Не, ты не подумай, я к наркоте отношения не имел никогда. Бухал в ноль, это да, бывало...

Хотя это признание заставило Павла улыбнуться, продолжил он серьезным тоном:

– Хреновое дело связываться с наркоманами. С ними даже наркоконтроль вон не связывается. Хотя должен.

– Паша, я вроде как у нее немного в долгу. Надо помочь.

– Вот и объяснишь это завтра Ежову.

– А он пойдет на встречу?

– Отделу это дело, конечно, нахрен не нужно. Ну что там он унес? Технику, шмотки, и то, если новые, да все золотишко ее. Масштабы не наши. Похищенное, естественно, тоже уже ушло с концами, то есть прокуратура нам еще и мозг за это иметь будет, что не нашли. Вот такая перспектива. – Павел вздохнул. – Но, один раз, в виде исключения для своих, навстречу Михалыч пойдет всегда. Не каждый же день о таком просят...

– Если нужно, Старков попросит...

– Да нет, Лех, не нужно. Твоего слова достаточно будет. Ты нам время сэкономил еще в информационном центре, да и сейчас от работы не отлыниваешь. Тобой довольны.

– Правда?

– Ага. Только я тебе этого не говорил! – улыбнулся Павел.

– Не вопрос. Слышь, только этого Мишку – то, его же отпускать до суда нельзя, он же к матери домой придет. Его в СИЗО закрывать надо.

– Угу, это понятно, – кивнул Паша. – Решим как-нибудь и этот вопрос. А кто он тебе?

Алексей напряг память, вспоминая Мишу Куприянова. Не такого, когда он встретил его у подъезда с Юлей, а еще совсем молодого, нормального... Стало грустно, потому Алексей лишь уныло выдавил:

– Раньше он для меня вроде тебя был.

– В смысле? – не понял Павел.

– Наставник в нашей шумной дворовой тусовке. Только

потом он как–то резко вниз по наклонной. . .

– Наркота. . . Обычная история. Начал с героина, спустил все бабло, потом перешел на дешевые подручные средства. Так вот и бывает. Год–два, и все, полный привет. Конченный наркоман, ходячий труп. Ладно. Взять его я тебе помогу.

– Да что его брать. Она позвонит, приедем, скрутим и увезем.

– Учти. Оформлять его тебе.

Алексей заерзал на скамеечке, но все же спросил:

– Это обязательно?

– Обязательно. Заодно и поднатаскаешься в делопроизводстве. Я помогу. – Павел бросил взгляд на Алексея, и добавил: – Леха, наркоманы – они давно уже не люди. У них измененная психика. Он сегодня уже совсем не тот человек, которого ты знал когда–то. И не твой друг. Он за дозу мать родную продаст!

– Да я понимаю, но. . .

– Что но?

– Жалко как–то его. . . Ощущение на душе, как будто мы тут сговорились о гадости.

– Жалеть его уже поздно. – Павел, понимая, что этот разговор не очень приятен, решил сменить тему: – Ладно, на сегодня дела окончены, давай спокойно пивка шлепнем. Примем бальзама от душевных ран.

– Давай, – согласился Алексей. Послышались два приглушенных чпока, пробки от бутылок полетели в сторону. – Бум

здравы!

И два приятеля, стукнувшись для проформы бутылками, стали жадно поглощать пенный напиток.

На следующий день Алексей Михайлович Ежов был действительно не сильно рад просьбе Алексея. Но, как и предсказывал Павел, выслушав его доводы, все же дал зеленый свет.

И Алексей взялся за свое первое полноценное дело, которое при помощи Павла уже через месяц было отправлено в прокуратуру. К концу третьих суток, на которые по законодательству можно задерживать граждан без предъявления серьезных оснований для более длительного лишения свободы, Павел принес в комнату допросов шприц с небольшой дозой героина, лист и ручку, и честно отдал его, как и обещал, сразу после того, как Миша написал чистосердечное признание о краже личных вещей своей матери. Алексея чуть не стошнило от наблюдения за получившим заветный шприц Миши и последующих его поисков вены на исхудавшей, с какими-то небольшими многочисленными язвами, руке.

Терпеть все прелести наркоманской ломки от пребывания без наркотиков ему предстояло испытать в следственном изоляторе, где он ожидал второго суда в своей жизни, и где никто не горел желанием как-то ему помочь.

– Леха, отличная новость, наш отдел к коммунистам не задействуют. Это прекрасно!

– Паша, каким еще коммунистам? – не понял Алексей.

– Престарелым естественно. Годовщина Октября надвигается. Ты что, не в курсе? – усмехнулся Павел. – Вот еще, держи, – он протянул папку с ксерокопированными листами. – Не знаю, зачем тебе понадобился этот Блинов, но я одним глазом глянул, нет там криминала.

Алексей оживился, потянулся за папкой, хотя прогноз Павла не внушал оптимизма.

– Паш, это майор Блинов. – Заметив, что Павлу это ровным счетом ничего не сказало, он добавил: – Петя из информационного центра. Наш Петя.

– А, вон оно как, – Паша дотянулся до стула и поставил его рядом, присев за стол к Алексею. – Он что, бухал?

– Не больше нашего. И его финансовое положение вполне позволяло исключить покупки сомнительного спиртного.

– Ты знаешь, это не исключает вероятности нарваться на левое спиртное, – проговорил Павел, безошибочно доставая листы с заключением экспертизы из стопки и начиная их рассматривать.

– Смотрел подробно? – отреагировал Алексей на такую точность.

– Конечно. Я же должен знать, чем ты занимаешься. Будет у тебя полгода стажа хотя бы, тогда сам себе будешь представлен.

Алексей покосился на Павла, но спорить не стал, просто спросив:

– Раз читал, твое мнение?

– Глухарь. Чистейший. Вернее, несчастный случай. Кому глухари нужны.

– Да–да, они статистику раскрываемости портят, я в курсе. Но он же наш, понимаешь? Свой! Почему менты просто взяли и списали дело? Я этого не понимаю. Даже если есть минимальные шансы, эти шансы можно и нужно отработать!

– Экий ты отработыватель, я посмотрю на тебя когда тебя делами завалят, – взгляд Павла забежал по написанному, он явно размышлял, продолжать этот разговор, или нет.

– Договаривай уже, – вяло отреагировал Алексей, уже ожидая услышать что–то заведомо не хорошее.

– Свои... Посуди сам, есть районный ОВД. В нем каждый занят своим делом, территория поделена, есть источники доходов, информаторы. То есть, живут они там на «земле», и знают, этого не сажай, он информацию подкидывает, этого не трогай, он отстеживает процент, а этого, наоборот, прессовать при каждой возможности, он какой-то больно правильный. И не с кем не делится. И вот крутится район по своим правилам, живет в своей замкнутой системе. И тут появляется бравый опер Чернов, хватает за шиворот местного

спонсора, и в клетку сажает. Просто потому, что он бандит, и опер Чернов считает это правильным. И что они нам могут возразить, если МУР по статусу несколько повыше будет? Да ничего. Максимум, придут к тебе, и попросят, не лез бы ты в наши дела, дорогой друг Леха, особенно конкретно в этот вопрос, свои люди, сочтемся. А у Лехи, то есть тебя, план горит, и эта палка ему позарез как нужна для галочки раскрытий. Кроме того, он искренне не понимает, почему должен урку отпустить, и какого хрена они вообще с ним дружбу водят. И говорит он гонцу с «земли» что-нибудь очень плохое, на дверь указывает, и еще пинка для скорости выдает, – Павел усмехнулся, видимо очень живо представляя, как Алексей выставляет коллегу, пришедшего по такому вопросу. Затем подытожил: – Вот такие вот свои мы все в этой системе.

– Слушай, – ответил на это объяснение прилично озадаченный Алексей, – расклад я примерно понимаю. Но ведь так реально можно влезть в дела друг друга. Должен быть какой-то...

– ...механизм, исключаящий пересечения интересов? Он есть. Верней, был, поскольку полностью прогнил. Каждый разрабатываемый, каждый информатор, и вообще, каждый объект работы должен быть передан в базы данных. В информационный центр.

– Погоди, Паш, но вот с Куприяновым например, ты же мне сказал не сливать ничего, до тех пор, пока дело в суд не пошло. То есть, когда все уже закончено и с ним все ясно

уже было. Как так?

– Специально конечно. Вот они базы данных. Вот, – он указал пальцем на компьютер на столе Алексея. – И читают их теперь кто угодно. Опера из районного отдела еще своего кормильца любезно в известность поставят, кто и за что его пасет. Так что никто ничего действительно важного не сливает в базы. Уйдет информация. А оно нам надо?

– То есть, конфликты возникают, – закончил Алексей.

– Иногда, – кивнул Павел. – Может Мишаня твой в наркоконтроль постукивал, потому они его и не трогали. Мы этого не знаем. Угадай, кто остается в итоге победителем?

– Кто? Мы что–ли?

– Не всегда. Но с «землей» – конечно мы. Они маленькие, мы побольше.

– Ясно. То есть особо рыть причину смерти мента с Петровки они не будут.

– Конечно. Типа нам надо, так вперед. Только поскольку эпизод на их территории, такой специфический «глухарь» им, да и сам факт убийства для показателей не к чему. Совершенно.

– Значит, это можно не читать особо? – Алексей указал на папку бумаг.

– Леха, смотри сам: «Отпечатки пальцев на бутылке не обнаружены», – прочитал вслух Павел предложение из, казалось бы, снова наугад взятого листа из стопки. – Ты говорил, что бутылка ополовинена?

– Да. Сам видел.

– Появился бы ты там пораньше... Тут указано, что бутылка объемом литр. Так?

– Да, я тоже обратил внимания, что большая.

– Это значит, что выпито пол-литра водки. Даже если там было трое, сколько раз ее надо в руки взять, что бы столько разлить?

– Пять–шесть раз минимум.

– Так как без пальцев–то? Ты часто разливаешь водку в перчатках? Вот то–то и оно. Никак без пальцев. Да на стекле–то! Или у нас подвыпившие люди сильно за пальчиками следят, при несчастных случаях особенно? Когда криминалом и не пахнет?

– Значит что? – заинтересовался выводом Алексей. – Стерли?

– Ага. Или местные, или кто–то из собутыльников. Или эксперт не захотел ничего находить.

– Или сам Петя стер пальцы и пошел помирать к себе на кровать, как это следует из заключения...

– Да уж, – снова кивнул Павел. – Свидетелей нет, соседи ничего не видели. Чернов, ты не волшебник. Но ты эту папку в личный архив сунь. Иногда всплывает разная инфа, когда ее уже не ждешь. Если что попадется интересного, можно и поковырять. Но я бы не слишком сильно на это надеялся.

– Ладно. Спасибо, Паш. Просто как–то хреново себя ощущать бесполезным, – Алексей сгреб листы в папку и запих-

нул в сумку.

– Вообще–то, выносить документы запрещено... – начал Павел, но Алексей его тут же остановил:

– А ксерокопировать можно? – на что Паша только улыбнулся. – Давай что ли вернемся к нашим текущим баранам. Что ты там хотел в базах данных поковырять? – Павел сразу оживился, Алексей подвинул к себе клавиатуру.

Тем не менее, рабочий настрой куда–то ушел, мысли снова возвращались к Петру, словно служа ему неммым укором, он никак не выходил из головы, а ощущение полного бессилия в этом вопросе только разжигало чувство вины, хотя головой Алексей и понимал, что мало что может сделать. Но Павел заметил отсутствие инициативы и рассеянность у обычно энергичного Алексея, потому неожиданно предложил:

– Леха, один фиг дела не клеятся, давай до завтра отложим. Можем же мы, как все остальные белые люди, хоть иногда уходить домой в 18–00?

– Хорошо. Спасибо, Паш. Завтра обещаю исправиться.

– Да ладно. Я понимаю, ты с человеком пять лет отработал, и вдруг раз, и нет его больше. Но такова жизнь. Привыкай.

– Как к такому привыкнуть? – искренне удивился Алексей.

– Ты меня не понял. Привыкай к тому, что всем и каждому ты помочь не в состоянии. И воспринимай это как должное,

а не свой просчет. Иначе сгоришь.

– В смысле сторю?

– Морально. Выжжешь себя изнутри. Станешь пустым тупым бездушным роботом, – ответил Павел и нарочито улыбнулся.

Чернов вспомнил свое состояние в период службы в Чечне, о днях, предшествующих его отъезду, и был вынужден согласиться с Павлом. Он был близок к этой черте, за которой идет полное равнодушие и наплевательское отношение ко всему вокруг. Даже на себя. Но все же добавил свое фи:

– Забывать о том, что мы тоже кое–чего обязаны людям, и работаем с ними же, не следует.

– Это да, – отозвался посерьезневший Павел, – отключаться от реальности полностью тоже не следует. Нужна золотая середина.

– Паша, а как ты находишь эту середину?

– Мне проще. У меня жена психолог.

– Да, удобно.

– Я бы так не сказал, – живо отозвался Павел. – Во–первых, точка зрения медработников очень близка к точке зрения милиционеров, в отношении людей. Для тех и других это в первую очередь рабочий материал. Со временем, наш общий взгляд на жизнь, несколько своеобразный, как ты понимаешь, может быть передан детям, а этого не хотелось бы. Во–вторых, ее задолбало уже, с ее слов, мне «башню» править.

– Тебе «башню» править? – изумился Алексей. – Ты же сама рассудительность и спокойствие!

– Ничто не дается просто так, Леха. – Однако Павел тему явно решил закрыть, потому, снова с улыбкой, спросил: – Я на машине. Тебя подбросить? Чего снег месить–то...

– Было бы очень любезно с твоей стороны, – принял новую вводную Алексей. – А то моя немецкая лошадка изрядно хлебнула русских харчей, и вероятно получила расстройство... – Алексей не успел докончить фразу, потому что Павел откровенно засмеялся. – Ну что ты ржешь? Турбина накрылась, а это геморрой.

– Ага, ремонт в копеечку влетит, – отозвался Павел. Впрочем, добираться в вечерний час–пик из центра Москвы в так называемые окраинные спальные районы на машине по пробкам еще то удовольствие. Но обычно их ненормированный рабочий день заканчивался гораздо позже, когда улицы уже пустовали. Утром же народ в отдел подтягивался попозже, когда утренний час–пик уже спадал. Разумеется, если не требовалось обязательного присутствия раньше. Ежо-ва эта ситуация устраивала полностью, как любой нормальный начальник, он проповедовал принцип «сделал дело, гуляй смело». Причем где гуляй и сколько, сугубо твое личное дело, главное рабочий объем сделай вовремя. А уж объяснить, почему на рабочем месте отсутствует оперативник, никаких проблем не представляло. Работает человек, а вот вы со своими проверками...

Примерно через два часа Павел подвез Алексея к подъезду. Этот путь на метро занял бы минут сорок. Но в давке и духоте. Потому всякий, кто поездил на машине даже по пробкам, не сильно жаловал метро.

Два приятеля уже прощались, когда из подъезда, как ошпаренный, выскочил таджик в оранжевой униформе, вероятно дворник, и, увидев Алексея, прямым ходом помчался к нему, схватил его за руку, и начал что-то объяснять. Алексей в таджикском языке понимал чуть меньше, чем ничего, потому, особо не церемонясь, тряхнул дворника и рявкнул:

– По-русски говори! – Павел ухмыльнулся, с интересом наблюдая эту картину со стороны, однако таджика проняло. Сделав над собой усилие и собрав волю воедино, вспоминая русские слова, он произнес по слогам:

– У-би-ли. Там, – снова схватил Алексея за руку и потянул куда-то в подъезд. Моментально оценивший ситуацию Павел разом посерьезнел, заглушил двигатель и вышел из машины, захватив за пазуху монтировку из-под сиденья, двинулся следом за Алексеем. Оружие сегодня они и не получали даже.

– Леха, осторожней, мало ли что этот хрен задумал.

– Ага.

– Он тебя что, знает? К тебе полетел сразу.

– Не знаю... Они же одинаковые, на одно лицо. Видел я нескольких его братьев тут, работают. Может и его видел.

– Ясно.

Дворник—таджик привел их сначала к лифту, а потом на этаж, где проживала Лидия Павловна. На лестничной площадке у лифта стояло ведро с водой, рядом валялась швабра с намотанной тряпкой. Судя по влажным следам, дворник занимался влажной уборкой, двигаясь с верхних этажей вниз. Дверь в квартиру была приоткрыта, приглушенный свет пробивался внутрь. Именно туда и показывал пальцем азиат. Причем, категорически отказываясь двигаться дальше.

– Паша, это квартира Куприяновых!

– Леха, побудь тут с ним, а то сбежит, а я посмотрю, что там – сказал Павел, доставая монтировку.

– Паша, давай лучше я, – тут же возразил Алексей, – ну правда, у меня лучше получится, если что. Монтировку себе оставь.

Павел, посомневавшись, все же согласился и произнес:

– Хорошо. Ручки дверей не трогай руками!

Алексей толкнул входную дверь тыльной стороной ладони, проходя внутрь. В нос сразу же ударил резкий зловонно—кислотный запах, вдыхать эту смесь было неприятно. Зрение еще не привыкло к полумраку после лампы дневного света у лифта, потому Алексей нащупал выключатель в прихожей, что было совсем не сложно, учитывая, что по планировке эта квартира не отличалась ничем от его собственной этажом ниже. Вспыхнула чрезмерно яркая для такого помещения лампа, вкрученная в голый патрон, висящий на одних проводах, такие же лампы, причем иногда вместе с патрона-

ми, постоянно кто-то воровал из подъезда. Теперь понятно кто.

Прихожая была абсолютно пустая. То есть, вообще без мебели. Следы на полу от грязи и противоголедных реагентов, обычно оседающих на обувь белым налетом, виднелись на полу и вели в комнату, визитеры не слишком переживали по поводу чистоты. Алексей толкнул дверь в комнату, включил свет. Такой же патрон с лампой под потолком, возле одной из стен стоял старый, раздолбанный диван с пружинами, местами вылезшими из обшивки. И больше ничего, комната была совершенно пустой. Неприятный кислотный запах усилился, вероятно, где-то тут был его источник. Следы вели к дивану, у которого визитеры постояли, один из них присел, тут образовалась растаявшая грязная лужица. Сколько их было? Алексей внимательно посмотрел на следы. Двое. Нет, скорее трое.

– Все нормально? – донесся от двери голос Павла.

– Да, Паш, осмотрел прихожую и одну комнату, пусто. Иду на кухню.

На кухне картина сильно не отличалась от той, что Алексей уже увидел. Древняя грязная газовая плита в углу, в другом – старая растрескавшаяся мойка имела какой-то коричневый въевшийся налет, что такое моющие средства хозяева кухни не знали. Или знали, но не считали нужным их применять. У окна стоял трехногий стол, причем, что бы он все же стоял, его безногий угол был уперт в подоконник. Несколь-

ко обшарпанных табуреток, едва ли не деревянных, такие он видел в старых фильмах, правда, в гораздо лучшем состоянии. Алексей посмотрел на пол, высматривая следы. Нет, сюда давно никто не заходил. По крайней мере, в ботинках или сапогах прямым с улицы.

– Иду смотреть последнюю комнату, кухня пустая, – сказал Алексей, проходя мимо Паши, уже заглядывавшему в дверь и продолжающему держать за рукав таджика.

Однако, перед самой дверью, Алексей притормозил, немного опешив. Вместо обычной деревянной межкомнатной двери он увидел металлическую, такую же, какие ставят в качестве входных дверей. Она была приоткрыта.

– Что там, Леха? – подал голос Павел, видимо услышав, что Алексей замедлил ход.

– Здесь, хм... Металлическая дверь в комнату.

– Понятно, – отозвался Павел, заходя в квартиру, и затаскивая за собой таджика, теперь с ужасом в глазах указывающим рукой на дверь.

– Паш, чем так воняет? – спросил Алексей.

– Если говорить официальным языком, то вероятно здесь изготавливались наркотические вещества кустарным способом.

– «Крокодил» варили?

– Лех, вариантов чуть больше, чем до фига на самом деле. Я не большой эксперт в этом вопросе.

– А ты чего вдруг расслабился? – удивился Алексей, на-

блюдая, как его товарищ уже совершенно спокойно заглядывает в комнату.

– Картина примерно понятна. Если тут кто и был, они уже ушли.

– И что же я увижу за этой дверью? Кстати, зачем она тут такая, знаешь?

– В семьях, где живет наркоман, так его родственники от него иногда защищаются. Отделяются. В этой комнате живет его мать. Верней, жила.

– Ты хочешь сказать, что... – побледнел Алексей, понимая, куда клонит Павел.

– Надежда есть, но крайне слабая. Проверь.

Алексей распахнул дверь. Эта комната, в отличие от остальной квартиры, разительно отличалась в лучшую сторону. Во–первых, в ней была мебель. Вернее, даже много мебели, стенка вдоль стены, шкаф у другой, еще один, прямо поперек комнаты, поставленный торцом, потому отгораживающий половину пространства, с приставленными к его тыловой части двумя креслами. Мебель вызывала ощущение избыточности, но скорее всего, внесена она сюда вполне сознательно, что бы закрыть к ней доступ. То есть, что бы ее не унесли на реализацию другие обитатели. Во–вторых, за всем этим имуществом явно был виден уход, и даже дышалось здесь немного легче, запах химических реакций явно был чем–то приглушен, скорее всего, каким–то освежителем воздуха. Алексей прошел дальше, за шкаф. На полу, возле

кровати, раскинув руки, лежала Лидия Павловна с огромной раной на голове, уже запекшаяся кровь из нее образовало бурое пятно на полу. Алексей дотронулся до ее шеи. Она была уже холодная, ни о каком пульсе и речи быть не могло. Рядом валялась какая-то палка, похожая на ножку от стола, вероятно ей и бывшая, а теперь ставшая орудием убийства.

Алексей заскрежетал зубами, но постарался взять себя в руки. К черту эмоции, их надо оставить на потом.

Из коридора донеслась речь, это Павел ставил в известность дежурную часть. Или, наверное, пока еще даже не дежурную часть, а непосредственно Ежова. Они были первые на месте преступления, существовала вероятность раскрыть его по горячим следам. Хотя убийства не их профиль, но кому это будет интересно, если все выгорит? Все в копилку МУРа. Собственно, если чего выгорит, эту палку можно было выменять у убойнго отдела на что-нибудь по их профилю, и все довольны. Или можно было оставить весь «материал» разбираться местным стражам порядка, но это было никогда не поздно сделать.

Алексей осмотрелся. Кто же мог совершить это? Его взгляд упал на фотографию Миши, висящую на стене над столом, раннюю, еще до первого срока. Естественно, каждая мать будет стараться помнить только о хорошем, пусть и о прошлом, раз уж будущего нет. Но кем он стал... Вероятно это дело рук его друзей, теперь надо лишь отработать его связи. Эх, сюда бы компьютер... Конечно! Павел уже занялся

этим вопросом, дежурный от их отдела сейчас как раз должен начать копать в базах данных. Так, чем он еще может быть тут полезен?

Он подошел к столу. Его взгляд привлекла пачка листов с распечатанным текстом и заголовком: «Судебное решение об установлении административного надзора в отношении Куприянова...». Это что же получается, Мише дали условный срок? За несколько разных эпизодов краж?! Алексей пробежался дальше по тексту, выхватив сточку: «...районным судом по ч.3 ст.158, ч. 2 ст.158, УК РФ к 2 годам 8 месяцам лишения свободы с испытательным сроком на 1 год и 6 месяцев...»

Вот это да. Его не посадили. Как же так, ведь он ранее судим, и далеко не случайно что-то украл по глупости, что у них там, совсем у всех в суде крышу сорвало?! Алексей стал просматривать документ дальше:

«...находится на излечении с диагнозом диссеминированный туберкулез легких и ВИЧ-инфекция в стадии прогрессирования...» Да, нахватался Миша через иглу... «Исходя из установленного, Суд находит, что в настоящее время следует отказать ... до излечения осужденного...»

До излечения. То есть, никогда. Его отправили умирать домой. Все, он никому не интересен. По состоянию здоровья, его нельзя сажать. Не гуманно. Вот только прийти и сразу умереть он не стремился. Он пришел к матери, что бы выяснить, зачем она написала заявление. И рассчитаться за это.

Это, выходит, гуманно.

– Паша! – крикнул Алексей срывающимся голосом, отодрал фотографию Миши со стены с «мясом», и направившись к нему в коридор. – Куприянова не посадили. Он где-то здесь!

– Чего? Этого не может быть, – отозвался Паша, держа одной рукой трубку телефона у уха, второй продолжая таскать за собой таджика. – Михалыч, секунду...

Подошедший Алексей предъявил ему судебное решение, и теперь в свою очередь Павел пробежал по документу. Закончив, он заговорил в трубку:

– Так, новая вводная, есть фигурант. Леха, поддержи его, что бы не свалил.

– Давай, – ответил Алексей, принимая таджика. Затем сунул фотографию ему в нос: – знаешь его?

Таджик сначала мотнул головой, но присмотрелся, узнал ссохшегося наркомана, и резко закивал, бубня при этом свою тарабарщину.

– А может знаешь, где его найти? – добавил Алексей, особенно ни на что не надеясь. Но к его удивлению Таджик затрещал еще более активно, указывая рукой на стену за открытой дверью.

– Там же нет никого... – непонимающе проговорил Алексей, но Павел снова оторвался от трубки и произнес:

– Другой подъезд?

Таджик не просто кивал, а теперь уже тянул за рукав

Алексея на выход из квартиры.

– У Куприянова в связях друг есть, живет в соседнем подъезде, – коротко бросил Павел, снова принявшись слушать что-то в трубке, и лишь тут понял, что зря. Алексей толкнул вперед таджика, коротко рывкнув:

– Показывай. Хотя я и так примерно знаю эту квартиру, – и пошел быстрым шагом вслед за азиатом на выход, уже у лифта процедив сквозь зубы: – Убью суку!

Испуганный дворник ему перечить не пытался.

– Чернов, стой! Твою мать, вдвоем, без оружия – опасно! Жди, наши уже едут! Это приказ! – кричал Павел, к тому же понимая, что оставлять место преступления, тем более такого, нельзя. Но Алексей его не слушал, звук захлопнувшихся дверей лифта это только подтвердил. Поняв всю бесполезность криков, он только глубоко вздохнул, и продолжил разговор с начальником совершенно спокойным тоном: – Михалыч, если Чернов его там не грохнет, то у нас будет чистое раскрытие убийства. Да как я его остановлю? Если грохнет, что ж, значит, вместо плохого парня в тюрьму отправится хороший. А какие варианты? Как бы там ни было, вы там переводчика с таджикского языка пока найдите. Тряхнем управу, таджика найдем в любом случае, даже если он сейчас свалит, это не проблема... А что Куприянова? Ей уже все равно... Точно она, Чернов ее опознал. Хорошо, или не хорошо это, потом решим. Короче, гражданка Куприянова пусть уж в одиночестве подождет, с нее теперь

не убудет, я пошел следом, хрен ли мне остается тут делать. Так не бросать же его там одного! Вы тоже постарайтесь побыстрее, – закончил разговор Павел, особенно ни на что не надеясь. Группа поддержки в любом случае точно не успеет.

Между тем, дворник привел Алексея к квартире на третьем этаже соседнего подъезда, и испугано покосился на него.

– Пока свободен, жди на улице, – резко бросил Алексей.

Даже если таджик и не понял точного значения сказанного, он его почувствовал интуитивно и поспешил удалиться вниз по лестнице. Алексей осмотрел бегло дверь. Обычная, деревянная, открывается вовнутрь. Формальный замок а–ля восьмидесятые. Не долго думая, с небольшого разбега, Алексей ударил ногой в область замка. Не рассчитанная на такие нагрузки древесина не выдержала, дверь хрустнула, распахиваясь вовнутрь. В нос ударил резкий, зловонный кислотный запах, заслезились глаза, Алексей несколько раз чихнул, стараясь привыкнуть. Оказывается, в квартире Куприяновых концентрация этого запаха была еще приемлемой, если вообще считать его наличие нормальным. Навстречу к Алексею из единственной комнаты выглянул худой парень, равнодушно посмотрел на болтавшуюся на завесах дверь с вывернутым замком, и абсолютно буднично, немного гундосся, спросил:

– Ты чего хулиганишь? – и расплылся в улыбке.

– Ширнулись уже, твари! – взревел Алексей, лишь в по-

следний момент переориентировавший траекторию своего кулака с лица на грудь, просто опасаясь, что тот не переживет прямого в голову. Тем не менее, энергии удара для худого наркомана оказалось достаточно, что бы он отлетел назад в комнату, споткнулся о лежавшее на полу тело и упал на пол. Желания встать у него не возникло.

Алексей вошел следом в комнату, и осмотрелся. Два человека на ветхом диванчике. На полу, вдоль стены, лежало еще несколько тел. В различных позах, неопрятно одетые и все худые, бледные. У распахнутого на все возможные створки окна на древней табуретке стояла электрическая нагревательная плитка с кастрюлей на ней. Рядом валялись пустые бутылки надписью «Растворитель» на этикетках, ополовиненная бутылка с уксусной эссенцией, закопченная ложка, грязный кусок марли, пластиковая бутылка из-под газировки, отрезанная по горлышко, тоже со следами какого-то вещества на дне. И небольшой инсулиновый шприц с короткой иглой, явно использованный, со следами крови на поршне. Причем, других шприцов рядом видно не было, то есть вся компания скорее всего довольствовалась одним. Алексей заглянул в кастрюлю. В ней обнаружилась непонятная однородная масса коричневого цвета, с темными разводами на стенках. И именно она служила источником едкого запаха. Она же служила причиной распахнутого настежь окна, и всю эту компанию не останавливал даже легкий морозец на улице. Впрочем, естественной вентиляции явно было недоста-

точно.

Не церемонясь, Алексей принялся ногами переворачивать тела на спину, выскивая Мишу Куприянова. Наконец, перевернув очередное ватное тело, он увидел знакомые черты. За проведенные в изоляторе пару месяцев на казенных харчах, без инъекций всякой дряни и под худо–бедным, но все же присмотром врачей, Миша даже поправился. По крайней мере, выглядеть стал свежее, лучше чем в сентябре, когда они с Пашей его туда определили. Так что, какой бы странной не казалась изначально просьба Лидии Павловны, определенный смысл в ней все же был. Ему бы теперь в больницу, но...

Перед глазами снова встала картина с телом его матери на полу, и всю жалость как ветром сдуло. Алексей тяжело задышал, закипая, его наполнила злость, желание мести, он схватил левой рукой Мишу за свитер на груди, приподнял, притянул к себе, занес кулак для удара...

Болтающееся, совершенно безвольное ватное тело. Словно кукла. Не оказывающая никакого сопротивления. Мирно улыбающаяся чему–то там в своих наркоманских грезах. Алексей никогда в жизни не бил беззащитных. Потому засомневался и сейчас. Да и чего будет стоить его месть, если его противник просто не поймет что к чему?

– Давай, прибьешь ты его, и сам сядешь, – раздался голос Павла за спиной. – А он и так уже не жилец. Ходячий труп. И стоит он того?

Конечно, Павел был прав. И Алексей понимал это. Чувство безысходности накатывало лавиной, потому он отпустил тело Миши на пол, засадил своим кулачищем в стену так, что та зашаталось, и взревел в голос. А затем повернулся к Паше:

– Паша, – проговорил он, чуть слышно. – Это же мы убили ее. Понимаешь? Мы.

– Кого? – настороженно отозвался Павел.

– Маму его. Лидию Павловну. Когда его закрыли.

– Нет Леха, – спокойно, но с железными нотками в голосе, ответил Павел. – Не мы.

– А кто? Ведь убивает не только тот, кто ножку от стола в руки взял. Но еще и тот, кто надоумил...

– Послушай меня. Его не мы надоумили. Он сам так решил. А она умерла не из-за нас. А из-за системы в целом.

– Что ты имеешь в виду? – с раздражением отозвался Алексей. – Какая, на хрен, система?

– Наша. Судебно-исполнительная. Ты же сам прочитал, у него СПИД. И еще целый букет не менее интересных болезней в придачу. Да у них у всех наверняка, – Павел обвел взглядом всех наркоманов, – так что ты руки помыть не забудь. Я вон там только один шприц наблюдаю, ты тоже? Но мы об этом не знали же изначально?

– При чем здесь это?

– Да при том, Леха. В изоляторе у него взяли анализы. Выявили ВИЧ. И эта информация легла на стол судьбе. В виде

заклучения о его медицинском состоянии.

– И что? – Алексей продолжал не понимать, куда ведет мысль его товарищ.

– Никому смертность на зоне не нужна. Там тоже показатели. Ему выписали условное, вроде и наказали, и гуманно поступили. Дело в архив, все довольны. А его отправили подышать домой.

– Но как же? Они же отправили его назад, под одну крышу к потерпевшей! К заявителю то есть! Очевидно же, что... – Алексей запнулся, что толку было продолжать? Да и его товарищ прекрасно все понимал.

Павел вздохнул, подошел к Алексею, положил руку ему на плечо. Затем произнес:

– Просто есть люди, которым цифра на бумаге гораздо важнее человеческой жизни. Ее убили не мы, поверь. И смиришься. Мы не можем ничего изменить. Ни здесь, ни там. Пошли отсюда.

Алексей послушно побрел за увлекающим его на выход Павлом, бросил взгляд назад.

– А они? – спросил он Павла.

– Куда они денутся? Уйдут что ли? Наши уже едут, сгребут всех.

– А что толку, его же опять отпустят...

– Если убил он, то... За убийство уже не отпустят. Кроме того на нем условное, которое он нарушил. Однозначно социально опасен. Поедет в Сибирь, там и закопают.

– А если не он?

– Значит убийство в группе по предварительному сговору. У него мотив есть, да такой, что не отвертишься. Скорее остальных отпустят, чем его.

– Понятно...

– Пошли–ка к машине, у меня там аптечка, ты вон руку разбил, кровь сочится. Йодом смажу.

– Да ладно, – отмахнулся Алексей, – царапина же.

– Не спорь, надо. Царапина–то царапиной, только в этом рассаднике еще не хватало какую бытовую болезнь подцепить, а потом перед женой объясняться.

– Нет у меня жены, ты же знаешь.

– Какие твои годы. Успеешь еще. Если умней будешь.

Алексей усмехнулся, Павел, подбадривая, похлопал его по плечу. Однако, едва они вышли из подъезда, сверху из окна раздался крик:

– Товарищи милиционеры, держите их! Это они, наркоманы чертовы!

Алексей с Павлом обернулись, дружно посмотрев вверх на источник голоса. В окне третьего этажа, если судить по планировке, то из соседней со «злачной» квартиры, практически по пояс торчала седовласая бабулька и указывала на них пальцем.

– Не понял, это она о нас что ли? – спросил Алексей.

– Ты там вроде дверь вынес, и даже не извинился, – усмехнулся Павел.

– Перед кем там извиняться-то?

– Тоже верно.

– Так, стоп. А каким она милиционерам тогда орет?

– Кстати да...

– Так, вы двое, задержитесь! – раздалось откуда-то с боку.

Алексей посмотрел по сторонам. За машиной Павла, которую он бросил у подъезда, стоял милицейская «десятка», вот, оказывается, каким милиционерам кричала бабулька, пользуясь лучшим обзором. Действительно, пришли, сломали дверь, чуть не проломил стену... Что ей думать?

К ним навстречу выдвинулись два милиционера, заметив окровавленную руку Алексея и монтировку в руках Павла, один из них потянулся за «Калашниковым», переведя его в район своего внушительного пуза, второй же повысил голос:

– Стоять на месте! Железяку положи.

– Московский уголовный розыск, старший опер Игнатов, опер Чернов, – Павел кивнул в сторону Алексея. – Я ксиву достану?

– Давай, только медленно!

– Ты чего, фильмов насмотрелся что-ли? – не выдержал Алексей. – Хотели бы положить вас, уже бы положили!

– Леха, не обостряй, – произнес спокойно Павел, открывая удостоверение.

– И что же привело в наши края бравых, – изучивший удостоверение милиционер сделал ударение на этом слове, косясь на Алексея, – оперов МУРа?

– У вас тут на третьем этаже проблемная квартирка, – продолжил Павел.

– Притон что ли? Да, знаем такую.

– А если знаете, что спрашиваете?

– Работа у нас такая, спрашивать. Вы свои проблемы решили? Так мы можем помочь, коли что.

– Да валили бы вы уж отсюда, – не выдержал Алексей. – Это теперь наша проблема, раз вы знаете, а ни хрена не делаете!

– Опа, какие мы правильные. Ну и не очень–то и хотелось вам помогать. Поехали, Коля, отсюда.

Коля, отправив автомат назад на бок, не говоря ни слова, запыхтев, отправился вслед за своим напарником назад в патрульную машину. Заработал двигатель, машина взвизгнула резиной, беря резкий старт и уезжая из двора. Сверху бабулька захлопнула окно, оставшись разочарованной без продолжения зрелища.

– А ты говоришь свои, – подвел итог интеллигентной беседы Павел.

– Каждый сам за себя, – уныло согласился Алексей.

– Так это ж и твой дом. Ты про притон не знал что ли?

– Слышал что–то, но как–то...

– Что Леха, тебя не трогают, и ты не трогаешь?

– Ну... Примерно так.

– Вот то–то и оно. И так все. Ладно. Ничего, наши сейчас уже будут. Пошли руку тебе все же обработаю. О, смотри, не

смылся, – Павел указал на таджика. – Надо же, какой сознательный.

– Он просто еще не знает, сколько времени ему это будет стоить...

Павлу оставалось только молча согласиться.

– Слушай, а Наталья не сильно против? – поинтересовался Алексей.

– Моя жена мне официально разрешает раз в месяц упиваться хоть в ноль. Но дома.

– Ого! Соображает твоя жена!

– За то и люблю! – добродушно отозвался Павел, приобнимая за талию одной рукой стоящую рядом супругу.

– Но я не сильно это одобряю, не забывайте, – подала она голос. – Все хорошо в меру. Просто знаю, если запрещать, будет только хуже. Ладно, не буду вам мешать. Пойду, в Интернете покопаюсь.

Павел с Алексеем остались вдвоем за столом на кухне, где, к полнейшему удивлению Алексея, жена Павла, Наталья, помимо выданной бутылки водки, еще и организовала закуску, причем не абы чего, а полноценный салат с горячим, да еще и не пожалела банку огурцов.

Павел чуть ли не насильно потащил к себе Алексея после разговора с Ежовым. Хотя Алексей и не сильно возражал, но

удивился, когда тот в приказном порядке попросил их вдвоем удалиться, заявив, что подъехавшая группа сама «добьет» это дело. Теперь же он понял, что это просто часть воспитательной программы. Потому он решил спросить в лоб:

– Паш, долго меня еще воспитывать будешь и возиться со мной?

– Больше не буду.

– То есть?

– Считай, что сегодня ты стал настоящим оперативником.

– Правда? – удивился Алексей. – Да мне до тебя, как до Луны.

– Это все придет с опытом. У тебя все есть. Дальше сам.

– Что, больше не будешь помогать? – подмигнул Алексей.

– Буду, конечно, куда я денусь, – вздохнул Павел, но затем улыбнулся и добавил: – А ты мне.

– Это само собой. А с чего ты вдруг сделал такие выводы?

– Понимаешь... Сам ведь знаешь, работа у нас своеобразная. Она меняет людей, да не в лучшую сторону часто. Так, что многие себя начинают считать выше других. Выше людей.

– Да–да, кругом мелкие, никчемные людишки, – съехидничал Алексей.

– Не ерничай. Я серьезно. Для тебя люди не просто материал. Это хорошо, значит ты нормальный человек. Сегодня ты не смог свернуть шею конченому наркоману.

– Ты же меня остановил... – сразу посерьезнел Алексей.

– Нет, ты сам остановился, я же видел. Я лишь немного подтолкнул тебя к этому решению. Иначе ты бы тряс его еще долго и упорно. Или я не прав?

– Прав... Ты знаешь, я ведь с детства так и живу. Бью морду только тем, кто границы преступает. И то, что бы не калечить, а в рамки дозволенного вернуть.

– Это заметила твоя тетка, и отправила туда, где твоим навыкам самое место. И где они еще раскроются во всей красе.

– Вы и это знаете?

Павел замолчал. Он молча улыбался, поглядывая на Алексея. Затем заговорил:

– Ты знаешь, Старков еще лет пять назад пришел к Ежову, и говорит, идеальный опер. Только не отесанный и молодой еще совсем. А Старков—то толк в этом знает. Он же сам из оперов. Правда, в один прекрасный момент наелся по уши, приперся к твоей тетке, и сказал, что не может и не хочет больше. Это, к слову, всех нас ждет, рано или поздно. Ну а та его сначала старшим смены определила, вакансия была, тем более что мужик, а там одни бабы, с ними тяжело, особенно когда их много, да и он оказался способным, еще и с руководящими навыками, и дорос до начальника.

– Интересно... Откуда только Старков прознал про мою тетку?

– Про нее знал Ежов, а Ежов знал его.

– То есть, свои люди все же есть? – усмехнулся Алексей.

– А то! Только их мало что—то становится.

– Понятно. И меня решили поддержать некоторое время в информационном центре?

– Вроде того. А я на тебя посматривал. Время от времени.

– Это что же, вы меня разрабатывали?

– В некотором роде, да, – улыбнулся Павел. – Не, насильно тебя никто никуда тащить не собирался, ты не подумай.

Алексей нахмурился, как-то не очень хотелось себя ощущать пешкой в чужой игре. Но приходилось. Потому он решился на провокационный вопрос:

– Слушай, а если б я Мишу сегодня того...

– Это было бы крайне печально, и означало бы, что в тебе ошиблись.

– И на нары...

– Нет. Зачем? Лишнее это совершенно для данного расклада.

– Как это лишнее? Это же убийство было бы! На ментов что, законы не распространяются?

– Распространяются. Только кто бы это видел? Я? Оно мне надо тебя сажать? А что там нарки под кайфом словили и как их приглючило? Никто бы и не рыл, среди них крайнего бы и откопали.

– Ты же только что говорил, нельзя ставить себя выше? Что-то я потерял логику...

– Леха, ты не живодер. Грохнул бы его только на эмоциях. Но у тебя есть совесть, которая сожрала бы тебя с концами потом. Даже из-за этого куска говна, поверь. Естественно,

таким разобранным ты в отделе бы уже не пригодился, рано или поздно тебя бы сорвало во все тяжкие. Так что тебе бы пришлось уйти, причем сразу. А что там дальше, да Бог тебе судья. Я рад, что этого не произошло. И уверен, что впредь ты будешь держать себя в руках. Давай выпьем.

Они выпили по рюмке, закусили.

– Ну что, полегчало на душе? – спросил Павел.

– Да все равно гадко на душе, если честно, – отозвался Алексей, хотя от накрывшего чувства безысходности уже не осталось и следа. – Наркоманы эти... Мерзко как-то. Да и Лидию Павловну жалко...

– Если тебя интересует мое мнение, то в этом вопросе я за китайский вариант решения проблемы. Они не люди. Выше них можно себя ставить совершенно спокойно. Но на законодательном уровне.

– Это какой же такой вариант?

– Очень простой и крайне эффективный. Они всех наркоманов к стенке ставят. И нет проблемы. – Заметив удивленный взгляд Алексея, Павел добавил: – Я вполне серьезно.

– Но это...

– Что? Не гуманно?

Алексей промолчал. Пример результата гуманности он сегодня уже видел.

– Понимаешь, Леха, – продолжил Павел, – у нас нет больше принудительного лечения, как в советское время. Да и толку от него было, по статистике примерно 1% излечений.

Кстати, в платных клинках нынешних то же самое. Ну ладно, пусть даже 5. В пределах погрешности. И то, завязавший наркоман становится бывшим только в могиле. Мы вон курить с тобой бросить не можем, а там зависимость покруче будет. А как бросившие курить реагируют на другого курящего? Который еще ласково сигаретку предложит и скажет, что хорош уже мучится, давай, за компанию подымим. А? На долго силы воли хватит? Вот то–то и оно...

– Но расстреливать?..

– Посмотри на запад, вон в Канаде наркам герыч так дают, в одноразовых шприцах, медицинского производства. Итог – еще большее вовлечение. Правда, у нас вообще, если посмотреть правде в глаза, наркоманы это сугубо личная проблема населения.

– Как так? – удивился Алексей.

– А кого? Употребление не наказуемо. Лечения ни доступного всем, ни принудительного нет. Посадить их по другой статье, проблема, ты видел. Изолировать – никак. Куда их отправляют? По месту прописки. И нифига с ними родственники сделать не могут, потому что напишет он заяву, типа меня из дома выгнали, больного несчастного, а это, при желании, на статью тянет. Вот и будут твои дети, – Павел ткнул пальцем в грудь Алексея, – ездить с ними в одном лифте, держаться за одни и те же поручни, нажимать на одни и те же кнопки и говорить в один домофон, цепляя всякую дрянь. Не ВИЧ, конечно, но там и другого хватает. А дальше они

сбиваются в кучки, ширяются по кругу одним шприцом, извини, трахаются друг с дружкой, еще и детей—уродов плода, от осинки—то не родятся апельсинки. А самое интересное, когда у них кости гнить от того говна, что они по венам гонят, начинают, ручки—ножки им врачи отрезают, и они становятся кем?

— Кем? — испугано отозвался Алексей, но Павел уже вошел в раж и эмоционально продолжал:

— Инвалидами! С пенсией от государства, разумеется. Большую, чем у наших стариков, кстати, всю жизнь отпахавших. Которую, естественно, ежемесячно прокалывают. А ты знаешь, сколько стоит противовирусная терапия от СПИДа? Мне вон Наталья рассказала. Минимум от штуки баксов в месяц на одного, чаще больше, это же индивидуально подбирают. За какие заслуги это им? Многие ни дня не работали! Налоги из твоей и моей зарплаты идут, в том числе, и на это.

— Все равно, Паша, люди же они...

— А вот это большой вопрос, Леха. Когда у них ломка, они же на улицу идут, дома—то пусто, все вынесено давно и продано. А поскольку самидохлые и обессилившие, вариант что—то добыть у них один. Заехать объекту охоты так, что бы тот не встал и не навалял в ответ. Чем-нибудь потяжелей, сзади обычно, по голове. Ты же сводки по городу читал, ежедневно такое творится. Иной раз читаешь, и реально охреневаешь, кем надо быть, что бы такое сделать? И это только от сухого официального языка, что же там за картина в реаль-

ности? А даже если возьмешь кого... Как ты понял, стране дороговато обходятся больные зеки! Их же лечить надо, а это расходы. Я, в общем—то, в твоём случае тоже тогда напрягся сразу, но думал, может обойдется. Я диагнозы ставить не умею, а у него ничего изначально в медицинской карте не было. Я проверил.

— Чего ж ты мне—то не рассказал?

— Леха, человек так устроен, что пока сам не столкнется нос к носу с проблемой, не поймет ее до конца. Вот и люди рассуждают примерно так: «Наркоманы? Их лечить надо. Больные люди». И все. Они где—то там, далеко. Большинство не знает, что за этим стоит. Знают только те, кто столкнулся. И оказался в одиночестве с проблемой. И ты бы не понял, если б я сказал, не лезем в это дело, и все.

— Наверное...

— Но знаешь, что самое страшное?

— Что?

— Ты даже не представляешь, сколько их. И мало кто об этом задумывается. Если сложить официально зарегистрированных ВИЧ—инфицированных, это 95% интересующей нас аудитории, с нашей базой учета, и то, там только те, кто уже за что—то попадал, то... — Павел задумался, прикидывая в уме что—то, тогда Алексей спросил прямо:

— Сколько, Паш?

— Примерно 1% от населения Москвы. Да, будут пересечения и повторы, но все равно. Дохрена.

– Так много?! – Алексей вытаращил глаза, цифра казалась безумной, сотая часть даже от официальных данных по жителям Москвы, без мигрантов, получалась огромным значением. – Это же реально проблема!

– Так вот, Леха. У китайцев этой проблемы нет. Совсем. Я не в восторге от таких мер, но раковую опухоль они вырезали. Они реально победили наркоманию. А у нас? Много говорят, и вообще ничего не делают. Хотя понятно, что там, где власти важен рейтинг, такого, как в Китае, никогда не будет. Не очень популярная мера для народа. Но ты представь: уличных грабежей с разбоями сразу на добрых две трети меньше. И Лидия Павловна была бы жива. Один раз оплакала бы его, своего дурака этого, не мучая себя годами. И уже бы в свое удовольствие жила. А потом и на пенсию, которая больше бы стала, потому что нахлебников меньше. И с лекарствами попроще, потому что нагрузки от паразитов нет. Да и просто, много ли желающих стало бы пробовать это говно, если бы знали, что за это их к стенке поставят?

– Не знаю... Может ты и прав. Но и я бы в милицию не попал в таком случае, – подытожил Алексей, вспоминая разборку на стройке.

– И тут нарки замешаны?

– Ага. Наш сегодняшней фигурант и замешан. Хоть и косвенно.

Алексей замочал, уходя в воспоминания. Но Павел прервал его воспоминания:

– Интересно. Расскажешь?

– Да без проблем. Выходит, круг сегодня замкнулся. Наливай.

Заинтересованный Павел придвинул к Алексею банку с маринованными огурцами и потянулся за бутылкой, в предвкушении интересного рассказа.

– Значит, дело было так... – начал свою историю Алексей.

Сидели они долго. Спать их чуть ли не насильно отправляла Наталья, уже глубокой ночью.

9 мая 2012 года

Алексей подъехал к своему дому за полночь, изрядно припозднившись. Ему пришлось дожидаться салюта Победы, но на этот раз сидя в салоне своего автомобиля, а не так, как раньше, стоя в оцеплении. Это радовало, но зачем за оцеплением, у стен Кремля, вообще нужны оперативники, Алексей не понимал. Хотя все же их на усиления привлекали гораздо меньше, и задачи у них стояли не по управлению толпой, а по оперативному раскрытию преступлений на месте. По крайней мере, так предполагалось. А фактически он лично отшил троих. Первым был бедолага, оставшийся без мобильного телефона где-то в толпе, причем сам факт пропажи он ограничивал временным промежутком в несколько часов. То есть, вор мог быть любым из доброй сотни тысяч человек, посетивших центр Москвы, и как прикажете его вычислять

в толпе? Каждого не проверишь. Но среди граждан всегда находятся те, кто надеется на помощь и чудо от милиционеров, то есть, теперь уже, с начала 2012 года, полицейских. Вот только сами новые полицейские в чудеса не верили.

Потому он максимально доходчиво, но в тоже время мягко описал текущую ситуацию потерпевшему как есть, после чего, хотя формально и предложил написать заявление, открыто оценил вероятность раскрытия этого дела в доли процента. И то, если воришка не успокоится, а какой-нибудь бдительный гражданин поймает его собственноручно прямо на месте нового преступления и притащит стражам порядка. Благо, что их на каждом углу выставили напоказ, праздник как—никак. В таком случае его примут с распростертыми объятиями, кто же откажется от раскрытия нахаляву. Расстроенный гражданин выслушал доводы и убрался восвояси. Еще двое так же быстро лишались всех надежд, а возможно и той не очень большой веры, что осталась у людей к московской теперь уже полиции.

Алексей решил себе позволить немного расслабиться, прихватив пару бутылок пива, он направился на детскую площадку, на старую, но все же немного облагороженную свежей краской, лавочку. Однако прилипшие газеты, растеленные поверх еще липкой краски желающими тут присесть, изрядно подпортили все старания наемных гастробайтеров из средней Азии. Не сильно мучаясь муками совести, Алексей добавил несколько газет и от себя, присел и открыл бу-

тылку.

Он не любил пить в одиночестве даже пиво, но где взять друга—собутыльника в половину второго ночи? Он огляделся. Его двор, его площадка. Все как в старые времена. Только больше никого нет рядом. Ни здесь и сейчас, ни вообще. Не смотря на огромное количество разных знакомых, куда ж без них оперативнику, количество людей, которых он мог назвать друзьями, теперь уместилось на пальцах одной руки, да из тех близко был только Павел. Из детства не осталось даже знакомых.

— Чернов? Алексей? — неожиданно раздалось рядом. Алексей повернулся и узнал Ашота, который, убедившись, что не ошибся, улыбнулся, добавив: — Ты ли это?

— Что, так изменился? — буркнул Алексей, но тоже улыбнулся, и протянул руку для рукопожатия.

— Все течет, все меняется. Ты вон... Нет, не повзрослел даже. Посерьезнел.

— А уж ты какой серьезный стал, — отозвался Алексей, осматривая Ашота, одетого с иголки в костюм. — Галстук—то не давит на шею?

— Да я уже привык. У нас сегодня мероприятие было с ветеранами. Потом чуток посидели с ребятами, вот и припозднился. Вообще, это теперь моя повседневная одежда.

— Понятно. Пиво будешь? — Алексей указал на вторую бутылку.

— Нет, спасибо. Мешать алкоголь не буду, не двадцать лет

уже. Да и чревато. Разгонишься и не остановишься. А завтра следующая часть ветеранов.

– Ветеранов? Ашот, ты чем занимаешься–то?

– Сейчас? Раздачей подарков от нашей политической партии.

– В политику, значит, подался? – скривил физиономию Алексей.

– Думаешь, ментом быть сильно лучше? – улыбнулся Ашот.

– Помнится, вы со мной общаться из–за этого прекратили.

– Да дураками были. Где они теперь все со своими идеалами? Все в офисах на дядю горбатятся, если вниз не скатились.

– А кто в земле червей кормит, – угрюмо добавил Алексей.

– Миша–то... Ребята говорили, что вроде ты его закрыл? Ты на свой счет это не бери. Все правильно сделал.

– Угу, – с грустью в голосе отозвался Алексей, но решил эту тему закрыть. – Слушай, Ашот. Я вот только одного не понимаю. Мы раньше тут бы сидели, брынчали на гитарах и пили пиво, тем более, в праздник. Куда делась нынешняя молодежь?

– Так известно куда. За компьютером вся сидит. Кто на танках воюет, кто себя с эльфом ассоциирует. Кому что ближе. А те, кому это не интересно... Так им и в наше время не до таких посиделок было. Да и меньше их, Лех. Мы же

последние дети Союза, а они как раз на демографическую яму приходятся.

– Отдали улицу без боя, – заключил Алексей. – Смены нет.

– Ну да, всему свое время.

– Ашот, ты же видишь прекрасно сам, кому отдали! Гастробайтерам, да шпане мелкоуголовной!

Ашот закивал, задумался, казалось, он тоже на миг вернулся назад, в детство. Но затем пожал плечами и сказал:

– Мы были обречены на поражение уже тогда. Теперь все, что приносит деньги, вытесняет все остальное. И хорошее, и плохое. Постепенно, но необратимо. Тем более на улице. Правила капитализма, что ты хочешь. Улице не нужны образованные интеллектуалы, даже на уровне средней школы, с соответствующей моралью и культурой. Зачем? Это не выгодно, не рационально образовывать всех подряд. Особенно тех, кто этого не хочет. Свобода же. Получайте результат: пришли на замену носители другой культуры. И я сейчас не о национальностях вовсе. Русских в этой массе все еще большинство.

– Интересно рассуждаешь, наверное, даже правильно, – согласился Алексей. Трудно спорить с очевидным доводом.

Зазвонил мобильник Ашота, он отошел, принял вызов и некоторое время разговаривал в стороне, передвигаясь с места на место по детской площадке. Предоставленный себе Алексей прикончил первую бутылку, но открывать вторую

не хотелось. Вскоре вернулся Ашот.

– Меня дома потеряли уже. Ты извини, я пойду. Как–нибудь еще потрещим!

– Обязательно! – отозвался Алексей. – Да и я, пожалуй, пойду. Мне это место теперь грусть навевает.

Они распрощались, и направились каждый в свою сторону.

Алексей зашел в квартиру, раздумывая, что же делать с бутылкой пива, и, решив все же ее допить, отправился за компьютер, намереваясь проверить почту, полазить по Интернету, таким образом, скоротать время за пивом.

В почте, помимо традиционного спама, было несколько дежурных шаблонных поздравлений с праздником от различных знакомых, читать их не хотелось совершенно. Других полезных писем не обнаружилось. Загрузился «Скайп», тут же проинформировав о нескольких входящих текстовых сообщениях аналогичного содержания. Алексей просмотрел список контактов. В сети практически никого не было. Глаз зацепился за абонента «Петр Блинов», находящегося теперь в вечном оффлайне, но отчего–то рука не поднималась удалить его из списка. Алексей однажды рассудил, что раз уж не получалось найти виновных в его смерти, так хотя бы вспоминать его изредка, таким образом отдавая дань памяти.

Но вот один из контактов засветился зеленым, абонент вошел в сеть. «Иван Рябов», американский звездно–полосатый флаг–иконка, локальное время чуть за час дня, подпись «Со-

единенные Штаты». Алексей кликнул на вызов. Зажегся зеленый огонек веб-камеры, Иван ответил практически сразу, представ на экране монитора взъерошенным, в мятой футболке и, как ни странно, тоже с бутылкой пива в руках.

– О, Леха! Привет! – эмоционально поприветствовал его Иван.

– Привет, Вань, – устало отозвался Алексей, но все же улыбаясь в ответ.

– Ты чего такой кислый?

– Так ночь у нас уже. После усиления. Праздник же. Или забыл, как оно проходит?

– Помню прекрасно! А у нас тут это обычный рабочий день, но я принципиально отказываюсь работать в день Победы. Спал до упора, только встал. Так что, за Победу, Леха!

– Бум здравы, – отозвался немного удивившийся Алексей, присоединяясь к тосту, – а как это, взял и отказался выходить на работу?

– Я имею право по условиям контракта взять четыре рабочих дня в году в качестве выходных, если этого требуют мои взгляды, религиозные убеждения, что-то там еще... Я точно не помню. Но причину указать должен.

– Америка... Рассказал им хоть, кто немцев победил на самом деле?

– Да их это в принципе не особо интересует. Но мой бос – индус, он и не спорил, с интересом послушал мои доводы, и вроде даже согласился. Ему не понравилось упоминание

союзных отношений с Англией, но когда я ему сказал, что за Ленд– Лиз Россия до сих пор расплачивается, он расхохотался. А был бы он американцем, то есть выросшим в Америке, не знаю, чем бы это кончилось. Они уверены, что выиграли все войны в одиночку.

– Чего тебя к индусам потянуло?

– Кто согласился взять на работу, туда и пошел. Английский мой терпеть готов не каждый, плаваю я еще временами. Но он уже лучше. Гораздо.

– И кем ты работаешь?

– Программистом, как ни странно.

– А что в этом странного? Ты же в этой области всегда соображал!

– Я самоучка. Я считал, что недостаточно хорошо соображаю. Что профильные спецы на голову меня сильнее. Что маловато практики, а оказалось...

– Что оказалось?

– Оказалось, что те, кто на голову меня сильнее, это уже таланты от Бога. Такие просто не нужны для типовых задач. Помнишь, что нам все время давала понять система, а некоторые товарищи Сысоевы вслух озвучивали?

– Что?

– Что незаменимых нет, что тут у вас есть работа, а там, на улице, еще себе место найти надо. А вы никто, и звать вас никак, кому вы там нужны? Так что сидите, и не вякайте.

– Ну да, знакомая позиция... И что?

– Нам ввали.

– Да ладно! – усмехнулся Алексей.

– Нет, я вполне серьезно. Я думал над этим, и пришел к выводу, что это элемент системы. Мол ты никто. А тут всем все равно на счет того, где ты научился программировать, какое у тебя образование. Можешь – вот тебе задача, решай, тебе за это деньги платят. При чем каждому спецу индивидуально, как договоришься, уравниловкой и не пахнет! Остальное их не интересует. И так на любой работе.

– Надо еще такую работу найти...

– Леха, на квалифицированных спецов спрос всегда будет превышать предложение. А уж в «айти» и подавно. Все компьютеризируется, постоянно нужно что-то разрабатывать. Исполнителей нормальных – кот наплакал. Незаменимых нет, может быть, только если имеешь дело с однородной серой массой, претендующей на неквалифицированный труд. Понял, какого о нас мнения руководство было?

– Давно понял. Издержки профессии.

– Нет. Так было не всегда, – Иван задумался, что-то припоминая, затем сказал: – Вот, например, вспомнил: «Кадры решают все». Знаешь, чья фраза?

– Из старого фильма какого-то советского?

– Нет. Это сказал Сталин.

– Ого.

– Да-да, это сказал отец народов. Прошло 50 лет, и все перевернули с ног на голову.

– Понятное дело, ломали коммунистические устои.

– Леха, зачем было все ломать? Какие устои мешали работе полиции, особенно уголовной? Политические решения отменили некоторые статьи, добавили новые, в основном экономические. И что? Ну не сажают теперь геев в России, а раньше сажали. Что нам с тобой с того? Да пусть их десантура гоняет. Правда тут есть одно но.

– Это какое же? Тебя там толерантным принуждают быть? – усмехнулся Алексей.

– Не без этого, – кивнул Иван, – но вот представь, допустим ученый с мировым именем придумал лекарство от рака.

– И?

– Но он гей. В России его какой-нибудь пьяный десантник в фонтане утопит. А в Америке нет.

– Ну и что с того-то?

– А то, Леха, что в Америке будет лекарство, а в России нет. И вообще, вот ты уважаешь творчество Фредди Меркьюри...

– Хорош, хватит! Я понял. Проехали.

Тема была скользкая и не приятная, но было и зерно истины в словах Ивана. Он лишь усмехнулся, и продолжил:

– А ты знаешь, чем кража кошелька в Советском Союзе отличается от кражи кошелька в России сегодня?

– И чем же? – заинтересовался Алексей.

– Ничем, Леха, ничем! Вообще ничем. Так зачем было ло-

мать? В СССР процент раскрытий был за 70. А теперь?

– В Москве за 30 еле–еле перешагивает. И то только из того, что граждане все же донесли, и у них это приняли.

– Вот! А почему?

– Думаешь, только кадры виноваты?

– Нет, не только, тут комплекс причин. Но основная все же да, кадры.

Алексей вздохнул, продолжать этот разговор не хотелось. Буквально только что Ашот показал ему на другом частном примере примерно такой же вариант расклада. Только там было про улицу, это понять еще можно, а тут... И ведь то же самое. Споры были бессмысленны, ощущалась просачивающаяся истина, пусть и до конца не ясная, которую Алексей уловить не мог. Просто было понятно, что с разных углов и точек зрения, но эти двое говорили об одном.

– Как ты там, Вань? – совсем неожиданно изменил тему разговора Алексей.

Не ожидавший резкой смены направления разговора Иван был захвачен врасплох. Потому совершенно искренне, даже как–то взгрустнув, ответил:

– Хреново без вас. Вы на другом конце земли. Иногда прижмет так, что хочется на стену лезть. От английского времени башка взрывается. Русские тут странные, мало нормальных ребят. Первое время мне тяжело было, но познакомился с нашими, семьей молодой из Владивостока. На работе подружился с Володей, он меня и беседовал при прие-

ме больше всех. На русском, кстати, – Иван усмехнулся. – В остальном тут лучше. Серьезно, все лучше. Главное, есть уверенность в завтрашнем дне.

– А как же то, что в школах стреляют, наркотой торгуют на улицах, ураганы дома крушат, чем же лучше?

– Леха, тут все поделено на районы. Хочешь купить наркоту, пострелять в кого, или просто кулаками помахать, двигай в соответствующий район, где весь цвет того дерьма, что у вас по ящику про Америку крутят, и обитает. Да, там все это есть. Только я живу в нормальном районе. Мои соседи такого же социального уровня. Ту публику я не вижу. Я с ней не пересекаюсь. Здесь все так устроено, наверное, специально. Это не Москва, где все социальные слои словно взбиты миксером и по территории города равномерно размазаны. Ну кроме элитного центра, естественно. А ураганы и в Москве бывают. Я помню, как на балкон вышел, что бы полюбоваться летающими рекламными щитами. Отличное было зрелище!

Алексей улыбнулся. И на эту тему спорить не хотелось совершенно. Каждый хвалит свое болото, это понятно. Но что-то всего за четыре месяца неуловимо изменилось в Иване. Рассказывал и защищал Америку он действительно уверенно, что странно для человека, особого желания уезжать туда еще год назад не высказавшего вообще никакого. Да и за-чем? Ведь Иван был способный, и мог бы вполне успешно трудиться здесь, в Москве. И, наверное, так и хотел. Только

его словно вышвырнули вон, как отработанный материал, и кому от этого стало лучше? Как тут не согласиться с мнением Ашота про культурную среду? Не подошел, среда его отвергла. И к какой–такой среде, в этом случае, можно отнести руководство теперь уже полиции, избавляющейся от таких квалифицированных спецов? Или не проявляющего никакого интереса к их уходу, что в общем–то, одно и то же? Иван, конечно, не сильно горел желанием служить, но раз он уже был на месте, на виду, почему абсолютно всем было наплевать на его увольнение? Кто об этом пожалел? Если только Старков, хотя как раз ему это уже должно было быть, по факту, безразличным. А какой человек может теперь влиться в эту среду без проблем? Стать ее нормой? Выходило что Сысоев...

– Вань, – произнес Алексей уже даже немного подавленно, – ты в Россию–то вернешься? Еще приедешь?

Иван снова удивленно уставился в экран своего компьютера видимо, вероятно, рассматривая Алексея.

– Леха, да что с тобой такое? Конечно приеду, в Москве все мои близкие.

– Тогда не забывай меня, заходи. У меня очень мало друзей.

– Обязательно Леха. У меня их тоже не густо. Хочешь, приезжай ко мне в отпуск. Напишешь, что в Египет, схема отработана, – Иван усмехнулся. – Зимой естественно?

– Ну а когда? – ответил Алексей, разводя руки в стороны.

Но тут же продолжил: – Сидеть в твоей хате в одиночестве, пока ты на работе? Я же даже спросить никого ни о чем не смогу на улице, если только послать кого куда на понятном им наречии. . . Нет, не для меня это. Да и накладно через океан кататься.

– Тебе видней, – ответил Иван, немного расстроившись, – но знай, это предложение для тебя всегда в силе.

– Спасибо, Вань. – Алексей снова взял бутылку пива в руки. – Давай еще раз за праздник? Не зря же наши немцев победили!

– Конечно, не зря, – отозвался Иван. – За Победу!

– За Победу!

Алексей поднес бутылку прямо к веб–камере, так же поступил и Иван, после чего каждый пригубил и сделал несколько глотков. Казалось, что они снова сидят рядом, как тогда летом у мангала, и нет между ними никакого океана. Разговаривали они еще долго, обо всем и ни о чем конкретно, оба были просто рады услышать друг друга.

Когда Алексей отправился спать, на улице уже светало. Завтра нужно было появиться в отделе, Паша задумал операцию, просил чем–то помочь. Засыпал он с мыслью, что пусть многие доводы, услышанные им сегодня, правда, все же не все так плохо и не все еще потеряно. По крайней мере, они отделом худо–бедно, но делают те же улицы немного чище. То есть, не позволяют всякой нечисти чувствовать себя полноценными их хозяевами, и свои криминальные дела они ес-

ли и совершают, то с постоянной оглядкой. А значит, вечная борьба продолжается, пусть сейчас крен весов правосудия и сместился не в правильную сторону.

Это значит, что все его потери были не просто так, и зарплату, наконец—то повышенную в результате реформы и переставшую быть издевкой, он получает заслуженно. И еще вот—вот, и начнет выходить из глубокого пике не только полиция, но и страна в целом.

Алексей еще не знал, что пройдет всего два года, и вместе с присоединением Крыма, ощущение серости и безысходности вновь повиснет в воздухе, а что-то черное, мрачное и страшное будет готово вырваться наружу при первом удобном случае.

Впрочем, многие продолжали ничего не замечать...

Эпилог. 2015 год.

Алексей сидел за своим столом, покачиваясь на стуле, периодически бросая взгляды на настенные часы. Часовая стрелка приближалась к пяти часам. Фактически, до конца рабочего дня оставалось еще больше часа, хотя если бы он встал и ушел в неизвестном направлении, это мало кого бы заинтересовало, опер есть опер. Разве что Пашу, формально теперь исполняющего обязанности начальника отдела. Но лишь формально. Да и старше он был всего на несколько лет.

Реформа милиции, превратившая ее в полицию и изрядно

повыкидывавшая людей из системы в принудительном порядке, кого на пенсию, а кого и просто на улицу, понадела много не самых хороших дел. Заменяв часть сотрудников более достойными, чье главное достоинство часто заключалось лишь в родственных отношениях с высоким начальством и другими подобными необходимыми современному российскому полицейскому качествами, позволявшими им остаться на службе в условиях сокращения их предыдущих мест службы, привела отдел к вполне прогнозируемому результату. В итоге некогда легендарный московский МУР превратился в разношерстное и разорганизованное сборище самых разных людей, разве что имевших какое-то отношение к органам внутренних дел.

Не минула сия участь и отдел Алексея, где треть личного состава сократили, треть отправили на пенсию, а на их место нагнали более достойных кандидатов. Но вот только новые сотрудники из числа заменивших пенсионеров совершенно не вливались в коллектив. Сложно стать детективом, если ты до этого из кабинета не выходил и бумажки с места на место перекладывал. Ну или на дороге жезлом махал. Более того, многие новой службы в уголовном розыске и не желали, надо было просто перекантоваться где-то, пока все не успокоится от перемен, а там глядишь и более интересное не пыльное место где найдется. Как итог, отделы разделились на группировки старых служащих и новых, причем каждая из этих групп занималась своими делами, не вмешиваясь в пробле-

мы другой. Собираемые годами коллективы рушились, и без того не блиставшие показатели раскрываемости пошли вниз.

Естественно, за отвратительные результаты в первую очередь огребали начальники отделов. Почувяв какой теперь ветер подул, бывший начальник Алексея, железный Михалыч, не долго думая, подал рапорт на пенсию и был таков. А вот занять его место желающих не нашлось. Совсем. Кому хотелось получать взыскания с самого начала руководящей карьеры? Тогда и назначили Пашу исполнять обязанности. Временно. Причем, в приказном порядке, совсем не интересуясь мнением на счет того, что думает сам Павел на данный счет. А он, не будь дураком, прекрасно понимал, что исполняет лишь роль затычки до тех пор, пока все не успокоиться, а как успокоиться – так пришлют кого-нибудь более достойного для этой должности, заменить его не справившегося с обязанностями. В спокойные времена желающих поручивать всегда хватало с запасом, а тут вдруг внезапно в 2012 году все стали полицейскими. Потому он сразу и написал рапорт о том, что не считает себя достаточно квалифицированным для занимания данной должности, прикрыв таким образом свою пятую точку от потенциальных проблем. Мол, я опер, и отстаньте. С рапортом выше ознакомились, но за не имением выбора оставили все как есть. В результате Паша не сильно-то нагружал себя обязанностями руководителя отдела, а отдел как-то функционировал. По инерции.

Алексей продолжал раскачиваться на стуле, все еще раз-

думывая, как добить остаток дня. В этом месяце, впрочем как и во многих предыдущих, он уже не сможет выполнить требуемый личный рабочий план никоим образом, пресловутых «палок» явно не хватит. Отдел давал отвратительные статистические показатели, и если раньше к удовлетворительным хотя бы тянулись, химичили с цифрами, намерено переносили раскрытия «сверх нормы» и задержания на новый квартал, то теперь всем стало просто на все наплевать. План из разряда трудно выполнимого перешел в фантастический, а коли так, так не стоит и пытаться его выполнить. Это мнение негласно разделяли многие, на том так же негласно все и порешили.

Затрещал телефон на столе, Алексей автоматически снял трубку:

– Чернов.

– Где Игнатов? – спросил раздраженный грубый голос, не потрудившись даже представиться.

– Без понятия.

– Вы не знаете, где ваш начальник?! – повышая тон, переспросил неизвестный в трубке.

– Не знаю. Он передо мной не отчитывается, – равнодушно отозвался Алексей с некоторыми даже и не скрываемыми нотками раздражения.

– Так найдите его! Опера вы или кто?

– Так точно! – уже показательно бодро отрапортовал Алексей. – Разрешите приступить к поискам?

– Разрешаю... – и в трубке послышались гудки. Алексей, пожал плечами, повесил трубку. Разумеется, найти Пашу он мог. Например, набрав номер мобильного телефона, которого нет ни в одной из официальных схем оповещения личного состава. Но необходимости такой не видел совершенно.

– То же мне, умник... – пробубнил Алексей себе под нос. – Те надо, ты ищи...

И стул снова закачался. Однако вскоре зазвонил мобильный. Алексей потянулся за ним, приводя хрустевший под его весом стул в нормальное положение, и потянулся за трубкой.

– Але... – вяло проговорил он в трубку.

– Спишь что-ли? Совсем охамел? – встретил его в штыки Паша.

– А, привет начальник. Нет, Паш, не сплю. Просто не знаю чем себя занять. Тебя тут кстати ищут.

– Ага, я в курсе даже кто и зачем. Ну пусть ищут, я не против. Хрен я на Петровке сегодня появлюсь. Слушай сюда, дело есть. Окажи мне услугу. Пробей человека.

– Как? Сегодня не смена Кукушкина, в информационном центре одни идиоты дежурят.

Информационный центр постигла еще более жесткая участь. В чью-то умную голову наверху пришла идея вообще сократить всех специалистов-милиционеров, заменив их вольнонаемными людьми. Поэтому всем тем, кто и делал основной объем работы за компьютером, было предложено снять погоны и работать дальше за зарплату, эквивалент-

ной доходу понаехавшего гастробайтера. Что устроило только тех, кому надо было лишь добить стаж до пенсии. Эти сотрудники сформировали свою смену, и заступали на дежурство раз в сутки через трое. К ним в основном и пытались обратиться по тем или иным вопросам. Но сегодня была не их смена, поэтому Паша только с досадой выпалил в трубку: – Твою мать!... Ладно. Интернет есть под рукой? Просто вбей данные в Яндекс.

Официального Интернета в полиции, вопреки заложенному в кино стереотипу, естественно тоже не было. То есть, конечно, у кого-то где-то он имелся. Ну как же, например, секретарша какого-нибудь генерала могла работать без него? Однако поскольку компьютеры отдела использовались для работы с информацией ограниченного доступа, пусть и в основном только в качестве печатающей машинки, Интернет на них и не полагался. Более реальным объяснением, правда, служило сокращение расходов на полицию, коснувшееся и этой сферы. Как бы то ни было на самом деле, данный факт нисколько не помешал установке полуподпольного роутера, вполне себе успешно принимавшего сигнал провайдера одной из беспроводных сетей, и последующим дооборудованием имеющейся в наличии компьютерной техники на прием этого сигнала. Естественно, за счет самих сотрудников.

А что же касается просьбы Павла, то в век информационных технологий люди действительно иногда наследили в сети достаточно. Особенно это касалось молодежи. Алексей

пошевелил мышку, прогоняя с экрана монитора давно там обосновавшуюся заставку хранитель, и отозвался в трубку:

– Хм... Ну, давай попробуем, диктуй.

– Кузнецов Игорь Петрович. Вбил?

– Ага. Редкая фамилия. Особенно для Москвы.

– Не умничай! – Павел говорил резко, видимо дело не терпело отлагательств.

– Ладно, не ори, слушаю тебя, – отозвался Алексей, концентрируясь на задаче.

– Мне нужен фигурант 1998 года рождения, попробуй добавить номер школы, сейчас найду...

Изложив дополнительные данные, Алексей без труда смог найти подходящую анкету в одной из социальных сетей, о чем и проинформировал товарища:

– Есть фигурант. Белобрысый несовершеннолетний прыщавый пацан. Зачем он тебе?

– Друзья имеются?

– Да под сотню.

– Какой общительный однако, – отозвался Павел уже доброжелательным тоном. – Посмотри, пожалуйста, есть ли среди них некий Елисеев Евгений Федорович?

– Повиси на линии...

Алексей принялся изучать анкету, рассматривая фотографии подросткового самовыражения. Наконец наткнулся на фотку с нужными данными, внимательно изучил вторую анкету, после чего произнес:

– Тоже весь прыщавый. Из этой же школы. Слушай, они на некоторых фотографиях вместе запечатлены. А зачем тебе эти дети?

– Есть значит... Хм... – Павел произнес это уже явно довольной интонацией, затем вовсе добавил: – Вот дебилы!

– И справка есть? – не удержался от комментария Алексей.

– Справку, Леха, им мы, походу, сами выдадим. Собирайся, поедим господам а-та-та дадим, и про ай-ай-ай расскажем.

– Паша, а нафига? Какой нам прок с них? Они же несовершеннолетние. Пусть ими соответствующий инспектор занимается.

– У меня тут личный интерес, но я один могу не справиться. Мне нужна мощная поддержка в твоём лице. На всякий пожарный... Отрывай свой зад, топай на выход, пиво с меня.

– Ладно, – с заметным воодушевлением отозвался Алексей, – только ради тебя. Ты, кстати, где?

– Да знаю я тебя. Скорее ради пива. На «Цветном» я, у цирка. Такси желтое, Хундай, номер...

– Ого! Чего это ты на такси-то?

– Давай-давай, шустрее, изложу по дороге расклад.

Через двадцать минут Алексей, пройдя дворами к известному на всю страну цирку, уже садился на правое переднее сиденье желтого Хундая с шашками и гордой надписью «Такси-Авторитет» и, внезапно, Павлом за рулем.

– Где взял? Али в таксисты решил переквалифицироваться? – поинтересовался слегка удивленный Алексей.

– Ну да, знаешь же сам какие у нас дела, – ответил, кивая, Павел, но заметив округляющиеся глаза Алексея, тут же добавил: – Ага, делать мне нечего больше. Просто сейчас вечер, час пик, пробки.

– И?

– Что и? На такси можно по выделенным полосам ездить!

– То есть это не левое такси?

– Самое настоящее!

– Нифига себе! – с восхищением воскликнул Алексей. – Отличная идея! Это нам руководство машину подкинуло?

– Ага, счас, жди, в булочную махнем! Арендовать этот автомобиль может любой желающий за 1300 рублей в сутки. Плюс бензин. Так что пришлось слегка раскошелиться.

– Мда... Слушь, Паш, а это вообще законно? Мне просто интересно, я как бы ни на что не намекаю, но... – начал было Алексей, но Павел его перебил:

– Заниматься извозом без лицензии – конечно не законно. А вот управлять желтой машиной без коммерческих целей имеет право любой обладатель водительского удостоверения. Согласен?

– Угу, – кивнул Алексей, – логично. И по странному стечению обстоятельств, еще и ездить по выделенным полосам общественного транспорта.

– Естественно. Это же такси, им можно. Кстати владелец

конторы – из бывших наших.

– Мда, прикольный бизнес. Так нафига я тебе понадобился?

– Тут такое дело... – Павел запнулся, но сразу продолжил: – Возможно придется забирать задержанных самим...
– уже отстранено, явно продолжая думать о чем-то своем, отозвался Павел.

– Ага, на такси и повезем в отдел. А чем тебя транспорт крайне дружественной нам местной районной полиции не устраивает?

Павел, услышав про дружественность местных стражей порядка и имевший на сей счет явно иное мнение, только усмехнулся, и продолжил заговорщическим тоном:

– Хотя бы тем, Леха, что никто официальный ход делу не давал.

– О как интересно! То есть по твоим личным делам... – начал было бурчать Алексей, но Павел его резко перебил, совершенно не желая выслушивать это нытье:

– Значит слушай расклад. Не далее как два дня назад один мой хороший знакомый попросил меня о помощи. У него похитили сына.

– Ни хрена себе! – Удивленно воскликнул Алексей. – Не слабая такая завязочка. А это точно наш профиль работы?

– Да успокойся ты! А то мы только по профилю работаем! Ты сам не далее как неделю назад какого-то торчка приволок оформлять, а это профиль наркоконтроля... Да и я бы и не

вписался в эту историю просто так, но была одна странная деталь, из-за которой пришлось влезть самому...

– Это ж какая?

– Помимо стандартных требований, ну типа не заплатишь – убьем, позовешь ментов – убьем, и прочей подобной ереси, выкуп просили не наличкой.

– Ого как интересно! А чем? Натурой?

– Все бы тебе... Короче вебманями. Электронными деньгами.

– Чем?! – воскликнул Алексей, затем, немного подумав, спросил: – Это ты по этому вопросу просил меня у Вани проконсультироваться?

– Ну да, – кивнул Павел. – Меня интересовало, как по номеру кошелька можно установить владельца, так как я вообще не знал, как к этому вопросу подойти, не банковский счет же. И спецы наши по похищениям тоже не в понятиях совершенно, отдашь им дело, время потеряют, шум поднимут лишней, кучу народу привлекут. А зачем? Спугнут и привет.

– Что у нас, выходит, некому с преступлениями в области высоких технологий бороться? Людей толковых нет? Или их тоже потрепали?

– Хуже. Соответствующее управление в структуре московской милиции было разогнано еще до твоего поступления на службу.

– Почему? – снова удивился Алексей.

– Да потому, что не справлялось это управление со сво-

ими задачами. Совсем не справлялось. Вот ты их задачи представляешь? Компьютеры, сети, хакеры... Квалификацию требуемую для среднестатистического сотрудника прикидываешь?

– Примерно, – отозвался Алексей. – Это должен быть человек на вроде Вани нашего. Только не гик, а еще и опер в одном лице. Слушай, а так вообще бывает?

Однако Павел этот вопрос проигнорировал, закончив мысль по-своему:

– Вот только твой Иван, не долго думая, взял да свалил в Америку, причем сильно не жалеет о повешенных на гвоздь погонах, на сколько мне известно. И не он один. А кто не свалил, и здесь себя, работая на не государственного дядю, нормально ощущает.

– У Ивана сложились другие обстоятельства, его просто вымыло... – теперь уже запнулся Алексей, затем продолжил удивленным тоном: – Паш, это же что получается, нет никакого противодействия в системе...

– Выходит так. Сейчас есть если только управление «К» МВД. Что и кто там у них – я без понятия. Не наш уровень. Выше. Федеральный.

– То есть что-то есть все таки...

– Ага. Есть. Для показухи. Если банки грабят виртуальные грабители, миллионы тащат, то желающие отщипнуть всегда найдутся. Банки же процентом делятся. Да своих людей из СБ на помощь подключают. Как раз тех, кто соображает в

сути проблемы. Неофициально естественно. А вот уведут у тебя со счета тысяч десять-двадцать этих электронных денег, и пойдешь ты не в «К» МВД, где ты никому никуда со своими грошами... Короче, в свой районный отдел заявку писать отправишься. Где ее и похоронят в архиве, так как тамошние опера очень далеки от всех этих ваших высоких технологий. А если кто и заинтересуется вопросом дальше, то сам знаешь, или все же тратить время и разбираться в вопросе, со смутной перспективой палку одну таки срубить на этом деле для плана, или за то же время пару-тройку бытовых разгрести, али какую еще прочую мелкую уголовку... С эффективностью в два-три раза выше, естественно. Для отчетов. Хотя сейчас и на план-то всем глубоко...

Алексей бросил взгляд на Павла, тот, улыбнувшись, лишь пожал плечами, мол не я такой порядок завел, да и сам ты все понимаешь, и сам по этим правилам живешь.

– Даааа... – протянул Алексей. – А ты, как я погляжу, выходит, что для своего знакомого время как раз потратил и вопрос изучил?

– Вроде того. Нанес я визит в ближайший офис «Вебмани». Объяснил им суть вопроса, они прониклись, просветили меня в новых технологиях. Накатал бумагу нужную, а чего мне стоит, я же вроде как начальник, полномочия имею, те заблокировали кошелек, типа простите уважаемый клиент, вы превысили порог анонимного оборота средств, разблокируем, когда паспорт покажите. Для верности туда денег ки-

нули, что бы вымогатели перевод увидели у себя на счету. Но забрать не могли просто так.

– И что?

– Господин Елисеев, 1998 года рождения, бла-бла-бла, короче предъявил сегодня паспорт. Ему в итоге пообещали в течение суток разблокировать кошелек. Я тебе и звякнул на предмет его связей. Мысля-то сразу в эту сторону заработала... Поддержка «вебмани» выдала мне данные на IP до кучи. Потом мне еще провайдер по этому IP выдал уже данные на заключившего договор, – Павел извлек из своей кожаной папки распечатанный лист, – вот, Елисеева Анна Михайловна, 1972 года рождения, проживает там же. Мама наверное.

– И господин Елисеев оказался одноклассником...

– Ага. Похищенного.

– Вот дебилы! – воскликнул Алексей.

– Я же сразу диагноз поставил, – улыбнувшись, закивал Павел. – Осталось только понять, сговор это обиженного на папку ребенка с другом, или там реально криминал, и одноклассник сработал наводчиком для кого-то еще. Хотя, скорее первый вариант. Привыкли детки к анонимности и вседозволенности Интернета, вот итог. Впрочем, совсем исключать того, что там нет какого-нибудь м-м-м... не слишком умного взрослого организатора, я бы не стал. По-быстрому пробить адрес и всех засветившихся персон сегодня никак. Потому тебя взял для страховки, но не думаю, что там все на столько сложно.

– Хороши детки, – только и прокомментировал Алексей.

Добрались они до места назначения быстро и без приключений, выделенные полосы общественного транспорта действительно этому поспособствовали.

Это был обычный московский район спальной окраины, примыкавший к МКАДу, построенный в семидесятые годы, состоящий преимущественно из девятиэтажек. Впрочем, то тут, то там над ними возвышались верхушки многоэтажных жилых башен явно уже проектов двадцать первого века – результат уплотнительной застройки, словно всем своим видом доказывавший тезис про нерезиновость Москвы, настолько это соседство выглядело странным, если не сказать уродливым, хотя приевшийся взгляд рядовых москвичей на это уже давно никак не реагировал. Разве что поминали изредка не добрым слово владельцев легковушек, оккупировавших пешеходные тротуары за неимением другого места для стоянки.

Около одной из таких новостроек они и остановились. Помимо всего прочего, дом был обнесен металлическим забором, как будто кто-то пожелал таким образом отделить своих обитателей от аборигенов. Машину они оставили прямо у шлагбаума, перегородившего въезд к единственному подъезду за неимением альтернатив. Не доходя до дверей подъезда, Павел, задрвав голову, стал по всей видимости отсчитывать окна в поисках нужной квартиры, которая вероятно была где-то на последних этажах. Наблюдавший за его дей-

ствиями Алексей, не выдержал, и поинтересовался:

– Нашел нужные окна?

Вместо ответа Павел коротко кивнул. Тогда Алексей достаточно ехидным тоном добавил:

– Много дало?

Павел отвлекся от своего занятия, состроил недовольную физиономию и произнес:

– Чернов, ну ты и язва. Лично я прикидываю, с чем мы там можем столкнуться, – он указал пальцем вверх. – Смотри. Дом новый, построен недавно. Вероятнее всего, квартиры тут купили люди, кто имеет возможность, например, с ипотекой связаться. Зарождающийся московский средний класс, который толком уже впихнуть в пределы кольцевой особо некуда. Видишь сколько торчит блоков кондиционеров? На каждом окне практически. Внимание вопрос: зачем этим людям подставляться за сотню-другую тысяч рублей? Смысл?

– Паш, ну чего так издалека-то подходить? Сейчас зайдем и на месте... – закончить фразу Алексей не успел, поскольку к подъезду завернул мальчуган лет десяти, и быстро понажимав клавиши домофона, скрылся за дверью, к которой тут же бросился Павел, не давая той захлопнуться на замок. Алексею оставалось только последовать на приглашение Павла войти в подъезд.

– Вы к кому? – донеслось до них из окошка сразу за металлической дверью.

– Вот, тут еще и консьержка живет, – произнес Павел, кивая на пластиковую будку, отгородившую собой половину пространства подъезда. – Зажиточное место.

Однако женщина-консьержка, поняла эту фразу по своему, и нотками испуга в голосе произнесла:

– Я сейчас милицию вызову! Уходите!

– Девушка, вынужден вас огорчить, милицию расформировали, – произнес Алексей, отодвинув Павла в сторону от окна и заглянув в него. – Никто вам больше не поможет! Такие дела...

– Чернов, ты что, дурак? – произнес Павел, отодвигая в свою очередь Алексея в сторону и крутя пальцем у виска, но у того это вызвало лишь ухмылку. – Ладно, девушка... – Павел запнулся, поскольку «девушке», которую он теперь мог рассмотреть, было навскидку лет пятьдесят, и с округлившимися глазами и побелевшим лицом та с опаской смотрела на него из-за стола, причем руками под столешницей, вне поля зрения, явно что-то искала. Так как это запросто мог быть какой-нибудь газовый баллончик, Павел решил быстро пресечь такое развитие событий, – Гражданка, мы из полиции, – он раскрыл свое удостоверение. Та, прочитав, вроде бы выдохнула и теперь с укором уставилась на Павла. – Скажите пожалуйста, – нарочито вежливо-официальным тоном продолжил Павел, – Елисеевы тут проживают?

– Ну есть такие, – все еще с недоверием отозвалось консьержка, затем с сомнением добавила: – Что-то не больно вы

похожи на милиционеров.

– Так это что бы преступники нас не опознали сразу, – вставил Алексей. – Не бойтесь, мы хорошие.

– Скажите, – продолжил Павел, не давая сделать быстрые выводы о степени их хорошеости, – а Женя Елисеев домой проходил?

– Что вам надо от Женечки? Он хороший вежливый мальчик, ничего плохого никому не сделал, а вы... Я настоящих милиционеров уже вызвала, сейчас они приедут, разберутся, кто вы такие! У нас все записано! – последнее она произнесла даже с некоторым злорадством, указывая пальцем куда-то вверх.

Павел посмотрел наверх и действительно обнаружил там камеру, глубоко вздохнул, делая простой вывод, что эта дама сейчас принесет больше вреда, чем пользы. Затем произнес:

– Короче пошли отсюда, Леха.

Консьержка уже поспешила улыбнуться, считая этот результат своей маленькой победой, явно ожидая, что неожиданные визитеры поспешат ретироваться, но вопреки ее ожиданиям, они последовали к лифтам. Никаких новых звуков из пластиковой будки, отгородившей половину пространства подъезда для обитания консьержки, не последовало. Уже в лифте Павел поинтересовался:

– Чернов, вот тебе людей пугать удовольствие что ли доставляет?

– Паш, да они обычно сами меня боятся. Что бы я ни гово-

рил. Не похож я на дядю Степу милиционера. Да и ты, кстати, тоже. Посадили беспомощную пожилую женщину охранником работать. Тоже мне, догадались.

Павел лишь снова глубоко вздохнул.

– Я рад, что ты что-то знаешь про дядю Степу. Ладно, будешь с товарищами из вневедомственной охраны сам общаться. Если «девушка» не приврала для красного словца, конечно. И те пошевелятся.

– С чего ты решил, что приедет вневедомственная?

– А кто еще по тревожной кнопке должен приехать? Братва?

– Так с чего ты взял, что там у нее кнопка эта вообще имеется?

– Она никуда не звонила, если ты не заметил. При этом говорила достаточно уверено. И вон, на стене...

– Точно, вот наклейка, – Алексей ткнул пальцем на стену лифта с наклейкой «Объект под охраной милиции» еще старого, дореформенного образца. – Интересный домик. То есть, минут через пять-десять примчатся, как думаешь, сколько у них там по нормативам написано?

– Я думаю, что на заборах тоже много чего написано, это раз. А уж если и приедет кто, то минут за пятнадцать в лучшем случае, это два. Нормативы тут не при чем.

– Почему? Это как так?

– Потому что если что и случилось, например сумку у кого дернули, то даже пяти минут достаточно, что бы свалить

так, что бы никто уже концов не нашел. Это жилой дом, а не банк, куда лететь надо действительно быстро, пока грабители с инкассаторами да прочей охраной разбираются и бабло сгребают в одну кучу. На это тратится время. Логично?

– Логично...

– А если на месте кого можно сцапать благодаря бдительности и действиям самих жильцов, так десяток минут не решает ничего. Тут, Леха, от камер с пожилой консьержкой толку гораздо больше, чем от тревожной кнопки УВО для последующих разборов полетов. Бойцы местного отдела приедут, кстати, совершенно бесплатно по звонку примерно за то же время. Но людям, наверное, живется спокойней «под охраной милиции», – Павел ткнул пальцем в наклейку.

Створки лифта отворились, прерывая их беседу.

– Ладно, убедил. Ну что, как в квартиру входить будем? – поинтересовался Алексей, покинув лифт и рассматривая звонки с табличками около двери, перекрывающей общий коридор, ведущий к квартирам.

– Позвоним в звонок, и войдем, – равнодушно отозвался Павел и нажал нужную кнопку. – Ксиву сразу приготовь, нечего людей пугать.

Через некоторое время послышались шаги, затем щелкнул замок и дверь открыла женщина лет сорока, в деловом костюме, посему было видно, что домой она явилась недавно и еще не переделалась.

– Анна Михайловна? – вежливо поинтересовался Павел,

бегло оценив ее наряд.

– Да, а вы...

– А мы из полиции. Майор Игнатов, капитан Чернов. Ваш сын дома?

– Да, – растеряно отозвалась она, – но вы...

Но Паша не дал ей договорить, жестко перебив:

– С другом Игорем, который тут пожить решил...

– Откуда вы знаете, что...

Теперь же Паша просто деликатно отстранил женщину, освобождая проход и пропуская вперед Алексея, давая тому указания:

– Чернов, иди Игорька сгребь, а я тут с родителем пообщаюсь пока...

– Угу, – буркнул Алексей и направился в квартиру.

– Вы не имеете права! – донесся ему в спину испуганный возглас женщины.

– Еще как имеем, – спокойно ответил Павел, и проследовал за Алексеем, женщина бросилась следом в квартиру, однако попытку обгона Павел пресек, схватив ее за руку, и максимально вежливо добавил: – Не следует так спешить, гражданка.

Слушать дальнейшую словесную перепалку Алексей не стал, шагнув в квартиру. Да, Павел был прав, квартира может и не выглядела очень богатой, но явно выдавала более-менее достойный для жизни достаток владельцев. Чистая, ухоженная, добротнo отремонтированная. Новая мебель на входе,

красивые деревянные двери в комнаты. Обстановка в квартире Алексея была куда скромней, впрочем его это и не сильно волновало. Из кухни доносилось равномерное бубнение телевизора, а вот из-за двери одной из комнат слышалась добротная долбежка стрельбы и взрывов, воспроизводимая явно качественной акустической системой. Туда Алексей и направился.

Открыв дверь, Алексей сразу оценил обстановку. Шкаф-купе у стены, рядом наспех заправленная кровать со стоящий рядом раскладушкой, тоже с наброшенным покрывалом, на стенах постеры с изображениями каких-то музыкальных групп, и двое юношей в конце, оба с наушниками на голове, один за компьютерным столом, второй чуть в стороне за ноутбуком, стоящим за письменным, похоже что специально подвинутым ближе к компьютерному. Зачем при этом им понадобилась еще и долбежка из колонок, оставалось загадкой. Периодически они обменивались короткими фразами «прикрой», «врываемся», «фокус на Тигра» и другими подобными. Вошедшего Алексея не заметили, все внимание поглотил игровой процесс танковых баталий на экране. Тогда Алексей подошел к ближайшему юноше, стянул с него наушники, повернул на вращаемся стуле к себе, и максимально добродушно, с улыбкой, произнес:

– Привет, Игорек!

– Я Женя, – удивленно захлопал глазами парень, – Игорь вот, – он ткнул пальцем в соседа, все еще уткнувшегося в

компьютер. Тогда Алексей снял наушники и с него, развернул к себе лицом вместе со стулом, так как этот не вращался, а был цельным на четырех ножках. Ну да, этих двоих он видел в социальной сети, только кто есть кто уже забыл. Впрочем, вряд ли они станут врать кто из них кто, поэтому он так же добродушно сказал:

– А я капитан Чернов. Все детки, доигрались. За тобой, Женя, сейчас придет мой друг, а ты... Пора в тюрьму, Игорьек!

Полюбовавшись еще немного испуганными ребятами, Алексей взял за руку Игоря, и просто пошел назад, полностью игнорируя вялое сопротивление, к Павлу, где тот продолжал беседовать и разъяснять права и обязанности сотрудников полиции, а может что еще, судя по побледневшему лицу женщины и потерявшему всякое желание громко возражать.

– Паш, – окликнул товарища Алексей, – смотри, кого я поймал!

– Тащи его в машину, я подойду чуть позже, – Паша сделал паузу, – с Евгением. Только его маме разъясню суть проблемы.

– Угу, – кивнул Алексей, и потащил на выход задержанного.

До машины они дошли без приключений, разве что проходя мимо консьержки Алексей мило ей улыбнулся и вежливо поинтересовался, где пропадает ее «правильная» поли-

ция, когда у нее на глазах детей похищают. Та ничего не ответила.

Усадив молодого человека на заднее сиденье и для гарантии пристегнув того к ручке двери наручниками, Алексей уселся на место водителя, бросил взгляд в зеркало заднего вида на испуганного молодого человека, и произнес:

– Ну что, Игорь, теперь ты в безопасности. А вот твоему дружку срок мотать придется за похищение с выкупом...

– Он... – начал было парень, но запнулся, сглотнул слюну. Затем все же продолжил: – он не при чем.

– Как это не при чем? Выкуп за тебя требовал? Требовал. Значит сидеть ему, негодяю, в тюрьме.

– Мы вместе все придумали, – потупившись выдавил юноша.

– Зачем?

– Что бы были деньги на игру. Нам не хватает.

– На какую игру?

– Ну на танки...

– Сто тысяч рублей?!

– Зато с запасом. Танки есть дорогие... У его отца есть деньги, это не проблема.

– Идиоты. Значит сидеть вам вдвоем, раз в группе по предварительному сговору.

Игорь тихо заскулил на заднем сидении, Алексей же решил не препятствовать этому занятию, включив радио погромче. На удивление быстро, минут через десять, вернул-

ся Павел. Один. Бросил взгляд на Игоря, сел в машину, командовал:

– Поехали.

– Куда?

– Сдадим ребенка родителю. Тут рядом, пара кварталов.

Игорь, покажешь как дворами проехать?

Однако Игорь, прикинув перспективы встречи с отцом, съезжился, и пробубнил:

– Да пошли вы...

– Нет, ты понял?! – воскликнул Алексей. – Паш, давай его в изолятор определим, что с ним церемониться!

– Да ладно. Дурак еще, – буднично отозвался Павел, вбивая в навигатор адрес. – Это ли проблема. Пять минут расчетное время в пути. Ты кстати в курсе, чего они придумали?

– Да мне Игорек рассказал, ага. Только не понятно, как взрослая баба спокойно пустила себе на территорию проживать чужого пацана, не спросивши его родителей.

– Так она думала, что пообщалась с родителями-то.

– Как это?

– Эти хакеры использовали программу изменения голоса.

И от имени папы Игоря попросили Анну Михайловну пустить на постой на недельку сына, так как родители якобы отлучаются на этот срок, а оставлять чадо без присмотра не хотят. Она согласилась.

– Их бы энергию, да в мирное русло... Ты смотри, действительно приехали, – сказал Алексей, указывая пальцем

на подъехавшую машину УВО.

– Давай, рули быстрее отсюда, нечего нам с ними разговоры разговаривать и время терять.

Благополучно разъехавшись в разные стороны с машиной вневедомственной охраны, они отправились по маршруту, предложенному навигатором, и действительно всего за пять минут прибыли к другому высотному дому, так же впихнутому между девятиэтажек, где Павел забрал задержанного и скрылся с ним в подъезде. Алексей же, немного откинув спинку сиденья, решил подремать. Впрочем, в себя его привел скорый тычок под ребра пальцем и комментарий Павла довольной интонацией:

– Не спи рыбак, проспишь пучину!

– А повежливей никак? – буркнул в ответ Алексей, вернув сиденье в привычное положение и потирая ребро.

– Можно и повежливей, – ответил Павел и положил перед Алексеем конверт. – Держи. Честно заработал.

– Ага, честно...

– Ну а как ты хотел? Работа выполнена? Да. Должна быть оплачена, как оговорено. Вот твой гонорар. А в качестве адекватного наказания им родители трепку зададут. Все довольны, дело закрыто.

– Конечно, все довольны...

– А что не так? – удивленно спросил Павел, но сразу же добавил: – Чернов! Ты предлагал их реально оформить? Ты хоть представляешь, что с ними сделает наше правосудие?

– Чего?

Павел состроил кислую физиономию, затем глубоко вздохнул и принялся объяснять:

– Значит так. Имеем либо полноценное похищение человека с целью выкупа, либо мошенничество в группе по предварительному сговору. В крупных размерах, между прочим. Что там следователи пришили бы, еще посмотреть надо было бы. Да это их дело, мне пофиг в общем-то. А система исполнения наказаний им не оставит никаких дальнейших шансов в этой жизни. Вообще никаких.

– Почему? Они несовершеннолетние, пальчиком погрозят и отпустят.

– Ага, счас! Спецшкола как минимум. Это если по закону, и я еще не вдавался в подробности, с каких лет по каким статьям полноценная уголовная ответственность наступает, и что там с борьбой с терроризмом понапридумывали. А может у следака просто план гореть? Он же статью подберет! А тут ты материал стопроцентный подкинешь к месту!

– Ладно, спорить не буду, – в свою очередь вздыхая, согласился Алексей, и сунул в карман конверт. – На пиво, полагаю, хватит?

– Не сомневайся.

– Спонсор, выходит, щедрый?

– Конкретно в твоем случае щедрая Анна Михайловна.

– Чего?! Ты и ее данью успел данью обложить?

– А почему нет?! Погрозить пальчиком, ваш сын хулиган,

ай-ай-ай! Нет уж. Только что-то потеряв, человек начинает анализировать причины этой потери. И делать выводы. Так что...

– Думал ли я, что когда-нибудь буду брать взятки...

– Да не вопрос, вернись и отдай назад,— пробурчал Павел. – Только это плохая идея. Она испугается и не возьмет. Решит, что передумали. Да пойми ты! Не взяли бы мы, взял бы следователь. Не взял бы следователь, взял бы адвокат. И с судьей бы поделился. Потому что тоже кушать хотят! И все прекрасно понимают, что нефиг им в компанию к действительно уже конченным деткам попадать. Понятно?

– Вполне...

– Зер гут.

Алексей снова вздохнул. Да, его товарищ прав на все сто процентов, доводы логичны, спорить бессмысленно. Дай официальный ход делу, и наказание будет чрезмерным, на всю жизнь. Разговаривать тут не о чем. Все это не правильно, грязно и давно прогнило, но как ни парадоксально, действительно правильно действовать можно только по варианту Павла, меньшее из зол получается именно так. То есть не правильно. Словно это заложено в самый фундамент системы. Потому он просто произнес:

– Знал бы ты, как я устал от всей этой нашей действительности...

– А то я нет!

– Да я не о том. Ощущаешь себя говном иной раз, а изме-

нить этого не можешь...

– Чернов, хочешь стать белым и пушистым? Делать все по закону? Я не против, ты не подумай. Только наши новые друзья в отделе, которые нам не друзья вовсе, тебя скушают с потрохами. Хочешь ты, или не хочешь, а все телодвижения друг друга на виду, их не скрыть. И мы или в одной лодке, или тебя утопят.

– В том-то и дело, что я и это понимаю. Вот и думаю, а не пойти ли мне куда-нибудь в охрану частную...

– Что, все так достало?

– Ага. Наверное, пора в отпуск...

– А ты не был? Не порядок, зима уже кончилась, ты сезон отпусков пропустил.

– Угу, – усмехнулся Алексей. – Только ты, как начальник, за этим что-то хреново следишь.

– Нашел крайнего, молодец. Напишешь рапорт, пройдешь медкомиссию, я подпишу, и вали на все четыре.

– Хорошо. Меня как раз Иван в гости звал.

– Это в Америку что ли? Забудь.

– Чего это?

– Выезд за границу запрещен приказом сверху. Моих полномочий тут явно будет не достаточно. Так что, без особого разрешения, все отдыхают теперь в Крыму.

– Seriously?

– Вполне.

– Прекрасно... Отлично... Всю жизнь мечтал!

– Так! Хорош киснуть! – воскликнул Павел нарочно бодрым голосом и хлопнул товарища по плечу. – Мы собирались по пиву! Так поехали!

– Да не переживай ты за меня... – буркнул Алесей, заводя машину.

– Я больше за себя переживаю, скоро мне явно будет не до пива, а руководство без вазелина за палки... – Павел не стал заканчивать свою мысль, затем покосился на Алексея и добавил: – И работать скоро будет действительно не с кем, и это тоже хреново. Ладно. Хуже все равно уже некуда.

– И тут снизу постучали...

– Чернов! Ладно... Ну, так что? Чего стоим, кого ждем?

Алексей улыбнулся в ответ. Через мгновение желтый автомобиль «такси-Авторитет», взвизгнув резиной, рванул с места, распугивая прохожих.

– Леха, твою налево, выруби таксометр!